

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Пасынки Вселенной

История будущего. Книга 2

Роберт Энсон Хайнлайн
Пасынки Вселенной.
История будущего. Книга 2
Серия «Звезды мировой
фантастики (Азбука)»
Серия «История будущего», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57397564

*Р. Хайнлайн. Пасынки Вселенной. История будущего. Книга 2: ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-389-18635-4*

Аннотация

«История будущего» в творчестве писателя занимает особое место. Начатая в конце 1930-х годов с рассказа «Линия жизни» и продолженная впоследствии такими классическими произведениями, как «Человек, который продал Луну», «Зеленые холмы Земли», «Пасынки Вселенной», она охватывает огромный временной интервал в истории освоения космоса, как это представлялось Хайнлайну. В этой его истории героические эпохи сменяются эпохами диктатур, мир оборачивается войной, чтобы вновь обернуться миром, – много чего происходит на пути человека в будущее. Неизменен лишь человек –

ищущий, борющийся, побеждающий, сомневающийся, любящий, человеческий.

В настоящем издании часть переводов выполнена заново, другие даны в новой редакции.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

История будущего	7
«Если это будет продолжаться...»	9
1	9
2	28
3	48
4	65
5	72
6	91
7	109
8	125
9	138
10	155
11	203
12	226
Конец ознакомительного фрагмента.	228

Роберт Хайнлайн

Пасынки Вселенной.

История будущего. Книга 2

Robert A. Heinlein

The Future History, Volume 2

Orphans of the Sky

© 2010 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust

© 1963 by the Robert A. and Virginia Heinlein Library
Foundation

© И. В. Можейко (наследник), перевод, 1967

© С. В. Голд, перевод, 2020

© А. В. Тюрин, перевод, 1993

© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), пере-
вод, 1993

© К. П. Плешков, перевод, 2020

© Е. Н. Беляева, А. П. Митюшкин, перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Мои рассказы никогда не претендовали ни на проработанную историю будущего (относительно которого мне известно не больше, чем вам), ни на эпизоды длинного сериала (каждый из них полностью независим от остальных). Это всего лишь истории, которые должны развлекать, и написаны они ради того, чтобы в доме были всегда продукты.

Р. Э. Хайнлайн

важные вехи на шкале времени. При этом он сгруппировал произведения так, чтобы по возможности избежать их точной хронологии. Хайнлайн больше не пытался сохранить свою историю будущего как жизнеспособную ветвь от древа нашей общей реальности; теперь она позиционировалась как самодостаточная вымышленная концепция.

«Если это будет продолжаться...»

1

На посту было холодно. Я захлопал в ладоши, чтобы согреться, но тут же остановился, испугавшись потревожить Пророка. В ту ночь я стоял на часах как раз у его личных апартаментов – эту честь я заслужил, выделяясь аккуратностью на поверках и смотрах. Но сейчас мне совсем не хотелось привлекать его внимание.

Был я тогда молод и не очень умен – свежее испеченный легат из Вест-Пойнта, один из гвардейцев Ангелов Господа, личной охраны Воплощенного Пророка. При рождении мать посвятила меня Церкви, а когда мне исполнилось восемнадцать, дядя Абсолом, старший мирской цензор, припал к стопам Совета Старейшин, дабы они рекомендовали меня в военное училище.

Вест-Пойнт меня вполне устраивал. Конечно, я, так же как и мои однокурсники, традиционно ворчал на военную службу, но, уж если говорить честно, мне нравилась монашеская жизнь – в пять подъем, два часа молитв и размышлений, потом лекции и занятия разнообразными военными дисциплинами: стратегией, тактикой, теологией, психологи-

ей толпы, обоснованием чудес¹. После обеда мы практиковались в стрельбе из вихревых пушек и бластеров, учились водить танки и укрепляли тело упражнениями.

Я не был в числе лучших кадетов и не надеялся стать Ангелом Господа, хотя и мечтал об этом. Но у меня всегда были отличные отметки за благочестие и неплохие по практическим дисциплинам. И меня выбрали. Я был почти греховно горд. Еще бы, попасть в пресвятейший полк воинства Пророка – полк, в котором даже рядовые были в ранге офицеров и которым командовал Разящий Меч Пророка, маршал всех войск. В день, когда я получил блестящий щит и копье, положенные Ангелу, я поклялся готовиться к принятию сана, как только достигну звания капитана, которое позволяло на это надеяться.

Но в ту ночь, спустя несколько месяцев с того первого дня, несмотря на то что щит мой блестел как всегда, в сердце моем появилось тусклое пятнышко. Жизнь в Новом Иерусалиме оказалась не совсем такой, как я представлял ее в Вест-Пойнте. Дворец и Храм были пронизаны интригами и политикой. Священники, диаконы, государственные министры, дворцовые функционеры – все были заняты борьбой за власть и благорасположение Пророка. Даже офицеры нашего полка не избежали этого. Наш славный девиз «Non sibi,

¹ В оригинале «basic miracles» – имеются в виду «основные чудеса»; в христианских текстах таким термином обозначают явление Христа, смерть, Воскресение, т. е. речь о канонических евангельских событиях.

sed Dei» приобрел кисловатый привкус.

Я и сам был не без греха. Хотя я и не вмешивался в драку за мирские блага, я совершил нечто такое, что было греховнее: я посмотрел с вожделением на посвященную особу другого пола.

Прошу вас, поймите меня лучше, чем я сам себя тогда понимал. По возрасту я был мужчина, а по опыту – ребенок. Единственная женщина, которую я хорошо знал, была моя мать. Мальчишкой, в семинарии, прежде чем попасть в Вест-Пойнт, я почти боялся девочек. Мои интересы ограничивались уроками, матерью и приходским отрядом Херувимов, в котором я командовал патрулем и усердно зарабатывал нагрудные значки всех видов – от ориентирования в лесу до чтения наизусть цитат из Писания. Если бы существовал знак отличия за успехи по части девушек... но такого знака, конечно же, не существовало.

В военном училище я попросту не видел женщин и мне не часто приходилось исповедоваться в дурных мыслях. Мои человеческие чувства были заморожены, а случайные соблазнительные сны я расценивал как искушение дьявола. Но Новый Иерусалим – не Вест-Пойнт, и Ангелам не запрещалось жениться, равно как не запрещалось вступать в смиренные и благопристойные отношения с женщинами. Правда, большинство моих товарищей не стремились вступать в брак, ибо женитьба вела к переводу в один из обычных полков, а многие из нас лелеяли надежду стать военными свя-

щенниками – но брак для нас не был под запретом.

Не запрещалось выходить замуж и мирским диакониссам, которые работали во Дворце и в Храме. Но чаще всего они были древними убогими созданиями, напоминавшими мне моих тетюшек и вряд ли способными вызвать романтические чувства. Я перекидывался с ними парой слов, сталкиваясь в коридорах Дворца, – это было совершенно безопасно. Не увлекался я и более молодыми сестрами, пока не встретил сестру Юдифь.

Тогда, месяц назад, я стоял на посту на этом же самом месте. Я впервые дежурил возле апартаментов Пророка и, когда объявили назначение, очень волновался, но здесь, на посту, я был почти спокоен и бдительно дожидался обхода дежурного офицера.

Во внутреннем коридоре напротив моего поста вспыхнул на мгновение свет, и я услышал звук шагов. Я взглянул на хроно: конечно, это девственницы, служительницы Пророка... Короче, меня это не касается. Каждую ночь, в десять часов, они сменялись. Я никогда не видел этой церемонии и не надеялся увидеть. Я знал только, что девственницы, вступающие на суточное дежурство, тянули жребий – кому выпадет честь лично прислуживать священной особе Воплощенного Пророка.

Я не стал больше прислушиваться и отвернулся. Минут через пятнадцать фигура в темном плаще проскользнула мимо меня, подошла к парапету, остановилась там и стала смот-

реть на звезды. Я мгновенно выхватил бластер, но тут же смущенно сунул обратно в кобуру, потому что понял, что это диаконисса.

Сначала я решил, что она – мирская диаконисса; могу поклясться, мне и в голову не пришло, что она может быть священной диакониссой. В уставе не было пункта, запрещавшего им выходить из покоев, но я никогда не слышал, чтобы они это делали.

Не думаю, что она меня заметила прежде, чем я сказал: «Мир тебе, сестра».

Она вздрогнула, подавила крик, но потом собралась все-таки с духом и ответила: «Мир тебе, *младший* брат».

И только тогда я увидел на лбу ее звезду Соломона, знак семьи Пророка.

– Простите, старшая сестра, – сказал я. – Я не увидел в темноте.

– Я не оскорблена.

Мне показалось, что она завязывает разговор. Я понимал, что нам не следовало говорить наедине: ее смертное тело было посвящено Пророку, так же как душа – Господу, но я был молод и одинок, а она – молода и очень хороша собой.

– Вы прислуживаете его святейшеству этой ночью, старшая сестра?

Она покачала головой:

– Нет, я не удостоилась чести. Жребий пал не на меня.

– Должно быть, это великая честь – лично служить Про-

року...

– Разумеется, хотя я не могу судить об этом по своему опыту. Жребий еще ни разу не осчастливил меня.

Она добавила с горячностью:

– И я немного волнуюсь. Поймите, я здесь совсем недавно.

Несмотря на то что диаконисса была выше меня по чину, проявление женской слабости тронуло меня.

– Я уверен, что вы проявите себя с честью.

– Спасибо.

Мы продолжали беседовать. Выяснилось, что она пробывала в Новом Иерусалиме даже меньше, чем я. Она выросла на ферме в штате Нью-Йорк и была отобрана для Пророка в семинарии Олбани. В свою очередь я рассказал ей, что родился на Среднем Западе, в пятидесяти милях от Стены Истины, где был воплощен Первый Пророк. Я сказал ей, что меня зовут Джон Лайл, а она ответила, что ее зовут сестра Юдифь.

Я совсем забыл и о дежурном офицере, и о его неожиданных проверках и готов был болтать всю ночь, как вдруг услышал, что мой хроно прозвенел четверть первого.

– Боже мой! – воскликнула сестра Юдифь. – Мне давно пора быть в келье. – Она бросилась бежать, но остановилась...

– Вы на меня не донесете... Джон Лайл?

– Я? Никогда.

Я думал о ней до конца дежурства. И был чуть менее бдителен, чем обычно, когда дежурный офицер появлялся со

своими обходами.

Пустяк, из-за которого обычно люди голову не теряют. Но трезвеннику хватит и одной рюмки. Я так и не смог выкинуть из головы сестру Юдифь. За месяц, прошедший с тех пор, я видел ее раз пять-шесть. Однажды на эскалаторе. Она ехала вниз, а я вверх. Мы не сказали ни слова, но она узнала меня и улыбнулась. Всю ночь после этого мне снился эскалатор, но я никак не мог сойти с него, чтобы поговорить с ней. Другие встречи были так же мимолетны. Как-то я услышал ее голос: «Здравствуй, Джон Лайл!» – и, обернувшись, заметил только закутанную в плащ фигуру, проскользнувшую к двери. Однажды видел, как она кормила лебедей в крепостном рву. Я не осмелился к ней подойти, но, по-моему, она меня заметила.

В «Храмовом вестнике» публиковалось расписание дежурств всех служб. Включая, разумеется, легатов и девственников. Я выходил на дежурство каждую пятую ночь, девственников тянули жребий раз в неделю. Отсюда следует, что наши дежурства совпали снова через месяц с небольшим. Когда я увидел ее имя в списке, я поклялся себе, что заслужу честь охранять личные апартаменты Пророка. У меня не было никаких оснований думать, что Юдифь будет в ту ночь искать меня, но мое сердце подсказывало, что я ее увижу. Даже в Вест-Пойнте я не тратил столько ваксы и мела. В мою пряжку можно было глядеться, как в зеркало.

Пробило половину одиннадцатого, но Юдифь не появля-

лась, хотя я слышал, как ровно в десять девственницы строились в коридоре. Единственное, чего я добился, – сомнительной привилегии стоять на часах в самом холодном месте Дворца.

Не исключено, мрачно размышлял я, что она выходит пофлиртовать с часовым каждый раз, когда дежурит. Я с горечью вспомнил о том, что все женщины – сосуды греха и так было всегда с момента грехопадения. И кто я такой, в конце концов, чтобы именно меня она избрала своим другом? И вообще ночь слишком холодна, чтобы Юдифь выглянула из теплого Дворца.

Я услышал шаги, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Но оказалось, что это дежурный офицер, обходящий караулы. Я поднял пистолет и спросил, кто идет. В ответ послышался его голос:

– А какой сегодня пароль?

– Мир на Земле, – ответил я автоматически. И добавил: – Жуткая холодина, старший брат.

– Осень наступает, – согласился офицер. – Даже в Храме холод.

Он прошел близко от меня. Его пистолет и перевязь с парализующими бомбами позвякивали на ходу о его кирасу. Он был милый старикан и обычно всегда останавливался поболтать, но сейчас он, видно, торопился нырнуть в теплоту дежурки. Я же возвратился к своим грустным мыслям.

– Добрый вечер, Джон Лайл.

Я чуть не выскочил из сапог. Сестра Юдифь стояла в темноте под аркой. Я с трудом выдавил из себя:

– Добрый вечер, сестра Юдифь.

– Ш-ш-ш! – прижала она палец к губам. – Нас могут услышать. Джон... Джон Лайл. Это наконец произошло. На меня пал жребий!

Я сказал:

– А! – И потом добавил растерянно: – Поздравляю вас, старшая сестра, пусть волею Господа лицо Его воссияет от вашего святого служения.

– Да-да, спасибо, – ответила она быстро. – Джон... мне хотелось выкроить несколько секунд, чтобы поговорить с вами. Но теперь я не могу, мне нужно получить напутствие и помолиться. Мне нужно бежать.

– Вы лучше поспешите, – согласился я. Я был разочарован оттого, что она не может побыть со мной, но счастлив, что она отмечена высокой честью, горд, что она не забыла меня даже в такой момент.

– Да пребудет с вами Господь, – добавил я.

– Мне так хотелось сказать вам, что меня выбрали, – вымолвила она. Ее глаза блеснули, и я решил, что это – радость. Но ее следующие слова поразили меня:

– Я боюсь, Джон Лайл.

– Что? Бойтесь? – Я почему-то вспомнил, как дрожал мой голос, когда я впервые командовал взводом. – Не бойтесь. Вы проявите себя достойно.

– О, я надеюсь! Молитесь за меня, Джон Лайл.

И она исчезла в темноте коридора.

Я молился за нее и пытался представить, где она, что она делает... Но так как я знал о том, что творится внутри Дворца Пророка не больше, чем корова знает о военном трибунале, то вскоре отказался от этого и стал думать просто о Юдифи.

Позже, через час или даже больше, мои размышления были прерваны пронзительным криком внутри Дворца. Тут же послышался топот и возбужденные голоса. Я бросился внутрь коридора и натолкнулся на кучку женщин, столпившихся у портала апартаментов Пророка. В этот момент двое или трое вынесли кого-то из портала. Они остановились, выйдя в коридор, и опустили свою ношу на пол.

– В чем дело? – спросил я и вытащил из ножен меч.

Пожилая сестра повернулась ко мне:

– Ничего особенного. Возвращайтесь на пост, легат.

– Я слышал крик.

– Это вас не касается. Одна из сестер лишилась чувств, когда его святость потребовал ее служения.

– Кто она?

– Да вы, я посмотрю, любопытны, младший брат. – Пожилая сестра пожала плечами. – Если это вас так интересует – сестра Юдифь.

Я не успел подумать, как у меня вырвалось:

– Позвольте мне помочь ей!

Я шагнул вперед. Она заступила мне дорогу:

– Вы сошли с ума? Сестры отнесут ее в келью. С каких это пор Ангелы приводят в себя нервных девственников?

Я мог отбросить ее одним пальцем, но уже понял, что она права. Я отступил и нехотя вернулся на пост.

С этого дня я не мог не думать о сестре Юдифи. В свободные часы я обшаривал те части Дворца, куда я имел право заходить, в надежде ее увидеть. Она могла быть больна; может быть, ей запрещено покидать келью за то, что она нарушила дисциплину. Но я ее так и не увидел.

Мой сосед по комнате, Зебадия Джонс, заметил мое настроение и пытался развлечь меня. Зеб был на три курса старше меня, и в Вест-Пойнте я был его «подопечным». Теперь он стал моим ближайшим другом и единственным человеком, которому я полностью доверял.

– Джонни, старина, ты на покойника стал похож. Что с тобой?

– А? Ничего особенного. Может быть, несварение желудка.

– Так ли? Пройдемся? Свежий воздух очень помогает.

Я дал ему вывести себя наружу. Он говорил о пустяках, пока мы не вышли на широкую террасу, окружающую южную башню. Здесь мы были вне пределов досягаемости подслушивающих и подглядывающих устройств. Убедившись, что поблизости никого нет, он сказал:

– Давай выкладывай все.

– Кончай, Зеб. Тебе еще моих забот не хватало.

– Почему бы и нет? Мы же друзья.

– Ты не поверишь. Ну... ты будешь в шоке, если я расскажу.

– Сомневаюсь. Последний раз такое со мной случилось, когда я в покере прикупил четырех королей к джокеру. Тогда ко мне вернулась вера в чудеса, и с тех пор ее довольно трудно поколебать. Давай начинай. Мы назовем это задушевной беседой между старшим и младшим товарищами.

Я дал ему себя уговорить. К моему удивлению, Зеб совсем не был шокирован, узнав о моем интересе к святой диакониссе. Тогда я рассказал ему все по порядку, сознался в сомнениях и тревогах, касающихся не только сестры Юдифи, но и всего, что мне пришлось услышать и увидеть после приезда в Новый Иерусалим.

Зеб небрежно кивнул головой и сказал:

– Зная тебя, я могу представить, как ты на все это реагируешь. Послушай, ты на исповеди ни в чем таком не повинился?

– Нет, – смущенно признался я.

– Ну и не надо. Держи язык за зубами. Майор Багби – человек широких взглядов, его этим не удивишь, но он может счесть необходимым доложить по инстанции. Не думаю, что тебе доставит удовольствие встреча с инквизицией, даже если ты трижды невинен... Если ты, конечно, невинен – но ты таков и есть, ты и сам это знаешь. Каждому порой приходят

в голову греховные мысли. Но инквизитор же обязан отыскать грех, и, если его не находит, он продолжает копать, пока не найдет.

При мысли, что меня могут вызвать на допрос, мой желудок ухнул куда-то вниз. Я старался не показать страха перед Зебом, а он тем временем продолжал:

– Джонни, дружище, я преклоняюсь перед твоей чистотой и невинностью, но я им не завидую. Порой избыток набожности – скорее недостаток. Тебя поразило, что для управления нашей страной недостаточно распевать псалмы. Для этого надо также заниматься политикой. Я ведь тоже прошел сквозь все это, когда приехал сюда, но, честно говоря, я и не ожидал увидеть ничего другого, так что пережил первое знакомство с действительностью довольно спокойно.

– Но... – начал я и замолчал. Его слова звучали как ересь.

Я переменял тему разговора:

– Зеб, как ты думаешь, что могло так расстроить Юдифь, раз она лишилась чувств в присутствии самого Пророка?

– А я откуда знаю? – Он взглянул на меня и отвернулся.

– Ну... я полагал, что ты можешь знать. Ты обычно знаешь все сплетни во Дворце.

– Хорошо... впрочем, нет, забудь об этом, старина. Это совсем не важно.

– Значит, ты все-таки *знаешь*?

– Я этого не сказал. Может быть, я могу догадаться, но ведь тебе мои догадки ни к чему. Так что забудь об этом.

Я остановился, глядя ему в лицо:

– Зеб, все, что ты знаешь... или можешь догадываться...

Я хочу услышать сейчас. Это мне очень важно.

– Спокойней! Ты только что боялся шокировать меня своим признанием. Возможно, сейчас я не хочу шокировать тебя.

– Что ты имеешь в виду? Говори!

– Не забудь, что мы с тобой гуляем по террасе, разговариваем о коллекционировании бабочек и размышляем, будет ли у нас на ужин снова тушеная говядина.

Все еще не уняв волнения, я двинулся дальше. Он продолжил, понизив голос:

– Джон, Господь Бог не наградил тебя быстрой сообразительностью... Ты ведь пока не изучал внутренних мистерий?

– Ты же знаешь, что нет. Офицер по психической классификации не допустил меня. Сам не знаю почему.

– Надо было дать тебе почитать пару глав оттуда, когда я их зубрил. Хотя я не мог этого сделать – ты еще был тогда первокурсником. Жалко. Понимаешь, они умеют объяснять такие вещи куда более деликатным языком, чем я... и все тщательно обосновывают с точки зрения диалектики религиозной теории. Джон, в чем, по-твоему, заключаются обязанности девственников?

– Ну, они ему прислуживают, готовят пищу и так далее...

– Ты абсолютно прав. И так далее... А твоя сестра Юдифь, если судить по твоему описанию, – молоденькая невинная

девочка из провинции. И к тому же набожная, я знаю.

Я ответил (довольно сухо), что ее набожность меня и привлекла в первую очередь. Возможно, в этот момент я сам верил в то, что говорил.

— Понимаешь, она могла лишиться чувств, услышав довольно циничный и откровенный разговор между Воплощенным Пророком и, скажем, одним из его министров. Разговор о налогах и десятине, о том, как лучше выжимать их из крестьян. Вполне вероятно, хотя вряд ли они стали бы говорить на такие темы перед девственницей, впервые вышедшей на дежурство. Нет, наверное, это было «и так далее».

— Я тебя не совсем понимаю.

Зеб вздохнул:

— Ты и в самом деле Божий агнец? Я-то думал, что ты все понимаешь, но не хочешь признаться. Знай, что даже Ангелы общаются с девственницами после того, как Пророк получил свое... Уж не говоря о священниках и диаконах Дворца. Я помню, как...

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

— Немедленно приди в себя! Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь нас заметил?

Я постарался это сделать, но не мог справиться с ужасными мыслями, мятущимися в голове. Зеб тихо продолжал:

— Я предполагаю, если это для тебя важно, что твой друг Юдифь все еще может считаться девственной в чисто физическом плане, так же как и в духовном. Она может таковой

и остаться при условии, что Пророк на нее достаточно зол, — а он, скорее всего, зол. Она, очевидно, так же недогадлива, как и ты, и не поняла символических объяснений, преподнесенных ей. А когда ей ничего уж не оставалось, как понять, она слегка вышла из берегов, и он ее прогнал. Что неудивительно.

Я снова остановился, бормоча про себя библейские выражения, которые я и не думал, что помню. Зеб тоже остановился и посмотрел на меня с терпеливой циничной улыбкой.

— Зеб, — взмолился я, — это же ужасно! Не может быть, чтобы ты все это одобрял.

— Одобрял? Послушай, старина, это все часть Плана. Мне очень жаль, что тебя не допустили к продвинутому курсу. Давай я тебя вкратце просвещу. Господь Бог ничему не дает пропасть даром. Правильно?

— Это аксиома.

— Господь не требует от человека ничего, превышающего его силы. Правильно?

— Да, но...

— Заткнись. Господь требует, чтобы человек приносил плоды. Воплощенный Пророк, будучи отмечен особой святостью, обязан приносить как можно больше плодов. В этом вся суть. Подробности мы выясним при детальном изучении темы. А если Пророку приходится снизойти до пошлой плоти, чтобы выполнить указание Господа, то тебе ли возмущаться по этому поводу? Ответь мне.

Я, разумеется, ответить не смог, и мы продолжали прогулку в молчании. Мне приходилось признать логику слов Зеба, его выводы прямо следовали из открытых догматов Церкви. Беда заключалась в том, что мне хотелось забыть о его выводах и отбросить их, как нечто ядовитое. Правда, я утешал себя мыслью, что с Юдифью ничего не случилось. Я чувствовал себя несколько лучше и склонялся к тому, что Зеб прав и потому не мне судить Святого Воплощенного Пророка.

Но в голове крутилась мысль о том, что в глубине души я испытывал облегчение относительно судьбы Юдифи исключительно из-за того, что я смотрел на нее с греховными помыслами, и что правила для святых диаконисс не должны отличаться от правил для всех остальных, и от этих мыслей мне снова становилось не по себе.

Зеб внезапно остановился.

– Что это? – воскликнул он.

Мы подбежали к парапету террасы и посмотрели вниз. Южная стена проходит близко от города. Толпа из пятидесяти или шестидесяти человек бежала вверх по склону, что вел к стенам Дворца. Впереди них, оглядываясь, бежал человек в длинном плаще. Он направлялся к воротам Святынища.

Зеб сказал сам себе:

– А, вот в чем дело – забрасывают камнями парию. Он, очевидно, был настолько неосторожным, что показался за стенами гетто после пяти. – Он присмотрелся и добавил, покачивая головой: – Не думаю, что он добежит.

Предсказание Зеба сбылось немедленно. Большой камень попал беглецу между лопаток, и тот упал. Преследователи тут же настигли его. Он пытался встать на колени, но опять несколько камней попало в него, и он снова упал. Он пронзительно закричал, затем набросил край плаща на темные глаза и прямой римский нос.

Через минуту от него ничего не осталось, кроме кучи камней, из-под которой высывалась нога. Нога дернулась и замерла. Я отвернулся, борясь с тошнотой. Зеб заметил выражение моего лица.

– Ну почему, – спросил я, – эти парии упорствуют в своей ереси? В остальном они кажутся вполне безобидными созданиями.

Зеб поднял бровь:

– Может быть, для них это не ересь. Ты видел, как этот парень отдал себя в руки их богу?

– Но это же не истинный Бог.

– А он, может быть, думает иначе.

– Должен понимать. Им же об этом столько раз говорили.

Зеб улыбнулся так ехидно, что я возмутился:

– Я тебя не понимаю. Хоть убей, не понимаю. Десять минут назад ты наставлял меня в истинном учении, теперь ты, похоже, защищаешь еретиков. Как это совместить?

Он пожал плечами:

– Я могу выступать адвокатом дьявола. Я любил участвовать в дебатах в Вест-Пойнте. Когда-нибудь я стану знаме-

нитым теологом, если Великий Инквизитор не доберется до меня раньше.

– Так... Послушай, ты думаешь, что это правильно – побивать камнями нечестивых? Ты в самом деле так считаешь?

Он резко переменял тему:

– Ты видел, кто первый бросил камень?

Я не видел. Я заметил только, что это был мужчина в деревенской одежде, а не женщина или ребенок.

– Это был Снотти Фассет. – Губы Зеба сжались.

Я слишком хорошо знал Фассета. Он был на два курса старше меня, и в первогодках я был его «подопечным». Хотел бы я забыть этот первый год.

– Так, значит, вот в чем дело, – ответил я медленно. – Зеб, я не думаю, что мог бы работать в разведке.

– Конечно, и не агентом-provокатором, – согласился он. – И все-таки я полагаю, что Священному Совету нужны время от времени такие инциденты. Все эти слухи о Каббале и так далее...

Я услышал его последние слова.

– Зеб, ты думаешь, эта Каббала в самом деле существует? Не могу поверить, что может существовать какая-то организованная измена Пророку.

– Как тебе сказать... На западном побережье определенно были какие-то беспорядки. Впрочем, забудь об этом. Наша служба – охранять Дворец.

Но нам не позволили об этом забыть. Через два дня внутренняя стража была удвоена. Я не понимал, какая может грозить опасность: Дворец был неприступнее самой неприступной крепости. Его нижние этажи выдержали бы прямое попадание водородной бомбы. Кроме того, человек, входящий во Дворец даже со стороны Храма, был бы проверен и узнан десять раз, прежде чем достиг бы Ангелов, стоявших на страже вокруг собственной резиденции Пророка. И все-таки там, наверху, были чем-то взволнованы.

Я очень обрадовался, узнав, что назначен в напарники к Зебу. Поговорить с ним было единственной компенсацией за необходимость выстаивать двойные смены. По крайней мере, так это выглядело для меня. Сам-то я, наверное, опротивел бедному Зебу, беспрерывно говоря о Юдифи и о моем разочаровании жизнью в Новом Иерусалиме. Наконец он обернулся ко мне.

– Послушай, мистер Тупица, – рявкнул он, и я вновь почувствовал себя первогодком. – Ты что, в нее влюбился?

Я попробовал уйти от ответа. Я не смел признаться и самому себе, что мой интерес к ней выходит за рамки простой заботы о благополучии знакомой девушки. Он оборвал меня:

– Ты влюблен или ты не влюблен? Решай для себя. Если ты влюблен, мы будем разговаривать о практических вещах.

Если нет, тогда не приставай ко мне с глупыми разговорами.

Я глубоко вздохнул и решился:

– Боюсь, что да, Зеб. Это кажется невозможным, я понимаю, что это смертный грех, но ничего не могу поделать.

– Чепуха. Опять эти глупости, хотя что толку тебе объяснять... Итак, ты влюблен в нее. Что дальше?

– А?

– Чего ты хочешь? Жениться на ней?

Я подумал об этом с такой горечью, что даже закрыл лицо руками.

– Конечно хочу, – признался я наконец. – Но как я могу?

– Точно. Ты не можешь. Тебе нельзя жениться, не отказавшись от карьеры. Ее служба тоже не позволяет ей выйти за тебя замуж. Она не может нарушить принятые обеты, потому что уже *предназначена*. Но если вы посмотрите правде в лицо, не краснея при этом, то выяснится, что можно кое-что сделать, особенно если вы перестанете изображать из себя святош.

Неделю назад я бы не понял, на что он намекает. Но теперь я знал. Я даже не смог рассердиться на него толком за столь бесстыдное и греховное предложение. Он хотел, чтобы мне было лучше. Да и моя душа не была уже так чиста. Я покачал головой:

– Тебе не следовало этого говорить, Зеб. Юдифь не такая.

– Хорошо. Тогда забудем об этом. И о ней. И больше ни слова.

Я устало вздохнул:

– Не сердись, Зеб. Я просто не знаю, что делать.

Я оглянулся по сторонам и рискнул присесть на парапет. Мы стояли не у самых апартаментов Пророка, а у восточной стены. Дежурный офицер, капитан Питер ван Эйк, был слишком толст, чтобы обходить посты чаще чем раз за смену, так что я рискнул и присел. Я смертельно устал, потому что последнее время недосыпал.

– Прости.

– Не сердись, Зеб. Твое предложение не для меня и тем более не для Юдифи, не для сестры Юдифи.

Я знал, чего хочу для нас с Юдифью: маленькую ферму на сто шестьдесят гектаров вроде той, на которой я родился. Свиньи, цыплята, босые ребятишки с веселыми измазанными физиономиями и улыбка Юдифи при виде меня, возвращающегося с поля. Она вытирает фартуком пот со лба, чтобы я мог поцеловать ее... И никакой церкви, никаких пророков, кроме, может быть, воскресной службы и церковной десятины.

Но этого быть не могло, никогда не могло быть. Я выкинул видение из головы.

– Зеб, – продолжал я. – Чисто из любопытства. Но ты намекнул, что такие вещи... такие встречи происходят прямо во Дворце. Но как? Мы же все живем как под увеличительным стеклом. Это физически невозможно!

Он ухмыльнулся так цинично, что мне захотелось врезать

ему по физиономии, но в его голосе не было усмешки:

– Хорошо, возьмем для примера твой случай...

– Об этом и речи быть не может!

– Я сказал «для примера». Сейчас все равно сестра Юдифь недостижима. Она заперта в своей келье.

– Она заперта? Ее *арестовали*?

В моем сознании пронеслись слова Зеба о допросах и инквизиторах.

– Не бойся. Она даже не под замком. Ей просто приказали не выходить из кельи, посадили на хлеб и воду и велели читать молитвы. А сами очищают ее душу и наставляют в духовных обязанностях. Когда она научится правильно смотреть на вещи, ей позволят снова тянуть жребий, и на этот раз она не станет падать в обморок и изображать из себя великовозрастную дурочку.

Я справился с первой реакцией на эти слова и заставил себя размышлять спокойно.

– Нет! – сказал я. – Юдифь никогда не пойдет на это. Она предпочтет остаться в келье навсегда.

– Вот как? А я бы не был столь уверен. Они могут быть очень убедительными. Они будут молиться за ее душу круглые сутки, сменяя друг друга. И давай допустим, что она узрит свет истины, – просто чтобы я мог закончить свой рассказ.

– Зеб, откуда тебе все это известно?

– Шеол², парнишка! Ты забыл, что я трублю здесь уже три года. Что же ты думаешь – за этот срок я ничего не увидел и не услышал? Ты распахнулся, начал канючить, мол, что они с ней сделают? Так что мне ничего не оставалось, как спросить у птичек. А птички мне поведали, что, после того как Юдифь позволит себя просветить и станет хорошей девочкой, она сможет совершить свое святое служение Пророку. После этого она продолжит выходить на дежурство каждую неделю, и примерно раз в месяц она будет вытягивать жребий на личное общение с Пророком. И года не пройдет – если, конечно, Пророк не отыщет в ее душе какой-нибудь особой небесной красоты, – как они перестанут включать ее имя в жребий. Но тебе совсем не надо ждать так долго, хотя это безопаснее.

– Все это отвратительно и постыдно!

– В самом деле? А я думаю, такая же система была у царя Соломона – у него женщин было побольше, чем у Святого Пророка. Итак, если тебе удастся достигнуть взаимного согласия с девственницей, которая тебе понравилась, ваши отношения покатаются по накатанной дорожке. Сначала нужно поднести подарок старшей сестре, затем такие подарки повторяются сообразно обстоятельствам. Придется подмаслить кое-какие ладошки, и я тебе подскажу, какие именно. Эта гигантская куча кирпичей, которую мы охраняем, таит немыслимое число черных лестниц. Так что если соблюсти

² Шеол – преисподняя в иудаизме. – *Примеч. С. В. Голд.*

все обычаи должным образом, то я не вижу причины, почему каждой ночью, когда я буду на часах, а ты будешь свободен от дежурства, согревать свою постель чем-нибудь теплым и приятным.

Я был готов взорваться и выразить возмущение его цинизмом, как вдруг мне в голову пришла мысль.

– Зеб, – сказал я, – скажи честно, ты издеваешься надо мной? В каждой комнате дворца есть Глаз и Ухо. И даже если я найду их и попытаюсь отключить, через три минуты в дверь постучатся офицеры безопасности.

– Ну и что? Правильно, в каждой комнате есть Уши и Глаза. А ты не обращай на них внимания.

У меня отвалилась челюсть.

– Не обращай внимания, – продолжал он. – Пойми, Джон, небольшие грешки – это не угроза для Церкви. Угроза – это измена и ересь. Все будет отмечено и подшито к твоему личному делу, и никто тебе и слова не скажет – если, конечно, не попадешься на чем-нибудь посерьезней. Вот тогда тебе пришьют именно эти грешки вместо настоящего обвинения. Они *очень любят* вписывать в личные дела именно такие грешки. Это укрепляет безопасность. Я даже думаю, что к тебе они присматриваются с подозрением. Ты слишком безупречен. А такие люди опасны. Может быть, поэтому тебя и не допускают к высшему учению.

Я попытался распутать у себя в голове эти аргументы и контраргументы, но сдался.

– Я ничего не понял из того, что ты сказал, Зеб. Все это не имеет отношения ни ко мне, ни к Юдифи. Но зато я понял, что мне надо делать. Я должен ее отсюда увезти.

– Да... довольно смелое заявление.

– Я должен это сделать.

– Хорошо... Я хотел бы тебе помочь. Я думаю, что смогу передать ей записку, – добавил он с сомнением в голосе.

Я схватил его за руку:

– В самом деле?

Он вздохнул:

– Я хотел бы, чтобы ты не спешил. Но вряд ли это реально, если учесть, какая романтическая каша у тебя в голове. Риск велик именно сейчас, потому что Юдифь вызвала немилость Пророка. Тебе вряд ли хочется угодить на суд военного трибунала.

– Я готов пойти и на это. Готов даже на пытки.

Он не сказал мне, что сам шел на такой же риск, если не на больший. Он просто заметил:

– Хорошо, какое же будет послание?

Я подумал с минуту. Послание должно быть коротким.

– Передай ей, что легат, который говорил с ней в ночь, когда она вытянула жребий, очень беспокоится.

– Еще что-нибудь?

– Да. Скажи, что я – в ее распоряжении.

Сейчас это кажется наивным. Но тогда я чувствовал именно так. Я именно так и думал.

Во время обеда на следующий день я обнаружил в своей салфетке клочок бумаги. Я быстро кончил обед и выскочил наружу, чтобы прочесть записку.

«Мне нужна Ваша помощь, – гласила записка, – и я очень вам благодарна. Можете ли Вы встретить меня сегодня вечером?»

Записка была без подписи, напечатана на обычном диктографе, какими пользовались во Дворце и за его стенами. Когда Зеб вернулся в комнату, я показал ему записку, он взглянул на нее и сказал равнодушно:

– Пойдем подышим свежим воздухом. Я обожрался, спать хочется.

Как только мы вышли на открытую террасу и очутились вне досягаемости Глаз и Ушей, он выругал меня тихо:

– Из тебя никогда не получится конспиратор. Половина столовой видела, что ты нашел что-то в салфетке. Почему, во имя Господа, ты выскочил как ошпаренный? Потом, как будто нарочно, ты суешь эту записку мне. Я не сомневаюсь, что Глаз зафиксировал ее. Интересно, где ты был, когда Господь Бог раздавал людям мозги?

Я пытался протестовать, но он оборвал меня:

– Забудь об этом. Я понимаю, что ты не желал сунуть обе наши шеи в петлю, но благие намерения как-то не греют, когда трибунал зачитывает тебе обвинение: первое условие любой интриги – вести себя естественно. Ты представить не можешь, как много дает опытному аналитику малейшее отступ-

ление от норм поведения. Надо было сидеть в столовой, как обычно, покрутиться там после обеда и спокойно обожждать того момента, когда сможешь прочесть записку в безопасности. Ладно. Где она теперь?

— В кармане мундира, — ответил я виновато. — Не волнуйся, я ее сжую и проглочу.

— Не так быстро. Жди здесь.

Зеб исчез и вернулся через несколько минут.

— У меня есть кусочек бумаги такого же размера и цвета, как твоя записка. Сейчас я тебе его осторожно передам. Обменяй их и затем съешь настоящую записку, но смотри, чтобы никто этого не заметил.

— Хорошо. А что на твоём кусочке бумаги?

— Заметки, как выигрывать в кости.

— Что? Но это ведь тоже запрещено!

— Конечно, дурья твоя башка. Если они тебя застукают на азартной игре, они не подумают, что у тебя есть грехи потяжелее. В худшем случае начальник погрызет тебя немного, а потом вычтет пару дней из жалованья и выпишет пару нарядов вне очереди. Запомни на будущее, Джон: если тебя в чем-то заподозрили, постарайся сделать так, чтобы факты указывали на меньший проступок. Никогда не пытайся изображать из себя невинного ягненка. Так уж человек устроен, грех этим не воспользоваться.

Я думаю, Зеб был прав: мой мундир был обыскан и записка сфотографирована сразу после того, как я переоделся к

смотрю. Еще через полчаса я был вызван в кабинет к начальнику. Он попросил меня обратить внимание на то, играют ли младшие офицеры в азартные игры. Это грех, сказал он, и ему не хотелось бы, чтобы его подчиненные в этот грех впадали. На прощание он похлопал меня по плечу.

– Ты хороший парень, Джон Лайл, – сказал он. – Прислушайся к доброму совету. Понял?

В ту ночь мы стояли с Зебом у южного портала Дворца. Юдифь не появлялась, и я волновался, как кот в незнакомом доме, несмотря на то что Зеб пытался урезонить меня. Наконец во внутреннем коридоре послышались легкие шаги, и в дверях появилась чья-то тень. Зеб приказал мне знаком остаться на посту и сам подошел к portalу. Он вернулся почти сразу и поманил меня, прижимая палец к губам. Весь дрожа, я подошел. Это оказалась не Юдифь, а незнакомая мне женщина, которая пряталась в тени. Я открыл рот, чтобы сказать об этом, но Зеб прижал мне к лицу ладонь.

Женщина взяла меня за руку и повела по коридору. Я оглянулся и увидел силуэт Зеба, оставшегося на посту, чтобы прикрывать тыл. Моя провожатая остановилась и толкнула меня к темному алькову, затем вынула из складок плаща маленький предмет со светящимся циферблатом. Я решил, что это, очевидно, металлоискатель. Она поводила им в воздухе, вверх и вниз во все стороны, потом выключила и спрятала.

– Можете говорить, – сказала она тихо. – Здесь безопасно. И она растворилась в темноте.

Я почувствовал слабое прикосновение к рукаву.

– Юдифь? – прошептал я.

– Да, – ответила она так тихо, что я с трудом услышал.

Тут же она очутилась в моих объятиях. Она сдавленно вскрикнула, руки ее обвили мою шею, и я ощутил ее дыхание на своем лице. Мы поцеловались неловко, но горячо.

Никого не касается, о чем мы говорили тогда, да я и не смог бы рассказать по порядку о чем. Называйте наше поведение романтической белибердой, если вам так хочется, называйте это щенячьими нежностями, порожденными нашим невежеством и нашей неестественной жизнью. Но разве щенятам не бывает так же больно, как взрослым собакам? Называйте это как хотите и смейтесь над нами, но в эти минуты мы были одержимы безумием более драгоценным, чем рубины и золото, более желанным, чем разумная трезвость. И если вы этого никогда в жизни не испытывали и не знаете, о чем я говорю, мне остается вас только пожалеть.

Наконец мы пришли в себя и смогли разговаривать более разумно... Она принялась рассказывать мне о той ночи, когда вытащила жребий, и заплакала. Я прижал ее к себе и сказал:

– Не надо, дорогая. Не надо мне говорить об этом. Я все знаю.

Она всхлипнула и сказала:

– Но ты не знаешь. Ты не можешь знать... Я... Он...

Я снова прижал ее к себе:

– Прекрати, прекрати сейчас же. Не надо больше слез. Я все знаю. И я знаю, что тебе грозит... если мы не заберем тебя отсюда. Нет времени плакать, мы должны найти выход.

Она молчала. Молчала, как мне показалось, очень долго. И потом медленно проговорила:

– Ты хочешь сказать, что я должна убежать? Я думала об этом. Боже милостивый, как я мечтала об этом! Но как убежать?

– Я не знаю. Пока не знаю. Но мы придумаем. Надо придумать.

Мы обсудили все возможности. Канада всего в трехстах милях от Нового Иерусалима, и местность к северу от Нью-Йорка Юдифи была знакома. По правде говоря, это была единственная область, которая ей была знакома. Но граница там закрыта и охраняется куда строже, чем в других местах, – там и патрульные суда, и радарные стены на воде, колючая проволока, пограничники на земле... и служебные собаки. Я проходил тренировку с такими собаками и не пожелал бы злейшему врагу встретиться с ними.

Мексика была безнадежно далека. Если бы Юдифь отправилась на юг, ее бы поймали в двадцать четыре часа. Никто не даст убежища сбежавшей девственнице. По неумолимому закону общей вины любой укрывший ее добрый самаритянин будет обвинен в том же преступлении, что и она, –

в личной измене Пророку, и потому умрет той же смертью. Путь на север был по крайней мере короче, хотя означал то же самое: передвигаться ночью, прятаться днем, красть еду или голодать. Возле Олбани жила тетка Юдифи: Юдифь была уверена, что та укроет ее, пока не удастся придумать способ перейти границу.

– Она найдет нам безопасное место. Я уверена в этом, – сказала Юдифь.

– Нам? – Должно быть, вопрос мой прозвучал глупо. До тех пор пока она не сказала этого, мне и в голову не приходило, что нам придется бежать вместе.

– Ты хочешь отправить меня *одну*?

– Ну... я просто не думал о другом варианте.

– Нет!

– Но послушай, Юдифь, самое важное, самое срочное сейчас – это вызволить тебя. Двоих людей, путешествующих вместе, значительно легче заметить и задержать, чем одного. Нет никакого смысла...

– Я не пойду одна!

Я спешно пытался все это обдумать. Я все еще не мог понять, что если ты сказал «а», то должен сказать и «б». И если я уговариваю ее покинуть службу, то становлюсь таким же дезертиром, как и она. Наконец я сказал:

– Ну хорошо. Сначала мы вытащим тебя, это сейчас важнее. Ты доберешься до тетки и будешь ждать меня там.

– Без тебя я никуда не уйду.

– Но это же *необходимо*! Ведь Пророк...

– Лучше это, чем потерять тебя сейчас.

Я тогда не понимал женщин. Я их и сейчас не понимаю. Две минуты назад она спокойно рассуждала о том, что лучше рисковать жизнью, чем отдать свое тело в руки Пророка. Теперь она так же спокойно предпочитает сделать это, нежели решиться на временную разлуку со мной. Я не понимаю женщин. Порой я даже подозреваю, что у них ровным счетом нет никакой логики. Я сказал:

– Послушай, дорогая. Мы еще даже не придумали, как нам выбраться из Дворца. Вернее всего, нам будет абсолютно невозможно уйти отсюда вместе. Разве ты не понимаешь?

Она ответила упрямо:

– Может быть, и так. Но мне это не нравится. Ну хорошо, а как отсюда можно выбраться? И когда?

Я вынужден был признать снова, что не знаю. Нужно было посоветоваться с Зебом, и как можно скорее, – ничего другого мне в голову не приходило.

Тогда Юдифь предложила:

– Джон, ты знаешь девственницу, которая привела тебя сюда? Нет? Это сестра Магдалина. Ей можно все рассказать, и она, *возможно*, захочет нам помочь. Она очень умная.

Я принялся было выражать свои сомнения, но наш разговор был прерван самой сестрой Магдалиной.

– Быстро! – шепнула она мне, заглянув в альков. – Назад на пост!

Я выскочил и еле успел к обходу. Дежурный офицер обменялся приветствиями со мной и с Зебом и потом – вот старый дурак! – решил поболтать. Он уселся на ступеньках портала и начал хвастливо рассказывать, как на прошлой неделе победил в схватке на мечах. Я помогал Зебу поддерживать беседу, изображая скучающего на посту часового, но на душе у меня скребли кошки.

Наконец он поднялся на ноги.

– Мне уж за сорок, – сказал он. – Я чувствую, что стал тяжелее, чем прежде. И должен признаться, приятно сознавать, что мой глаз и рука так же быстры, как у вас, молодых. – Он поправил перевязь и добавил: – Думаю, надо обойти Дворец. Приходится быть бдительным в эти дни. Говорят, Кабала опять активизировалась.

Он вытащил карманный фонарик и направил его в коридор, где скрывались сестры.

Я замер. Если он начнет осматривать этот коридор, то, вне всякого сомнения, обнаружит двух девушек в алькове.

Но тут вмешался Зеб. Он тихо и небрежно заметил:

– Минутку, старший брат. Вы не могли бы показать мне, каким приемом вы выиграли ту встречу? Это было слишком быстро для меня. Я не успел разглядеть.

Офицер схватил наживку:

– С удовольствием.

Они спустились по ступенькам и вышли на площадку, где было больше места.

– Вытащи меч, сын мой. En garde!³ Так. Теперь скрещиваем мечи et sixte⁴. Отрывайся и нападай на меня. Вот, сейчас! Замри в выпаде, и я покажу это медленно. В тот момент, когда острое приближается к моей груди... – (Ничего себе грудь! Капитан ван Эйк обладал объемистым животом и был похож на кенгуру с детенышем в сумке.) – Я ловлю его основанием своего меча, отбиваю вниз и наношу ответный укол со второй позиции. Пока все, как в учебнике. Но я не завершаю движения. Ты парень сильный и мог бы отбить или парировать удар. Но вместо этого, когда острое моего меча опускается, я отбиваю твой меч в сторону... – Он показал, и столкнувшиеся мечи громко звякнули в тишине. – И теперь ты открыт, и я могу поразить тебя от коленок до горла. Ну, попробуй этот прием на мне.

Зеб послушался его, и они повторили немного быстрее. Офицер отступил на шаг. Зеб попросил разрешения повторить прием еще раз, чтобы его отработать. Они повторяли его, каждый раз все быстрее, и каждый раз капитан успевал парировать удар Зеба в самый последний момент. Разумеется, они нарушали все правила, сражаясь настоящими мечами без масок и кирас, но капитан действительно был хорош и был полностью уверен в своем мастерстве. Он не боялся, что оставит Зеба без глаза или позволит Зебу ранить себя. Несмотря на состояние, в котором я находился, я не мог ото-

³ Занять позицию, подготовиться (фр.). – Примеч. С. В. Голд.

⁴ В шестой позиции (фр.). – Примеч. С. В. Голд.

рвать глаза от дуэли – это была изумительная демонстрация когда-то полезного военного искусства. Они окончили бой ярдах в пятидесяти от портала и на столько же ближе к кордегардии. Мне слышно было, как тяжело пыхтел капитан.

– Это было совсем недурно, Джонс, – задыхаясь, сказал он. – Ты хорошо схватываешь. – Он снова перевел дыхание и добавил: – Мое счастье, что настоящий бой длится не так долго. Знаешь что, лучше уж осмотри коридор сам.

Он повернул к кордегардии, добавив весело:

– Господь вас хранит.

– Господь хранит и вас, сэр, – ответил Зеб и поднял меч, салютуя начальнику.

Как только капитан исчез за углом, Зеб снова стал на пост, а я поспешил к алькову. Девушки все еще оставались там, прижавшись к стене.

– Он ушел, – успокоил их я. – Бояться пока нечего.

Юдифь рассказала сестре Магдалине о наших проблемах, и мы вместе обсудили их. Магдалина настойчиво советовала пока ничего не предпринимать.

– Я отвечаю за очищение Юдифи, – сказала она. – Я смогу растянуть очищение еще на неделю, и только после этого она снова будет тянуть жребий.

Я сказал:

– Необходимо что-то сделать до этого.

Юдифь, переложив свои беды на плечи Магдалины, заметно успокоилась.

– Не волнуйся, Джон, – мягко сказала она. – Вряд ли жребий выпадет на меня в первый же день. Нам нужно следовать ее советам...

Сестра Магдалина презрительно фыркнула:

– Ты совершенно не права, Джюди. Как только ты вернешься, жребий падет на тебя немедленно, вне всякой очереди, можешь быть уверена... – Она внезапно замолчала и прислушалась. – Ш-ш-ш, замрите. – И она бесшумно выскользнула из алькова.

Тонкий луч света вырвал из темноты человека, притаившегося у алькова. Я прыгнул на него раньше, чем он успел выпрямиться. Как ни быстр я был, сестра Магдалина опередила меня. Она повисла у него на плечах, он упал, дернулся и замер.

Подбежал Зеб.

– Джон, Мэгги, – раздался его напряженный шепот. – Что произошло?

– Мы поймали шпиона, Зеб, – сказал я быстро. – Что с ним делать?

Зеб зажег фонарик.

– Ты вырубил его?

– Он не придет в себя, – ответил спокойный голос Магдалины из темноты. – Я вогнала ему виброкинжал между лопаток.

– Шеол!

– Зеб, я вынуждена была это сделать. Благодарю Бога, что

я не воспользовалась обычным ножом – а то весь пол был бы в крови. Но что нам теперь делать?

Зеб тихо выругал ее, но Магдалина не ответила ни слова.

– Переверни его, Джон. Посмотрим, кто это.

Я повиновался, и луч фонарика уперся в лицо шпиона.

– Так, да ведь это Снотти Фассет.

Зеб замолчал, и мне показалось, что я слышу его мысли:

«Его-то мы оплакивать не будем».

– Джон!

– Да, Зеб?

– Вернись на пост. Если кто-нибудь подойдет – я проверю коридор. Надо от него отделаться.

Юдифь нарушила тишину:

– Выше этажом есть мусоросжигатель. Я вам помогу.

– Молодец, девочка. Иди, Джон.

Я хотел возразить, мол, это не женское дело, но понял, что меня никто не будет слушать, и пошел к выходу. Зеб взял труп под мышки, женщины за ноги – и унесли. Они вернулись через несколько минут, которые показались мне вечностью. Без сомнения, тело Снотти превратилось в атомы прежде, чем они вернулись, – может быть, нас и не поймают. Правда, мне это не казалось убийством, да и сейчас не кажется: мы просто сделали то, что должны были сделать, следуя обстоятельствам.

Зеб был краток:

– С этим покончено. Нас сменят через десять минут. Нам

надо обо всем договориться раньше, чем появятся Ангелы... Ясно?

Наши предложения были до смешного непрактичны, но Зеб выслушал всех, а затем сказал:

– Слушайте. Теперь дело уже не только в том, чтобы помочь Юдифи. Как только обнаружат, что Снотти пропал, все мы – все четверо – окажемся под смертельной опасностью допроса. Понятно?

– Понятно, – сказал я.

– И ни у кого нет плана?

Никто не ответил. Зеб продолжал:

– Тогда нам надо просить помощи. И есть только одно место, откуда мы можем ее получить. Это Каббала.

3

– Каббала? – повторил я тупо.

Юдифь ахнула от ужаса:

– Как же так... Это значит – продать наши бессмертные души! Они же поклоняются Сатане!

Зеб обернулся к ней:

– Я в это не верю.

Юдифь посмотрела на него со страхом:

– Вы – каббалист?

– Нет.

– Так откуда вы знаете?

– И как, – добавил я, – обратиться к ним за помощью?

Ответила Магдалина:

– Я член подполья. Зебадия об этом знает.

Юдифь отшатнулась от нее, но Магдалина продолжала:

– Послушай, Юдифь. Я понимаю, что ты чувствуешь. И когда-то я тоже была потрясена самой мыслью о том, что кто-то смеет выступать против Церкви. Но потом я узнала – как узнаешь ты, – что на самом деле скрывается за фальшивкой, в которую нас заставляют верить. – Она взяла девушку за руку. – Мы не поклоняемся дьяволу, моя милая. Мы и не выступаем против Бога. Мы сражаемся только с самозванным Пророком, который притворяется голосом Бога на земле. Иди с нами, помогай нам, борись вместе с нами – и мы

тоже поможем тебе. В ином случае мы не можем рисковать.

Юдифь всматривалась в ее лицо при неверном слабом свете, пробивавшемся от портала.

– Ты можешь поклясться, что это правда? Что Каббала борется против Пророка, а не против Господа нашего?

– Я клянусь, Юдифь.

Юдифь глубоко вздохнула.

– Просвети меня, Господь, – прошептала она. – Я иду к Каббале.

Магдалина быстро поцеловала ее и затем обернулась к нам:

– Ну?

Я ответил сразу:

– Если Юдифь согласна, то и я согласен. – И про себя подумал: «Боже, прости мне нарушение присяги. Я должен так поступить!»

Магдалина смотрела на Зеба. Он неловко помялся и сказал со злостью:

– Я сам это предложил, правда? Но все мы идиоты, и инквизитор переломает нам кости.

Больше мы это не обсуждали – не было возможности. На следующее утро я проснулся, проведя ночь в страшных снах, в которых действовал инквизитор и кто похуже его, и услышал, как в ванной весело жужжит бритва Зеба. Он вошел в комнату, стянул с меня одеяло, болтая о всякой чепухе. Я ненавижу, когда с меня стаскивают одеяло, даже когда я се-

бя хорошо чувствую, и ненавижу веселье перед завтраком. Я снова натянул одеяло и попытался не обращать внимания на Зеба, но он схватил меня за руку:

– Вставай, старина! Господь выпустил солнце на небеса, а ты его не видишь. День прекрасен! Как насчет того, чтобы сделать пару кругов вокруг Дворца, а потом под холодный душ?

Я попытался вырвать у него руку и охарактеризовал его словами, которые, без сомнения, снизили мне отметку за благочестие, если Ухо их уловило. Он не отпускал моей руки, и палец его нервно нажимал мне на запястье. Я забеспокоился, не свихнулся ли Зеб от напряжения вчерашней ночи. И тут понял, что он говорит со мной азбукой Морзе.

– Б-У-Д-Ь Е-С-Т-Е-С-Т-В-Е-Н-Н-Ы-М, – сказали мне точки и тире. – Н-Е П-О-К-А-З-Ы-В-А-Й У-Д-И-В-Л-Е-Н-И-Я Н-А-С В-Ы-З-О-В-У-Т Н-А П-Р-О-В-Е-Р-К-У В-О В-Р-Е-М-Я О-Т-Д-Ы-Х-А П-О-С-Л-Е О-Б-Е-Д-А.

Я надеюсь, что не выказал удивления. Я даже умудрился отвечать что-то на поток чепухи, которую он нес, передавая мне послание. Потом я поднялся и с отвращением проделал все процедуры подготовки собственного тела к наступившему дню. Я даже улучил момент, положил руку ему на плечо и отстукал ответ: Х-О-Р-О-Ш-О П-О-Н-Я-Л.

День оказался тягучим и нервным. Я ошибся на утреннем смотре, чего со мной не случалось с училища. Когда занятия наконец закончились, я вернулся в комнату и обнаружил, что

Зеб, положив ноги на кондиционер, трудится над кроссвордом в «Нью-Йорк таймс».

– Джонни, агнец мой, – сказал он, обернувшись ко мне. – Подскажи мне, что это может значить – «чистый сердцем» из шести букв, начинается с «п»?

– Тебе этого знать не надо, – проворчал я и сел, чтобы снять амуницию.

– Так ты, Джонни, полагаешь, что я не заслужу вечного блаженства?

– Возможно – после десяти тысяч лет в чистилище.

В дверь постучали, и вошел Тимоти Клайс, старший легат в чине капитана. Он чихнул и прогудел в нос:

– Привет, ребята, не желаете прогуляться?

Я подумал, что худшего времени он не мог выбрать. От Тима отделаться было нелегко, а кроме того, он был самым пунктуальным и набожным человеком в части. Я старался придумать какую-нибудь причину, чтобы отказаться, когда услышал слова Зеба:

– Ничего не имеем против при условии, что мы заглянем в город. Мне надо кое-что купить.

Я был сбит с толку ответом Зеба, но все же попытался отговориться какими-то срочными делами. Зеб оборвал меня:

– Плюнь на свою бумажную волокиту! Я тебе помогу с ней вечером. Пошли.

И я пошел с ними, удивляясь, зачем Зеб на это согласился.

Мы пошли через нижние туннели. Я думал, что, очевид-

но, Зеб решил дойти до города, а там отделаться от Клайса и вернуться во Дворец. Мы завернули в узкий проход. Вдруг Клайс поднял руку, как бы желая подчеркнуть слова, с которыми обращался к Зебу. Его рука прошла близко от моего лица, я почувствовал: что-то брызнуло мне в глаза, – и я ослеп.

Раньше чем я успел вскрикнуть, он крепко схватил меня выше локтя. В то же время он продолжал говорить как ни в чем не бывало. Он повел меня налево, хотя, насколько я помнил туннель, поворот здесь был только направо. Однако мы не врезались в стену, и через несколько секунд слепота прошла. Казалось, мы продолжаем идти по тому же туннелю. Тим шагал посередине, держа нас под руки. Он не сказал ни слова. Мы тоже. Наконец он остановился перед дверью, постучал и прислушался.

Я не расслышал, что там сказали, но Клайс ответил:
– Два пилигрима с надежным сопровождением.

Дверь открылась. Он ввел нас внутрь, и мы увидели вооруженного часового в маске, доспехах и с бластером, направленным на нас. Он протянул свободную руку назад и постучал во внутреннюю дверь. Оттуда сразу вышел еще один человек в маске. Он по очереди спросил меня и Зеба:

– Желаете ли вы заявить со всей ответственностью, что вы пришли сюда не по просьбе друзей, не по корыстным мотивам, что вы честно и добровольно предлагаете свою службу этому ордену?

Каждый из нас ответил «да».

– Оденьте и подготовьте их.

На головы нам были надеты кожаные шлемы, которые застегивались под подбородком и оставляли открытыми только рот и нос. Затем нам приказали раздеться. Я быстро терял энтузиазм – ничто так не обезоруживает мужчину, как необходимость снять штаны. Затем я почувствовал укол шприца в предплечье, и сразу, хоть я и не спал, все вокруг мне стало казаться нереальным. Я почувствовал прикосновение чего-то холодного к спине слева и понял, что это виброкинжал. Достаточно кому-то за моей спиной нажать кнопку, и я буду так же мертв, как Снотти Фассет, но это меня не испугало. Затем последовали вопросы, много вопросов, на которые я отвечал автоматически, неспособный ко лжи или увиливанию, даже если бы я хотел этого. Я помню только обрывки из этого разговора:

– ...добровольно и в согласии со своей душой?

– ...согласно древним устоявшимся обычаям...

– ...человек, рожденный свободным, с хорошей репутацией и добрым поручительством.

Затем я долго стоял, дрожа на холодном полу, а вокруг шел горячий спор. Он имел прямое отношение к действительным мотивам моего появления здесь. Я все это слышал и знал, что на кону моя жизнь и достаточно одного слова, чтобы клинок холодной энергии пронзил мое сердце. И чувствовал, что чаша весов склоняется не в мою пользу. Затем

в дебаты вступил низкий женский голос, и я узнал сестру Магдалину. Она говорила что-то в мою пользу, но что — я не разобрал. Мне было все равно. Мне просто нравился ее голос — как прикосновение чего-то дружеского. Наконец ощущение холода от прижатого к ребрам виброкинжала исчезло, и я опять почувствовал укол шприца. Он быстро вернул меня из моего полубессознательного состояния к реальности, и я услышал низкий мощный голос, выводящий молитву:

— ...удостоить помощи твоей, Отец Всемогущий Вселенныя... любовь, облегчения и правду к чести Святого Имени Твоего. Аминь.

И хор, ответивший ему:

— Да будет так!

Потом меня провели по комнате, по-прежнему не видящего, и мне задавали новые вопросы. На сей раз они носили символический характер, и за меня отвечал сопровождающий. Потом меня остановили и спросили, готов ли я принести торжественную клятву для принятия в Ложу, будучи уверенным, что она никоим образом не помешает мне исполнить свой долг перед Богом, перед собой, своей семьей, своей страной или ближним своим.

Я ответил: «Да».

Затем мне пришлось преклонить левое колено, взять в левую руку книгу, а правой возложить на нее некие инструменты.

Я думаю, клятвы и ритуала вокруг нее хватило бы, чтобы

заморозить кровь в жилах у любого глупца, который попытался бы дать ее притворно. Потом меня спросили, чего я желаю более всего в своем нынешнем состоянии. И я ответил так, как меня учили:

– Света!

И шлем был снят с моей головы.

Не вижу смысла, да и не вправе я описывать оставшуюся часть их наставления меня в качестве новоиспеченного брата. Скажу только, что она была долгой и в ней была какая-то торжественная красота и не было никакого следа богохульства или поклонения дьяволу, в котором их обвиняли распространенные сплетни. Напротив, она была наполнена благоговением перед Богом, братской любовью и непорочностью. А еще она включала в себя обучение принципам древней и благородной профессии и разъясняла смысл и символическое значение ее рабочих инструментов.

Но я должен упомянуть об одной детали, которая меня удивила больше, чем что бы то ни было другое. Когда с меня сняли шлем, первым, кого я увидел, был стоящий передо мной капитан Питер ван Эйк, одетый по форме со всеми знаками различия и с выражением почти сверхчеловеческого достоинства на лице, наш толстый дежурный офицер – и *Мастер* этой Ложи!

Ритуал был долгим и оставил нам совсем мало времени. После заседания мы собрались на военный совет. Мне сказали, что старшие братья решили не принимать Юдифь в сест-

ринский орден нашей Ложи прямо сейчас, но тем не менее ей окажут нужную помощь. Ее переправят в Мексику, и лучше ей не знать секретов, которые ей знать ни к чему. Но Зеб и я, будучи членами дворцовой стражи, могли принести пользу. И нас приняли.

Юдифь уже получила гипнотическое внушение, которое позволит ей забыть то небольшое, что она знала, так что, если она даже попадет на допрос, она ничего не скажет. Мне велели ждать и не волноваться. Старшие братья сделают так, что она будет в безопасности раньше, чем придет ее очередь тянуть жребий. Мне пришлось удовлетвориться этим объяснением.

Три дня подряд мы с Зебом являлись сюда после обеда за инструкциями, и каждый раз нас проводили новым путем с новыми предосторожностями. Совершенно ясно, что архитектор, проектировавший Дворец, был одним из нас. Громадное здание скрывало в себе ловушки, двери и проходы, явно не зарегистрированные ни на одном официальном плане.

Через три дня мы стали полноправными старшими братьями. Такая поспешность объяснялась только серьезностью обстановки. Попытки впитать все, что мне говорили, почти полностью истощили мой мозг. Мне пришлось потрудиться больше, чем когда-либо в школе или училище. Все, чему нас учили, требовалось знать назубок, а запомнить нужно было удивительно многое. Что, пожалуй, было очень кстати – уче-

ба просто не оставила мне времени для беспокойства о других вещах. Потому что до нас не дошло даже слухов об исчезновении Снотти Фассета, и этот факт пугал куда больше, чем обычное официальное расследование.

Офицер безопасности не может пропасть незаметно. Конечно, оставалась слабая надежда на то, что Снотти столкнулся с нами, выполняя поручение, о котором он не должен был каждый день рапортовать своему шефу. Но все-таки, вероятнее всего, он оказался у алькова, потому что кто-то из нас оказался под подозрением и ему велели за ним следить. А если так, тишина и покой означали, что начальник службы безопасности продолжал следить за нами, в то время как психотехники тщательно анализировали наше поведение. В этом случае наши ежедневные отлучки после обеда, несомненно, были занесены в соответствующую графу. И если весь наш полк был под подозрением, то за эти дни мы набрали себе совсем ненужных дополнительных баллов.

Я бы никогда над этим не задумался и чувствовал бы только облегчение оттого, что дни проходят в спокойствии, если бы этот факт не обсуждался с тревогой на заседаниях Лож. Я даже не знал, как зовут Блюстителя морали и где находится управление безопасности, да мне и не положено было это знать. Я знал, что он существует и что докладывает непосредственно Великому Инквизитору или даже самому Пророку, но и только. Я обнаружил, что мои братья по Лож, несмотря на почти невероятную осведомленность Каб-

балы о жизни Дворца и Храма, знали немногим больше, чем я сам, о работе службы безопасности: у нас не было ни одного человека в штате Блюстителя морали. Причина была простая. Каббала была столь же осторожна в оценке характера, *личности* и психологических особенностей потенциальных братьев, как и служба безопасности в отборе своих сотрудников. Блюститель никогда не примет в свои ряды человека, которого могут привлечь идеалы Каббалы. Мои братья никогда не пропустили бы такого человека, как, скажем, Снотти Фассет.

Я понимал, что в те дни, когда психологические измерения еще не стали математической наукой, налаженная система шпионажа могла рухнуть из-за какого-нибудь душевного потрясения у ключевой фигуры, – что ж, Блюстителя морали подобная угроза не тревожила: его люди *никогда* не страдали душевными потрясениями. А еще я понимал, что наше братство в первые дни своего становления, когда оно проходило очистку и закалку перед грядущими испытаниями, не раз омывало кровью неофитов полы комнат Ложи, – я не знал конкретных фактов, подобные записи уничтожаются.

Было решено, что на четвертый день мы не пойдем на собрание Ложи, а будем находиться в таких местах, где обязательно будем замечены, чтобы скомпенсировать наши подозрительные отлучки.

Я сидел в общей комнате, читая журналы, когда вошел Тимоти Клайс. Он взглянул на меня, кивнул и начал не спеша

просматривать кипу журналов. Наконец он сказал:

– Этот антиквариат, наверное, попал сюда из приемной дантиста. Ребята, никто не видел последний номер «Тайм»?

Слова его были обращены ко всем находившимся в комнате. Никто не ответил. Тогда он повернулся ко мне:

– Джон, я думаю, ты сидишь на нем. Поднимись на минутку.

Я ругнулся, но привстал. Он нагнулся ко мне, чтобы взять журнал, и прошептал: «Доложись Мастеру».

Кое-чему я уже научился, так что продолжал некоторое время читать как ни в чем не бывало. Потом отложил журнал, потянулся, зевнул, поднялся и направился к уборной, но прошел мимо двери и через некоторое время я входил в помещение собраний Ложи. Зеб был уже там, а вместе с ним и несколько других братьев. Они окружили Мастера Питера и Магдалину. В комнате чувствовалось напряжение.

– Вы посылали за мной, досточтимый Мастер?

Питер взглянул на меня и кивнул Магдалине. Та сказала:

– Юдифь арестована.

Мои колени ослабли, я с трудом устоял на ногах. Я не очень нежен, и мне хватает физической отваги, но удар по близким и любимым почти всегда достигает цели, потому что человек там наименее защищен.

– Инквизиция? – с трудом выговорил я.

Ее глаза были полны жалостью.

– Мы так полагаем. Они забрали ее утром, и с тех пор с

ней не удалось связаться.

– Предъявлены обвинения? – спросил Зеб.

– Официально – нет.

– Та-ак. Это скверно пахнет.

– И скверно, и хорошо, – не согласился с ним Мастер Питер. – Если это касается того, о чем мы думаем, то есть Фас-сета, и если бы у них были какие-то улики, указывающие на остальных, тогда арестовали бы всех четверых. По крайней мере, обычно они делают так.

– Ладно, что мы можем сделать? – спросил я.

Ван Эйк не ответил. Магдалина сказала, стараясь меня успокоить:

– Ты ничего не сможешь сделать, Джон. Тебе не пройти всех дверей, которые к ней ведут.

– Но не можем же мы сидеть на заднице и ничего не делать?

Мастер Ложи сказал:

– Спокойно, сынок. Мэгги – единственная из всех нас, у кого есть доступ во внутренние покои дворца. Придется довериться ей.

Я снова к ней повернулся. Она вздохнула и сказала:

– Да, но вряд ли я смогу сделать много.

И она ушла.

Мы ждали. Зеб предложил, чтобы мы с ним вернулись и продолжали «быть на виду», но, к моему облегчению, ван Эйк запретил:

– Мы не совсем уверены, что гипнотическая защита сестры Юдифи достаточна и она выдержит испытание. К счастью, она может выдать только вас двоих и сестру Магдалину, и потому я хочу, чтобы вы оставались здесь, в безопасности, пока Магдалина не выяснит все, что сможет. Или пока не узнаем, что ее схватили, – добавил он задумчиво.

Я почти выкрикнул:

– Юдифь нас никогда не выдаст!

Он печально покачал головой:

– Сынок, любой человек может выдать кого угодно на допросе, если он не подвергся предварительно гипнотической защите. Увидим.

Я не смотрел на Зеба, погруженный в собственные эгоистические мысли. Он удивил меня, заявив гневно:

– Мастер, вы держите нас здесь, как наседка цыплят, а в то же время послали Мэгги сунуть голову в мышеловку. А что, если Юдифь уже сломлена? Они же сразу схватят Магдалину!

Ван Эйк кивнул:

– Разумеется. Но это наш единственный шанс. У нас нет другого лазутчика. Но не беспокойтесь: они ее не арестуют – она раньше покончит с собой.

Его заявление меня не потрясло. Я был слишком погружен в мысли о Юдифи. Но Зеб возмутился:

– Скотина! Вы не смели ее посылать!

Ван Эйк ответил мягко:

– Вспомни о дисциплине, сынок. Возьми себя в руки. Мы на войне, и она – солдат.

Он отвернулся.

Итак, мы ждали... и ждали... и ждали. Трудно понять тому, кто не жил под тенью инквизиции, каково нам было ждать. Мы не знали деталей, но нам приходилось видеть людей, которые имели несчастье выжить после допроса. Если даже инквизиторы не требовали аутодафе, разум жертвы был обычно поврежден или даже полностью разрушен.

Наконец Питер приказал одному из офицеров проэкзаменовать нас в том, что мы заучили вчера. Мы с Зебом тупо делали все, что от нас требовали, но только сверхчеловеческие усилия преподавателя заставляли нас сосредоточиться на сложной риторике. Так прошло почти два часа.

Наконец в дверь трижды постучали, и Тайлер впустил Магдалину. Я вскочил и бросился к ней.

– Ну? – требовал я. – Ну?

– Спокойствие, Джон, – ответила она устало. – Я ее видела.

– Ну и как она? С ней все в порядке?

– Она себя чувствует лучше, чем можно было ожидать. Разум ее пока не тронут, и она, очевидно, еще никого не выдала. А что касается остального, – может, останется шрам или два. Но она молода и здорова, она оправится.

Я начал было требовать подробностей, но Мастер оборвал меня:

– Значит, они уже начали допрос. Если так, то как же тебе удалось ее увидеть?

– Да так. – И Магдалина пожала плечами, будто именно это и не стоило упоминания. – Инквизитор, который ведет следствие, оказался моим старым знакомым. Мы договорились об обмене услугами.

Зеб хотел вмешаться, но Мастер крикнул:

– Молчать! – И затем добавил более резко: – Значит, Великий Инквизитор препоручил допрос другому и сам вести его не стал! Получается, что они не думают, что это связано с Каббалой?

Мэгги покачала головой:

– Не знаю. Ясно одно: Юдифь лишилась чувств в самом начале допроса. Они даже не успели заняться ею как следует. В любом случае я просила дать ей передышку до завтра – под предлогом, что ей необходимо окрепнуть. Они примутся за нее снова с раннего утра.

Ван Эйк постучал кулаком по ладони:

– Они не должны начать снова – мы не можем рисковать! Старший офицер, останьтесь. Остальные все идите. Кроме тебя, Мэгги.

Я ушел с чувством, будто не сказал чего-то важного. Я хотел сказать Мэгги, что она может использовать меня в качестве подстилки у двери в любой момент, когда ей этого захочется. Достаточно будет шевельнуть пальцем.

Ужин в тот день казался мне пыткой. Когда капеллан вы-

брался наконец из молитвенных дебрей, я попытался есть и даже присоединился к общей болтовне, но мне все время казалось, что горло мое перехвачено стальным кольцом, которое мешает глотать. Рядом со мной сидел Божьей-Милостью-Ла-па-Медвежья, наполовину шотландец, наполовину чироки. Лапа учился со мной на одном курсе, но никогда не был моим товарищем: мы редко разговаривали, и в этот вечер он был, как всегда, молчалив.

Во время ужина он наступил мне на сапог. Я с раздражением отдернул ногу. Но вскоре снова почувствовал прикосновение его сапога.

– Не дергайся – идиот, – выстукивал он, – ты был выбран – сегодня ночью во время твоего поста – детали позже – поешь и принимайся разговаривать – захвати клейкую ленту с собой на пост – шесть дюймов на фут – повтори.

Я кое-как отстучал подтверждение приема, продолжая делать вид, что ем.

Мы заступили на пост в полночь. Как только разводящий отошел, я рассказал Зебу все, что узнал от Лапы, и спросил, знает ли он что-нибудь еще. Он не знал. Я хотел поговорить, но он оборвал меня. Мне показалось, что он нервничает даже больше, чем я.

Так что я встал на пост и постарался выглядеть бдительным и бодрым. Мы стояли на северном конце западного вала. Тут же находился один из входов во Дворец. Прошел час, и я уловил движение в темном дверном проеме. Я осторожно подошел ближе. Это была женщина. Она была ростом ниже Магдалины, и я так никогда и не узнал, кто была та, что протянула мне клочок бумаги и исчезла снова в темном коридоре.

Я подошел к Зебу:

– Что делать? Прочесть с фонариком? Это рискованно.

– Разверни ее.

Я развернул записку и обнаружил, что надпись светится в темноте. Я мог прочесть ее, но для электронного Глаза свет ее был слишком слаб, чтобы он мог что-либо различить.

В середине дежурства, когда пробьют часы, войдите во Дворец через дверь, из которой Вы получили эту записку. Через сорок шагов будет лестница налево. Поднимитесь на два

пролета. Пройдите еще пятьдесят шагов по коридору на север. Освещенный коридор направо ведет к кельям девственниц. У дверей будет стоять часовой. Он не будет сопротивляться, но Вы должны взорвать парализующую бомбу, чтобы у него было алиби. Келья, которая Вам нужна, находится в дальнем конце центрального коридора, идущего с запада на восток. Над дверью горит свет, и у дверей сторожит дежурная девственница. Она не из наших. Вы должны нейтрализовать ее, но ни в коем случае не убивать и не причинять ей вреда. Заклейте ей рот и глаза лентой и свяжите ее же одеждой. Возьмите ключи, войдите в келью и вынесите сестру Юдифь. Возможно, она будет без сознания. Принесите ее на пост и передайте дежурному офицеру.

Действуйте быстро, особенно с того момента, как парализуете часового, так как Глаз может заметить Вас в освещенном коридоре, и тогда начнется тревога.

Не глотайте записку – чернила ядовиты. Бросьте ее в желоб мусоросжигателя наверху лестницы.

Да пребудет с Вами Господь.

Зеб прочел записку через мое плечо.

– Все, что тебе понадобится, – мрачно сказал он, – так это способность творить чудеса. Боишься?

– Да.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

– Нет, думаю, нам лучше выполнять все, как приказано.

– Да, насколько я знаю нашего Мастера Ложи. А кроме того, может случиться, что мне придется кого-нибудь срочно пристукнуть, пока тебя не будет. Я буду прикрывать тыл.

– Правильно.

– Ну, теперь давай помолчим и вернемся на пост.

Как только часы прозвенели середину дежурства, я при-слонил к стене копье, снял меч, кирасу и шлем – и всю остальную церемониальную чепуху, которую положено было носить, но которая не помогла бы мне в моем деле. Зеб пожал мне руку. И я пошел.

Два, четыре, шесть, сорок шагов. Я пошарил рукой по тем-ной стене и обнаружил вход. Вот и ступеньки! Я уже оказал-ся в той части Дворца, в которой до этого не бывал. Я пере-двигался в абсолютной темноте, надеясь только на правиль-ность инструкции. Один пролет, второй... Я чуть не грох-нулся, наступив на «верхнюю» ступеньку, которой не было.

Где этот мусоропровод долбаный? Он должен находить-ся, как обычно, на уровне пояса наверху лестницы. Я лихо-радочно размышлял, не зажечь ли свет, когда неожиданно нащупал крышку и запор. Со вздохом облегчения я выкинул улику, которая могла подвести стольких людей. Я уже бы-ло отошел, как вдруг меня охватила паника. Действительно ли это был желоб мусоросжигателя? Может быть, грузовой лифт? Я снова нащупал в темноте задвижку и сунул внутрь руку.

Руку прожгло даже сквозь перчатку. Я с облегчением вы-

дернул ее и дал себе слово доверяться инструкции. Но через сорок шагов к северу коридор раздвоился, о чем в инструкции не было ни слова. Я присмотрелся. И тут увидел шагах в двадцати слабо освещенный проем и стражника перед ним. Стражник был один из наших, но я решил не рисковать. Я достал парализующую бомбу, на ощупь поставил указатель на минимум, сорвал кольцо и подождал пять секунд. Потом кинул ее и нырнул за угол, чтобы защититься от лучей.

Подождав еще пять секунд, я высунул голову из-за угла. Охранник лежал на полу, и из царапины на лбу – видно, его задело осколком оболочки бомбы – сочилась кровь. Я бросился вперед, перешагнул через него, стараясь одновременно и бежать, и казаться неспешно идущим. Центральный коридор общежития девственниц был слабо освещен, только синие ночные лампы горели под потолком, но видно было достаточно. Я достиг конца коридора и замер. Сестра, которая должна была ходить у двери дозором, сидела на полу, прислонившись к двери спиной.

Может быть, она задремала, потому что подняла голову не сразу. Но когда она увидела меня, то мне ничего не оставалось, как броситься к ней и зажать ей рот левой рукой, правой я ударил ее по шее ребром ладони – не смертельный удар, но и деликатничать у меня не было времени, она обмякла.

Сначала половину клейкой ленты на рот, потом столько же на глаза, затем сорвать плащ, чтобы связать ее им, –

и быстрее, быстрее, быстрее, потому что чиновник службы безопасности мог уже получить сигнал от Глаза над лежащим без чувств часовым. Я нашел ключи на цепочке, обвязанной вокруг пояса, и поднялся, мысленно прося у нее прощения. Она была маленькая, будто ребенок, и показалась мне еще более беспомощной, чем Юдифь.

Но долго размышлять об этом я не мог. Я нашел нужный мне ключ, открыл дверь – и моя любимая оказалась у меня на руках.

Сестра спала глубоким, тревожным сном, – наверное, ее накачали наркотиками. Она застонала, когда я ее поднял, но женщина не проснулась. Халат ее распахнулся, и я увидел, что они с ней сделали. Я поклялся самой страшной клятвой отплатить за все семижды, если тот, кто виноват в этом, сможет прожить достаточно долго.

Стражник лежал там же, где я его оставил. Я уже было решил, что мне удалось провести всю операцию, никого не разбудив и не встревожив, как услышал сдавленный крик из коридора позади. Почему это женщинам не спится по ночам? Если бы женщина не встала с постели, чтобы позаботиться о чем-то, о чем должна была позаботиться перед сном, меня бы вообще никто тут не увидел.

Но я не мог заставить ее замолчать, я просто побежал. Завернув за угол, я оказался в темноте, пробежал мимо лестницы, и мне пришлось возвращаться и нащупывать ее, потом ошупью спускаться по ступенькам. Сзади раздавались крики

и женский визг.

В тот момент, когда я добежал до выхода из Дворца и, обернувшись, увидел черный портал, всюду зажегся свет и зазвучали сигналы тревоги. Я пробежал еще несколько шагов и почти упал на руки капитана ван Эйка. Он, не говоря ни слова, взял Юдифь на руки и тут же пропал за углом Дворца.

Я стоял и, ничего еще не соображая, смотрел ему вслед, когда Зеб вернул меня к реальности, притащив мою амуницию.

– Одевайся! – прошипел он. – Тревога для всех! Ты должен быть на страже.

Он помог мне привязать ножны, надеть кирасу и шлем, а потом сунул в руку копье. Затем мы стали спина к спине у портала, вытащили из кобур пистолеты и спустили предохранители, как и было положено по уставу. В ожидании дальнейших указаний мы не имели права двинуться с места, так как тревога началась не на нашем посту.

Несколько минут мы стояли как статуи. Слышали звуки шагов, голоса. Дежурный офицер пробежал мимо нас во Дворец, натягивая на ходу кирасу поверх пижамы. Я чуть было не застрелил его, прежде чем он успел назвать пароль. Потом мимо пробежали Ангелы из резерва во главе с разводящим.

Мало-помалу суматоха стихла. Свет продолжал гореть, но кто-то догадался выключить сирены. Зеб решился прошептать:

– Шеол! Что случилось? Ты все провалил?

– Да... нет... Я не знаю, – ответил я и рассказал о беспокойной сестре.

– Да-а-а! Это научит тебя не заигрывать с сестрами, когда ты на дежурстве.

– Я не заигрывал. Она просто выскочила из своей кельи.

– Я не имел в виду сегодняшнюю ночь, – сказал Зеб.

Я замолчал.

Через полчаса, задолго до конца смены, мимо нас снова промаршировал резерв. Разводящий остановил его, и нас сменили. Мы зашагали к кордегардии, останавливаясь еще два раза на пути, чтобы сменить другие караулы.

Нас построили в зале и продержали по стойке смирно пятьдесят бесконечных минут, тогда как дежурный офицер прогуливался перед строем и рассматривал нас. Один из легионов во втором ряду переступил с ноги на ногу. На это никто бы не обратил внимания на смотре, даже в присутствии самого Пророка, но сейчас командир приказал капитану ван Эйку записать его имя.

Капитан Питер выглядел разгневанным, точно так же как и его начальник. Он тоже придирался ко всему и даже остановился передо мной и приказал дать мне наряд вне очереди за то, что сапоги мои плохо блестели. Это была наглая ложь, если, конечно, я не замарал их во время своих походов. Но я не осмелился опустить глаза и проверить, так ли это, и не отрывал взгляда от холодных глаз капитана.

Его поведение напомнило мне слова Зеба об интриге. Ван Эйк вел себя так, как должен вести офицер, которого подвели подчиненные. Как бы я себя сейчас чувствовал, если бы ничего не знал?

Злым, решил я. Злым и несправедливо обиженным. Сначала заинтересовался бы событиями, а затем разозлился бы за то, что меня заставляют стоять по стойке смирно, как первоклассника. Они хотели взять нас на выдержку. А как бы я думал об этом, скажем, два месяца назад? Я был бы уверен в своей

непорочности и, естественно, унижен и оскорблен – ждать, как пария, в очереди за продовольственной карточкой и к тому же чтобы меня отчитали, как какого-нибудь кадета за пятно на рукаве!

Через час, к тому времени, когда прибыл командующий охраной, я довел себя до белого каления. Довел я себя искусственно, но эмоции были самые настоящие. Командующего я не любил никогда. Это был низенький человечек с холодными глазами, и он имел привычку смотреть сквозь младших офицеров, вместо того чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в распахнутой сутане, засунув пальцы за портупею.

– Помогите мне, Боже. И это Ангелы Господа! – произнес он мягко в полной тишине и затем выкрикнул: – Ну?

Никто не ответил.

– Молчите? – кричал он. – Кое-кто из вас об этом знает. Отвечайте! Или вас всех на допрос отослать?

По рядам пробежал гул, но никто так и не заговорил. Он снова окинул нас взглядом. Встретился с моими глазами. Я не отвел их.

– Лайл!

– Да, преподобный сэр.

– Что ты об этом знаешь?

– Я знаю только, что хотел бы присесть, преподобный сэр.

Он зарычал на меня, но потом в зрачках его зажглась холодная ирония:

– Лучше стоять передо мной, сын мой, чем сидеть перед Великим Инквизитором.

Он отвернулся от меня и подошел к следующему легату.

Он терзал нас до бесконечности, но ни я, ни Зеб не пользовались его особым вниманием. Наконец он, похоже, сдался и приказал дежурному офицеру нас отпустить. Я понимал, что это не конец. Несомненно, каждое произнесенное здесь слово было зафиксировано, каждое выражение лица снято на пленку, и в то время, как мы возвращаемся в свои комнаты, данные уже изучаются и сравниваются с предыдущими образцами поведения аналитиками.

Зеб меня восхитил. Пока мы шли в казарму, он болтал о ночных событиях, рассуждая о том, что могло вызвать такой переполох. Я старался отвечать ему естественно и всю дорогу ворчал о том, что с нами недостойно обращались.

– В конце концов, мы офицеры и джентльмены, – говорил я. – Если они думают, что мы в чем-то виноваты, пусть представят формальные обвинения.

Не переставая ворчать, я добрался до постели и долго лежал без сна, снедаемый тревогой. Я старался убедить себя, что Юдифь уже в безопасности, иначе они бы не темнили. И так, измучавшись, я незаметно уснул.

Я почувствовал, как кто-то дотронулся до меня, и сразу проснулся. Но тут же успокоился, узнав знакомое условное пожатие Ложи.

– Тихо, – прошептал голос, которого я не узнал. – Я дол-

жен тебя предохранить.

Я почувствовал укол в руку. Через несколько минут меня охватила апатия. Голос прошептал:

– Ничего особенного ночью во время дежурства ты не видел. До тревоги ты не заметил ничего подозрительного...

Не помню, долго ли звучал голос.

Второй раз я проснулся оттого, что кто-то грубо тряс меня. Я зарылся лицом в подушку и проворчал:

– Катись к черту, я лучше опоздаю к завтраку.

Меня ударили между лопаток. Я повернулся и сел, все еще не совсем проснувшись. В комнате находилось четверо вооруженных мужчин. На меня были направлены дула бластеров.

– Вставай! – приказал ближайший ко мне.

Они были в форме Ангелов, но без знаков различия. На лицах были черные маски с прорезями для глаз. По маскам я их узнал: служители Великого Инквизитора.

Я, честно говоря, не думал, что это может произойти со мной. Нет, только не со мной, не с Джонни Лайлом, который всегда хорошо себя вел, был лучшим учеником в приходской школе и гордостью своей матери. Нет! Инквизиция, конечно, была страшилкой, но страшилкой для грешников, не для Джона Лайла.

И в то же время, увидев эти маски, я с ужасом осознал, что я уже, считай, покойник, что пришло и мое время и что вот он, тот самый кошмар, от которого мне уже не проснуться.

Нет, я еще не был мертв. Я даже набрался смелости притвориться оскорбленным:

– Что вы здесь делаете?

– Вставай, – повторил безликий голос.

– Покажите ордер. Вы не имеете права вытащить офицера из постели, если вам пришло в голову...

Главный молча махнул в мою сторону стволом пистолета. Двое, что были с ним, схватили меня под руки и стащили на пол, четвертый подталкивал сзади. Но я не мальчик, и силы мне не занимать. Им пришлось со мной повозиться, в то время как я продолжал говорить:

– Вы обязаны дать мне одеться, по крайней мере. Какая бы ни была спешка, вы не имеете права тащить меня голым по Дворцу. Мое право ходить в форме.

К моему удивлению, речь возымела действие на главного. Он остановил помощника знаком:

– Ладно. Только быстро.

Я тянул время как мог, стараясь изобразить спешащего человека: заклинил молнию на сапоге, не попадал крючками в петли. Как бы оставить знак Зебу? Любой знак, который показал бы, что со мной случилось.

Наконец я понял, что надо сделать. Это был не лучший выход, но другого у меня не было. Я вытащил из шкафа кучу одежды, нужной и ненужной. Заодно вынул и свитер. Выбирая рубашку, я сложил свитер так, что рукава легли в положение, означающее у братьев Ложи знак бедствия. Затем я

подобрал ненужную одежду и сделал вид, что хочу засунуть ее обратно в шкаф. Главный тут же ткнул мне в ребра бласстером и сказал:

– Нечего. Уже оделся.

Я подчинился, бросив остальную одежду на пол. Свитер остался лежать посреди комнаты как символ, понятный каждому, кто мог прочесть его. Когда меня уводили, я молился, чтобы уборщик не пришел прежде, чем в комнату заглянет Зеб.

Они завязали мне глаза, как только мы вошли во внутреннее покои Дворца. Мы спустились на шесть пролетов вниз, оказавшись, по моим представлениям, на четвертом подземном уровне, и достигли помещения, наполненного сдавленной тишиной сейфа или бомбоубежища. С глаз сняли повязку. Я зажмурился.

– Садись, сын мой, садись и чувствуй себя как дома.

Я понял, что нахожусь лицом к лицу с самим Великим Инквизитором, увидел его добрую улыбку и добрые собачьи глаза.

Мягкий голос продолжал:

– Прости, что тебя так грубо подняли из теплой постельки, но нашей Святой Церкви нужна некая информация. Скажи мне, сын мой, боишься ли ты Господа? О, разумеется, боишься. Твое благочестие мне известно. Так что ты не откажешься помочь мне разобраться в маленьком деле, даже если из-за этого опоздаешь к завтраку. Все это к вящей славе

Господней.

Он обернулся к одетому в длинный черный плащ и маску помощнику и сказал:

– Подготовьте его. Только, ради бога, не причините ему страданий.

Со мной обращались быстро, грубо, но боли и в самом деле не причинили. Они вертели меня как нечто неживое и обращались со мной безразлично, как с механизмом, который требует определенных манипуляций. Они раздели меня до пояса, правую руку плотно обвязали резиновой полосой, на ладонях закрепили лентой электроды, вторую пару электродов поместили на запястья, третью – на висках, а на горло прикрепили миниатюрное зеркальце считывания пульса. Один из них подошел к панели управления на стене и что-то отрегулировал, а затем щелкнул переключателем и на противоположной стене замелькали образы, отражающие мое внутреннее состояние.

Маленький огонек плясал в такт с ударами моего сердца, волнистая линия на экране иконоскопа показывала рост и падение моего артериального давления, другая двигалась вслед за моим дыханием, были и другие, назначения которых я не понял. Я отвернулся и постарался припомнить таблицу натуральных логарифмов от одного до десяти.

– Понимаешь ли ты наши методы, сын мой? Эффективность и доброта – вот что их отличает. А теперь скажи... *Куда вы ее дели?*

К тому времени я добрался до логарифма восьми.

– Кого?

– Зачем ты это сделал?

– Простите, ваше преосвященство. Я не понимаю, что я должен был сделать?

Кто-то сильно ударил меня сзади. Огоньки на стене дрогнули и сместились, и Инквизитор внимательно присмотрелся к их показаниям. Затем сказал помощнику: «Сделайте укол».

Опять шприц. Они дали мне отдохнуть, пока средство не подействовало. Я провел это время, стараясь вспомнить таблицу логарифмов дальше. Но вскоре это стало трудно делать, меня охватило дремотное равнодушное состояние. Я чувствовал детское любопытство по отношению к моему окружению; но страха не было. Затем в мой мирок ворвался с вопросом голос Инквизитора. Я не помню, о чем он спрашивал, но наверняка я в ответ сказал первое, что пришло мне в голову.

Не знаю, как долго это продолжалось. В конце концов они вернули меня к реальности еще одним уколом. Инквизитор внимательно изучал небольшой синяк и пурпурную точку на моей правой руке. Он посмотрел на меня:

– Откуда это у тебя, мой мальчик?

– Не знаю, ваше преосвященство.

В ту минуту это была правда.

Он сокрушенно покачал головой:

– Не будь наивным, сын мой, и не думай, что я наивен. Позволь мне кое-что тебе объяснить. Вы, грешники, никогда не поймете, что в конце концов Господь всегда побеждает. Всегда. Наши методы основаны на любви и доброте, но они действуют с неотвратимостью падающего камня и с результатом, столь же неотвратимым.

Сначала мы беседуем с самим грешником и просим его добровольно отдаться в руки Господа, рассказать нам все, руководствуясь остатками добра, сохранившимися в его сердце. Когда наш призыв к доброте не находит отклика в ожесточившемся сердце, как это случилось с тобой, мой мальчик, мы пользуемся знаниями, которые вручил нам Господь, чтобы проникать в подсознание. Как правило, дальше этого допрос не идет – если только какой-то слуга Сатаны не побывал там раньше нас и не извратил священную скинию ума.

Итак, сын мой, я сейчас вернулся из прогулки по твоему разуму. Я обнаружил в нем много достойного похвалы. Но я обнаружил там также стену, воздвигнутую во мраке каким-то другим грешником, и то, что нужно мне – то, что нужно Церкви, сын мой, – скрывается за этой стеной.

Возможно, я не уследил за своим лицом, и на нем отразилась радость, или меня выдали огоньки на стене. Инквизитор улыбнулся печальной и доброй улыбкой и добавил:

– Никакая стена Сатаны не остановит Господа. Когда мы обнаруживаем такое препятствие, в нашем распоряжении

два выхода. Если у меня достаточно времени, я могу убрать стену мягко, безболезненно и не повредив разум упорствующего грешника. И я хотел бы, чтобы у меня было это время, поверь мне, потому что в глубине души ты хороший мальчик, Джон Лайл, и не принадлежишь к закоренелым грешникам.

Но хоть вечность длинна, наше время коротко. Есть второй путь. Мы можем игнорировать искусственный барьер в твоём подсознании и нанести прямой удар по сознанию, под знаменем Господа нашего.

Он отвернулся от меня и сказал:

– Подготовьте его.

Безликие палачи надели мне на голову металлический шлем и сделали что-то с приборами на пульте управления.

– А теперь посмотри сюда, Джон Лайл. – Он указал на диаграмму на стене. – Без сомнения, тебе известно, что нервная система человека имеет отчасти электрическую природу. Здесь представлено схематическое изображение головного мозга, его нижняя часть – таламус, сверху его покрывает кора. Каждый сенсорный центр, как видишь, отмечен на схеме. Электродинамические характеристики твоего мозга были проанализированы. Мне печально об этом говорить, но сейчас мы вынуждены будем искусственно усилить твои обычные чувства.

Он повернулся к пульту, но затем снова посмотрел на меня.

– Кстати, Джон Лайл, – сказал Инквизитор. – Я сам занялся тобой, потому что на этой стадии допроса мои помощники, чей опыт в богоугодном деле меньше, чем у моей скромной особы, порой заменяют искусство усердием и приводят грешника к гибели. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Ты – заблудший ягненок, и моя цель – спасти тебя.

– Спасибо, ваше преосвященство.

– Не благодари меня, благодари Господа, которому я служу. Однако, – продолжал он, слегка нахмурившись, – прошу тебя учесть, что прямая атака на разум хоть и необходима, но неизбежно болезненна. Простишь ли ты меня?

Я колебался не больше секунды:

– Я прощаю вас, ваше преосвященство.

Он взглянул на дисплеи и добавил сухо:

– Ложь. Но я прощаю тебе эту ложь, ибо она была сказана с благими намерениями.

Он кивнул своим молчаливым помощникам:

– Приступайте.

Свет ослепил меня, и нечто громом взорвалось в ушах. Моя правая нога дернулась от боли и скорчилась в бесконечной судороге. Перехватило горло. Я задыхался от позывов тошноты. Что-то раскаленное уперлось мне в солнечное сплетение. Я согнулся пополам и никак не мог отдышаться.

– Куда ты ее дел?!

Шум, начавшийся с низких нот, поднимался все выше и выше, увеличивая тон и децибелы до тех пор, пока не пре-

вратился в визг тысячи тупых пил, скрип миллиона карандашей, скребущих по бумаге, а затем перерос в громовой скрежет, который разорвал зыбкую грань моего разума.

– Кто тебе помогал?!

Мучительный жар жег мою промежность. И я никуда не мог от него деться.

– Зачем ты это сделал?!

На меня обрушился нестерпимый зуд, я мечтал сорвать с себя кожу, но руки не повиновались мне. Зуд оказался хуже боли. Сейчас я был бы рад чувствовать боль.

– Где она?!

Свет... звук... боль... жар... конвульсии... холод... падение... свет и боль... холод и падение, тошнота и звук...

– Любишь ли ты Господа?..

Жгучая жара и ледяной холод... боль, трещотки в голове, заставляющие кричать.

– Куда ты ее дел? Кто был с тобой? Сдайся, спаси свою душу!

Боль и беспомощность перед поглощающей темнотой.

Я думаю, что потерял сознание.

Кто-то ударил меня по губам ладонью.

– Очнись, Джон Лайл, и сознайся! Тебя выдал Зебадия Джонс.

Я моргнул и ничего не ответил. Не было необходимости симулировать оцепенение, которого я не мог стряхнуть с себя. Но слова были страшны, и мозг мой старался осмыслить

их. Зеб? Старина Зеб? Бедный старина Зеб! Неужели наши не успели обработать гипнозом и его тоже? Мне и в голову не пришло, что Зеб мог сознаться просто под пыткой. Я решил, что они умудрились вторгнуться в его подсознание. Умер ли он уже? Я понимал, что во все это втянул его я – вопреки его здравому смыслу. Я молился за его душу и молился, чтобы он простил меня.

Голова моя дернулась от новой пощечины.

– Очнись! Слышишь меня? Джонс выдал твои грехи.

– Выдал что? – пробормотал я.

Великий Инквизитор жестом приказал помощникам отойти и наклонил надо мной обеспокоенное доброе лицо.

– Пожалуйста, сын мой, сделай это для Господа... и для меня. Ты вел себя храбро, пытаешься защитить своих собратьев-грешников от плодов их глупости... Но они предали тебя, и твоя смелость и упорство более не значат ничего. Но не надо уходить на тот свет с такой тяжестью на душе. Исповедуйся, и пусть смерть возьмет тебя, прощенного от грехов твоих.

– Так вы хотите убить меня?

Он выглядел чуточку раздраженным:

– Я этого не говорил. Я знаю, что смерти ты не боишься. Но тебе следует бояться встречи с Создателем, твоя душа отягощена грехами. Открой наконец свое сердце, сознайся.

– Ваше преосвященство, мне не в чем сознаваться.

Он отвернулся от меня и мягким нежным голосом прика-

зал:

– Продолжайте. На этот раз механическое воздействие. Я не хочу выжигать его мозг.

Нет смысла рассказывать, что он имел в виду под механическим воздействием. Рассказ мой и так утомителен. Методы Инквизитора немногим отличались от методов, которые использовали в Средние века и даже в более позднее время, – за исключением того, что его знания о нервной системе были несравнимо выше, а знания психологии человеческого поведения позволяли выполнять его работу с большим искусством. Кроме того, сам Инквизитор и его помощники вели себя так, будто не получали никакого садистского удовольствия от моих страданий. Это придавало их действиям холодную эффективность.

Но давайте опустим детали.

Сколько это длилось? Должно быть, я не один раз терял сознание, потому что самые ясные мои воспоминания – о том, как поток ледяной воды снова и снова лился мне на лицо, приводя меня в чувство, а затем следовал новый кошмар. Не думаю, что я сказал им что-то важное, пока был в сознании, а когда терял его, меня предохраняла гипнотическая защита. Помню, как я старался выдумать грехи, которых никогда не совершал, но не могу вспомнить, что из этого вышло.

А однажды, очнувшись в полубреду, я услышал голос:

– Он может выдержать больше. У него сильное сердце.

...Я был мертв какое-то время. И это было приятно. Но наконец очнулся, как будто после очень долгого сна. Я попытался повернуться в постели, но внезапная боль меня остановила. Я открыл глаза и огляделся: я лежал на постели в маленькой комнате без окон, но она не выглядела мрачной. Круглолицая молодая женщина в халате медсестры быстро подошла ко мне и пощупала пульс.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – ответила она. – Как мы себя чувствуем? Лучше?

– Что случилось? – спросил я. – Все кончилось? Или это только перерыв?

– Тихо, – сказала она. – Вы еще слишком слабы, чтобы разговаривать. Но все кончилось, и вы в безопасности среди братьев.

– Меня спасли?

– Да. Но теперь молчите.

Она подняла мне голову и дала напиток. Я снова заснул.

Прошло несколько дней, пока я оправился и узнал обо всем.

Лазарет, в котором я очнулся, был частью подвальных помещений второго уровня под фундаментом универмага в Новом Иерусалиме. Отсюда к комнате Ложи под Дворцом вел подземный ход, но где он проходил и как в него попасть – я не знал. Я никогда в нем не был – в сознательном состоянии, я имею в виду.

Зеб пришел навестить меня, как только мне разрешили принимать гостей. Я постарался приподняться в постели.

– Зеб! Зеб, дружище, а я думал, что ты мертв!

– Кто? Я? – Он наклонился надо мной и похлопал меня по руке. – С чего ты это решил?

Я рассказал ему о словах Инквизитора. Он покачал головой:

– Меня даже не успели арестовать. Спасибо тебе, дружище. Никогда в жизни больше не назову тебя дураком. Если бы не твоя гениальная догадка разложить на полу свитер в виде знака, они сцапали бы нас обоих и никто из нас не выпутался бы из этого живым. А так, поняв в чем дело, я прямоком направился в комнату ван Эйка. Он приказал мне спрятаться в комнате Ложи и затем занялся твоим спасением.

Я хотел спросить его, как им это удалось сделать, но мои мысли уже переключились на более важный предмет.

– Зеб, где Юдифь? Ты можешь ее найти и привести сюда? А то моя медсестра только улыбается и велит не волноваться.

Он удивился:

– Разве тебе не сказали?

– Не сказали *что*? Я никого не видел, кроме сестры и врача, а они обращаются со мной как с идиотом. Да перестань темнить, Зеб. Что-нибудь случилось? С ней все в порядке? Или нет?

– О, все в порядке! Она сейчас в Мексике, мы получили об этом сообщение два дня назад.

Я чуть не расплакался:

– Уехала? Это нечестно! Почему она не подождала пару дней, пока я приду в себя?

Зеб ответил быстро:

– Послушай, дурачок! Нет, извини, я обещал не употреблять этого слова: ты не дурачок. Послушай, старина, у тебя нелады с календарем. Она уехала до того, как тебя спасли, еще когда мы не были уверены, что спасем тебя. Не думаешь ли ты, что братья ее вернут только для того, чтобы вы могли поворковать?

Я подумал и успокоился. Он говорил дело, хоть я и был глубоко разочарован. Он переменял тему:

– Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно.

– Они сказали, что завтра снимут гипс с ноги.

– А мне об этом ни слова.

Я постарался устроиться поудобнее.

– Больше всего на свете мечтаю выбраться из этого корсета, а доктор говорит, что придется пожить в нем еще несколько недель.

– Как рука? Можешь согнуть пальцы?

Я попытался.

– Более или менее. Пока стану писать левой рукой.

– Во всяком случае, мне кажется, что ты не собираешься умирать, старина. Кстати, если это послужит тебе некоторым облегчением, могу сообщить, что подручных дел мастериш-

ко, который пытал Юдифь, немножко умер во время операции по твоему спасению.

– В самом деле? Жалко. Я хотел бы оставить его для себя...

– Не сомневаюсь. Но в таком случае тебе пришлось бы стать в длинную очередь. Таких, как ты, немало. Я в том числе.

– Но я-то придумал для него кое-что оригинальное. Я заставил бы его грызть ногти.

– Грызть ногти? – Зеб удивился.

– Пока он не отгрыз бы их до локтей. Понимаешь?

– Да, – усмехнулся Зеб криво. – Нельзя сказать, что ты страдаешь избытком воображения. Но он мертв, и нам до него не добраться.

– Ну тогда ему дьявольски повезло. А почему ты, Зеб, сам до него не добрался? Или вы все слишком торопились, чтобы отвлекаться на менее важные вещи?

– Я? Да я даже не участвовал в твоём спасении. Меня к тому времени уже не было во Дворце.

– Как так?

– Не думаешь ли ты, что я все еще исполняю обязанности Ангела?

– Об этом я как-то не подумал.

– Естественно, я не мог вернуться после того, как скрылся от ареста. Пришлось покончить со службой. Да, мой дорогой друг, теперь мы оба дезертиры из армии Соединенных

Штатов – и каждый полицейский, каждый почтальон в стране мечтает получить награду за нашу поимку.

Я тихо присвистнул, когда до меня дошло все значение его слов.

Я присоединился к Каббале под влиянием момента. Конечно, из-за влюбленности в Юдифь и внезапных событий, которые обрушились на меня вследствие нашей встречи, у меня не было времени спокойно все обдумать. Нельзя сказать, что я порвал с Церковью в результате философского умозаключения.

Конечно, умом я понимал, что вступить в Каббалу значило порвать все старые связи, но эмоциональных последствий этого я пока не ощущал. А что значило для меня навсегда отказаться от офицерского мундира? Я гордился им, я любил идти по улице, заходить в кафе, магазины и сознавать, что все глаза обращены на меня.

Наконец я выбросил эти мысли из головы. Руки мои оперлись уже на плуг, и лемех вонзился в землю. Пути назад не было. Я выбрал себе дорогу и останусь на ней, пока мы не победим или пока меня не сожгут за измену.

Я поднял голову. Зеб смотрел на меня испытующе:

– Коленки не дрожат?

– Нет. Просто... пока не привык. Все слишком быстро закрутилось.

– Понимаю. Нам придется забыть о пенсии, и теперь не важно, какими по счету мы были в Вест-Пойнте.

Он снял с пальца кольцо Академии, подкинул его в воз-

дух, поймал, а потом сунул в карман.

– Надо работать, дружище. Ты, кстати, обнаружишь, что здесь тоже есть военные подразделения. И совсем настоящие. Что касается меня, то мне эта фанаберия надоела, и я рад бы никогда больше не слышать весь этот компост. «Стройся! Равнение на середину!» или «Часовой, доложите обстановку!» Как бы то ни было, братья пошлют нас туда, где мы лучше всех, а умение сражаться тут действительно имеет значение.

Питер ван Эйк пришел навестить меня дня через два. Он присел на краешек кровати, сложил руки на брюшке и посмотрел на меня:

– Тебе лучше, сынок?

– Я мог бы подняться, но доктор не разрешает.

– Хорошо, а то у нас людей не хватает. И чем меньше образованный офицер пролежит в госпитале, тем лучше. – Он помолчал, пожевал губами и добавил: – Но, сынок, я ума не приложу, что мне с тобой делать.

– Что, сэр?

– Честно говоря, тебя с самого начала не следовало принимать в орден: военное командование не должно заниматься сердечными делами. Такие дела нарушают привычные связи и могут привести к скоропалительным и неверным решениям. А уж после того, как мы тебя приняли, нам дважды пришлось впутаться в такие авантюры, которых с чисто военной точки зрения и быть не должно.

Я ничего не ответил. Нечего было отвечать: капитан был прав. Я почувствовал, что краснею.

– Не вспыхивай, как девушка, – сказал капитан. – Ведь с точки зрения боевого духа братьев нам полезно иногда нападать самим. Но главная проблема – что делать с тобой? Парень ты здоровый, держал себя неплохо, но понимаешь ли ты в самом деле, что мы боремся за идеалы свободы и человеческое достоинство? Понимаешь ли вообще, что значат эти слова?

Я ответил, почти не колеблясь:

– Мастер, может быть, я и не первый умник, и, видит Боже, мне никогда не приходилось размышлять о политике, но я твердо знаю, на чьей я стороне.

Он кивнул:

– Этого достаточно. Мы не можем ожидать, что каждый из нас станет Томом Пейном.

– Кем?

– Томасом Пейном. Но ты о нем никогда не слышал, конечно. Когда будет свободное время, почитай о нем, у нас есть библиотека. Очень вдохновляет. Теперь о тебе. Конечно, нетрудно посадить тебя за стол. Твой друг Зеб проводит за ним по шестнадцать часов в день, приводя в порядок наши бумажные дела. Но мне не хочется, чтобы оба вы занимались канцелярщиной. Скажи, что было твоим любимым предметом, твоей специальностью?

– Я не успел специализироваться, сэр.

– Знаю. Но к чему у тебя были склонности? К прикладным чудесам, к массовой психологии?

– У меня неплохо шли чудеса, но боюсь, что для психодинамики у меня не хватало мозгов. Я любил баллистику.

– К сожалению, у нас нет артиллерии. Я мог бы позаимствовать технического специалиста в отделе морального духа и пропаганды, но если нет – значит нет.

– Зеб был в нашем выпуске первым по психологии толпы, Мастер. Начальник Академии уговаривал его перевестись в Духовную академию.

– Я знаю об этом, и мы постараемся использовать Зеба, но не здесь и не сейчас. Он слишком увлекся сестрой Магдалиной, а я не люблю, когда парочки работают вместе. В критической ситуации это может плохо отразиться на их суждениях. Теперь о тебе. Как ты думаешь, а не получился бы из тебя хороший убийца?

Он задал этот вопрос серьезно, но как-то походя. Я с трудом поверил собственным ушам. Меня всегда учили – и я принимал это за аксиому, – что убийство – один из страшных грехов, подобный кровосмешению или богохульству... Я еле заставил себя произнести:

– А братья прибегают... к *убийству*?

– А почему нет? – Ван Эйк не спускал с меня взгляда. – Мне интересно, Джон, ты убил бы Великого Инквизитора, если бы тебе представился такой шанс?

– Разумеется! Но я бы хотел это сделать в честном поедин-

ке.

– И ты думаешь, что они когда-нибудь дадут тебе шанс на честный поединок? А теперь давай вернемся в тот день, когда Инквизитор арестовал сестру Юдифь. Представь себе, что у тебя была бы единственная возможность выручить ее – убить Инквизитора ножом в спину или отравить его. Что бы ты сделал?

Я ответил не колеблясь:

– Я бы его убил!

– И тебе было бы стыдно, ты бы раскаивался?

– Никогда!

– Видишь, как ты заговорил! А ведь он лишь один из многих мерзавцев. Запомни: человек, который ест мясо, не имеет морального права презирать мясника. Каждый епископ, каждый министр, любой человек, которому выгодна тирания, вплоть до самого Пророка, – прямой соучастник всех преступлений, которые совершает инквизиция. Человек, который покрывает грех, потому что это ему выгодно, такой же грешник, как тот, кто этот грех совершил первым. Осознаешь ли ты эту связь?

Может показаться странным, но я все это понял сразу. В конце концов, последние слова мастера не противоречили тому, что говорилось в Писании. Правда, меня поразило такое его применение.

Мастер Питер продолжал:

– Но учти – мы неприемлем возмездия. Возмездие – пре-

рогатива Господа. Я никогда не пошлю *тебя* убить Инквизитора, ибо это стало бы искушением для тебя лично. Мы не соблазняем человека грехом как приманкой. Но мы ведем войну. Она уже началась. В этой войне мы проводим различного рода операции. Например, мы знаем, что ликвидация вражеского командира в бою важнее, чем разгром целого полка. Так что мы можем отыскать ключевого человека и убрать его. В одной епархии епископ может быть именно такого рода командиром. В соседней он просто марионетка, которую поддерживает система. Мы убьем первого, но поможем второму сохранить свое место. Мы должны постепенно лишить их лучших мозгов. Поэтому я спрашиваю, – тут он склонился совсем близко ко мне, – хочешь ли ты быть одним из тех, кто охотится за их командирами? Эти операции для нас крайне важны.

Мне вдруг подумалось, что в последнее время всегда находится кто-то, кто подсовывает мне неприятные факты и заставляет их признавать, тогда как обыкновенные люди всю жизнь занимаются тем, что обходят неприятности, избегают их. По зубам ли мне такое задание? Могу ли я отказаться от него? Как мне показалось, Мастер Питер дал понять, что убийц набирают из добровольцев, – а если я откажусь, легко ли мне будет сознавать, что кто-то другой должен исполнять самую тяжелую работу, а я хочу остаться чистеньким?

Мастер Питер был прав: человек, который покупает мясо, не имеет права презирать мясника – он ему кровный брат...

Но тут работала не мораль, а безгласность... Сколько есть людей, которые ратуют за смертную казнь, но они ужаснутся, если им самим предложат накидывать петлю или поднимать топор. А разве мало тех, кто считает войну неизбежной и в ряде случаев морально оправданной, но сам уклоняется от военной службы, потому что ему претит мысль об убийстве.

Эти люди – эмоциональные младенцы, этические идиоты. Левая рука *должна* знать, что делает правая! А сердце ответственно за действия обеих рук. И я ответил:

– Мастер Питер. Я готов служить... служить в том качестве, в котором братья решат меня использовать.

– Молодец. – Питер чуть расслабился и продолжал: – Между нами признаюсь тебе, что работу убийцы я предлагаю каждому новому добровольцу, когда я не уверен, понимает ли он, что мы собрались не для того, чтобы играть в пинг-понг, но ради великого дела, которому каждый из нас должен отдать себя целиком без всяких условий, – он должен быть готов ради дела расстаться со своим имуществом, своей честью и своей жизнью. У нас нет места для тех, кто умеет отдавать приказания, но отказывается чистить нужники.

Счастливое облегчение овладело мной.

– Значит, вы не всерьез предлагали мне работу убийцы?

– Что? Обычно я не предлагаю серьезно эту работу новобранцам. Уж очень мало на свете людей, пригодных для этого. Но честно говоря, в твоём случае я был совершенно серьёзен, потому что мы уже знаем, что ты обладаешь для этого

необходимыми и не очень распространенными качествами.

Я постарался сообразить, что во мне такого особенного, но не смог.

– Простите, сэр?

– Видишь ли, в конце концов тебя на этой работе обязательно поймают. Каждый наш убийца успевает выполнить в среднем три с половиной задания. Это неплохой показатель, но нам желательно его повысить, хотя подходящие исполнители встречаются очень редко. В твоём случае мы знаем, что, когда они тебя поймают и начнут допрашивать, им от тебя ничего не добиться.

Видно, мои чувства отразились на моей физиономии. Опять допрос? Я все еще едва живой после первого раза!

Мастер Питер сказал мягко:

– Разумеется, тебе не придется снова пережить все это от начала до конца. Мы всегда предохраняем убийц. Мы делаем так, чтобы они могли легко покончить с собой. Так что не волнуйся.

Поверьте, испытавшего допрос на собственной шкуре идея самоубийства вовсе не шокирует, – напротив, она успокаивает.

– А как это делается, сэр? – спросил я.

– Для этого есть дюжина способов. Наши врачи могут заминировать тебя так, что ты будешь способен покончить с собой при необходимости, как бы крепко тебя ни связали. Есть старые добрые способы – цианистый калий или что-то

подобное в дырке зуба, например. Правда, прокторы его уже знают и обычно затыкают человеку рот кляпом. Но есть и другие способы. – Он широко развел руки, завел их за спину. – Если я заведу руку за спину достаточно далеко, чего в нормальных условиях человек никогда не сделает без значительных усилий, лопнет миниатюрная капсула, вшитая между лопатками. В то же время ты можешь стучать меня по спине хоть весь день – и ничего со мной не случится.

– А вы сами были... убийцей, сэр?

– Нет. Да и как я могу им быть, если у меня совсем другая работа? Но все наши люди, кто занимает в организации ответственные посты, обязательно заминированы – это меньшее, что мы можем для них сделать. К тому же я ношу бомбу в брюхе. – Он похлопал себя по животу. – Если эта бомба взорвется, то погибнут все, кто окажется со мной в комнате.

– Мне бы такую бомбу на том допросе! – воскликнул я.

– Не сглазь! Тебе же сказочно повезло. Но если понадобится мина, мы ее тебе подложим.

Он поднялся:

– А пока не думай о моем предложении. Тебя еще должна исследовать группа психологов. А они придирчивые ребята.

Несмотря на его последнюю реплику, я немало думал о его словах. Правда, со временем уже не с таким содроганием.

Вскоре мне разрешили вставать и давали нетрудные поручения. В течение нескольких дней я считывал гранки «Ико-ноборца» – осторожной, слегка критичной, взывающей к ре-

формам сверху газете, которую Каббала распространяла через своих полевых миссионеров. Это была газета типа «Да, но...» – внешне беспредельно преданная Пророку и в то же время призванная вызывать сомнения и заставлять задуматься даже самых нетерпимых и прямолинейных из его приверженцев. Значение ее заключалось не в том, что в ней говорилось, а в том – как. Ее номера мне приходилось видеть даже во Дворце.

Познакомился я немного также с нашим подземным штабом в Новом Иерусалиме. Сам универмаг принадлежал нашему последнему Великому Мастеру и был очень важным средством сообщения с внешним миром. Полки магазина кормили и одевали нас, с помощью нелегальных подключений к видеофонному каналу связи магазина мы не только общались с другими частями города, но и могли иногда организовывать международную связь, если нам удавалось зашифровать послание так, чтобы оно не вызывало подозрений у цензуры. Грузовики универмага помогали перевозить людей от одного тайного убежища к другому. Я узнал, что именно так начала свой путь в Мексику Юдифь – в ящике, на котором было написано: «Резиновая обувь». Коммерческие акции магазина служили хорошим прикрытием для наших масштабных операций.

Успешная революция – огромное дело, нельзя забывать об этом. В современном сложном индустриальном обществе кучка заговорщиков, которые шепчутся за углом и собира-

ются при свече на покинутых руинах, не сделает революции. Революции нужно множество людей, припасов, современной техники и современного оружия. И чтобы управлять всем этим, нужны конспирация, преданность делу и тщательно продуманная организация.

Я работал, но, пока не получил назначения, у меня оставалось много свободного времени. Нашлось время и заглянуть в библиотеку, и я прочитал и про Томаса Пейна, и про Патрика Генри, и про Томаса Джефферсона, и про других. Для меня открылся новый мир. Сначала мне было даже трудно поверить в то, что я прочел. Я думаю, что из всего, что полицейское государство делает со своими гражданами, самое пагубное и непростительное – это искажение исторического прошлого. Например, я узнал, что раньше Соединенные Штаты не были вотчиной кровожадного ставленника Сатаны, которого в гневе своем изгнал Первый Пророк, – напротив, это было общество свободных людей, которые решали свои проблемы по мирному обоюдному согласию. Я не хочу сказать, что их государство было раем из проповедей, но оно не было и тем, чему меня учили в школе.

Впервые в жизни я читал книги, не прошедшие цензуру Пророка, и они потрясли меня. Иногда я даже невольно оглядывался через плечо, чтобы проверить, не следит ли кто за тем, что я читаю. Я начал смутно осознавать, что секретность является краеугольным камнем тирании. Не сила, а именно секретность, цензура. Когда любое правительство и любая

церковь начинают говорить своим подданным: «Этого вы не должны читать, этого не должны видеть, это вам запрещено знать», конечным результатом будут тирания и угнетение, и не важно, какими святыми мотивами они руководствовались. Для того чтобы контролировать людей, чей разум опутан цепями, не нужно много усилий, и, наоборот, никакая сила не может контролировать свободного человека, чей разум свободен. Нет, ни атомные бомбы, ни виселицы – ничто на свете не способно покорить свободного человека. Самое большее, что можно сделать, – это убить его.

Но я не слишком отвлекался на разные силлогизмы. Голова моя была забита новыми идеями, каждая из которых была интереснее предыдущей. Я узнал, что межпланетные путешествия, почти миф в мое время, прекратились не потому, что Первый Пророк запретил их, как противные Господу; они прекратились потому, что правительство Пророка привело страну в упадок и не смогло их финансировать. Я узнал даже, что «неверные» (я использовал мысленно привычное слово для определения иностранцев) по прежнему время от времени посылали в космос исследовательские корабли и даже сейчас на Марсе и Венере оставались людские поселения.

Я был этим так взволнован, что даже забыл о нашем положении. Если бы меня не выбрали в Ангелы Господа, я, наверное, стал бы работать в области ракетостроения. Я любил такие вещи, которые требовали быстрых рефлексов, совме-

ценных со знанием математики и механики. Может быть, со временем Соединенные Штаты снова будут иметь космические корабли. Может быть, я...

Но эта мысль была вытеснена сотнями других. Например, иностранными газетами. Я даже и не подозревал раньше, что «неверные» умеют читать и писать. Лондонская «Таймс» оказалась увлекательнейшей газетой. До меня понемногу дошло, что британцы, по-видимому, уже не едят человеческого мяса, если вообще когда-нибудь его ели. Оказалось, они очень похожи на нас, если не считать, что они делали буквально все, что хотели, это просто в голове не укладывается; я видел даже письма читателей, в которых они осмеливались критиковать правительство. Больше того, в той же газете было напечатано письмо, в котором епископ местной языческой церкви укорял своих прихожан за то, что они редко ходят в церковь. Я не могу даже сказать, какое из писем потрясло меня больше. В одном не было никакого сомнения: письма эти указывали, что в Англии воцарилась полная анархия.

Мастер Питер сообщил мне, что коллегия психологов не пропустила меня в убийцы. С одной стороны, я почувствовал облегчение. С другой – оскорбился. Что со мной не так, если они не доверили мне эту работу? В то время я воспринял это как пятно на своей репутации.

– Не переживай, – сухо посоветовал ван Эйк. – Они ввели в компьютер твои данные и проиграли на нем ситуацию, в которой ты должен выполнить задание. И обнаружили, что

все шансы за то, что тебя поймают в первый же раз. А мы не хотим, чтобы наши люди погибали так быстро.

– Но...

– Успокойся, парень. Я отправляю тебя в Главный штаб.

– Главный штаб? А где это?

– Узнаешь, когда попадешь туда. А сейчас направляйся к метаморфисту.

Доктор Мюллер был специалист по пластическим операциям. Я спросил его, что он будет со мной делать.

– Не знаю, пока не выясню, что вы собой представляете.

Он меня всего обмерил вдоль и поперек, сфотографировал, записал голос, проанализировал походку и заполнил перфокарту моими физическими данными.

– Теперь отыщем вам брата-близнеца.

Я наблюдал, как мою карточку сравнивали с десятками тысяч других, и принялся уже подозревать, что я – личность совершенно уникальная, не напоминающая никого на свете, когда почти сразу из аппарата выпало две карточки. И прежде чем машина закончила работу, на столе перед доктором лежало уже пять карт.

– Неплохой набор, – произнес доктор Мюллер, разглядывая их. – Один синтетический, два живых, один мертвец и одна женщина. Ну, женщину мы отложим в сторону, она не годится для этой работы, но будем иметь в виду, что на свете есть женщина, которую вы могли бы прилично имитировать. Когда-нибудь это может пригодиться.

– А что такое синтетический? – спросил я.

– Это личность, тщательно составленная из поддельных документов и придуманного происхождения. Сделать синтетического – задача сложная и рискованная, приходится вносить изменения в государственные архивы. Я не хотел бы пользоваться придуманной личностью, потому что тут не учтешь мелких деталей, которые могут оказаться жизненно важными. Я предпочел бы дать вам облик и данные реального человека.

– А почему вы все-таки создаете синтетические личности?

– Иногда приходится. Например, надо срочно вывезти беглеца, и под рукой нет никого, чью личность мы могли бы ему передать. Поэтому у нас постоянно в запасе широкий выбор синтетиков. Посмотрим теперь, кто же эти живые, – сказал он, перетасовывая карточки, – у нас есть двое на выбор...

– Минутку, доктор, – перебил его я. – А почему вы сохраняете карточки умерших людей?

– А это те, кто формально считается живым. Когда кто-нибудь из братьев умирает и представляется возможность скрыть это от властей, мы сохраняем его данные, чтобы ими мог воспользоваться наш агент. Да, – продолжал он, – вы potete?

– Неважно.

– Тогда этот отпадает. Он – баритон. Я могу многое в вас

изменить, но не смогу научить вас профессионально петь. А не хотелось бы вам стать Адамом Ривсом, представителем текстильной компании? – Он показал мне карточку.

– Вы думаете, я справлюсь?

– Разумеется. После того, как я с вами позанимаюсь.

Через две недели меня не узнала бы и родная мать. Да, думаю, и мать Ривса не отличила бы меня от своего сына. В течение второй недели я каждый день встречался с настоящим Ривсом. Пока мы с ним занимались, я к нему привык, и он мне даже понравился. Он оказался тихим, скромным человеком, который не любил вылезать на передний план и потому казался мне ниже ростом, хотя он был, конечно, такого же, как и я, роста, сложения и даже немного походил на меня лицом.

Немного – это было вначале. После небольшой операции уши мои несколько оттопырились, чуть больше, чем задумала природа; одновременно мне подрезали мочки ушей. Нос Ривса был с горбинкой – кусочек воска, положенный мне под кожу на переносицу, придал горбинку и моему носу. Пришлось поставить коронки на несколько зубов, чтобы соответствовать его стоматологической карте. Это была единственная часть перевоплощения, против которой я возражал. Пришлось также высветлить на тон или два кожу на лице: работа Ривса не давала ему возможности часто бывать на солнце.

Но самой сложной частью перевоплощения были искус-

ственные отпечатки пальцев. Подушечки моих пальцев покрыли тонким непрозрачным слоем пластика телесного цвета, на котором затем были выдавлены линии пальцев Ривса. Эта работа была настолько тонкая и точная, что доктор Мюллер заставил переделать один из пальцев семь раз, пока не признал, что трюк удался.

Но все это оказалось только началом. Теперь мне надо было научиться манерам Ривса, его походке, жестам, смеяться, как он смеялся, даже изучить его поведение за столом. Я усомнился, что смогу когда-нибудь зарабатывать на жизнь в амплу актера, и мой тренер полностью со мной согласился.

– Послушайте, Лайл, – повторял он, – когда вы наконец усвоите, что жизнь ваша зависит от того, насколько хорошо вы будете имитировать Ривса? Вы *обязаны* научиться!

– А мне казалось, что я веду себя, как Ривс, – робко возражал я.

– Ведете! В этом-то и беда, что только *ведете*. И разница между вами и Ривсом – как между настоящей ногой и протезом. Вы обязаны *стать* настоящим Ривсом. Попробуйте. Беспокойтесь, как и он, о продаже тканей, думайте о вашей последней деловой поездке, о комиссионных, скидках, квотах... Давайте. Попробуйте.

Каждую свободную минуту я изучал текущие дела Ривса так, чтобы полностью заменить его как специалиста по текстилю. Я изучал способы торговли и понял, что мало только развозить образцы и предлагать их розничным торговцам, –

и я не мог отличить вискозу от велюра. Еще до окончания работы я научился уважать своего двойника. Раньше я полагал что продавать и покупать – просто. Оказывается, я и здесь ошибался. Я плохо спал и просыпался по утрам с разламывающейся головой, и уши мои, еще не зажившие после операции, зудели до безобразия.

Но все закончилось. За две недели я *стал* Адамом Ривсом, коммивояжером, и телом, и душой.

– Лайл, – сказал мне Питер ван Эйк. – Ривс должен вылететь сегодня на «Комете» в Цинциннати. Ты готов?

– Да, сэр.

– Хорошо. Повтори свои инструкции.

– Сэр, я должен выполнить свой – то есть Ривса – график продаж отсюда до побережья. Потом заехать в офис «Юнайтед текстилз» в Сан-Франциско, отчитаться, а затем отправиться в отпуск. В Аризоне, в городе Фениксе, я должен посетить церковную службу в скинии Саут-Сайд. После службы я останусь и поблагодарю священника за вдохновенную проповедь. Затем я скажу ему пароль. Он поможет мне добраться до Главного штаба.

– Все правильно. Ты попадешь к месту работы, и, кроме того, я использую тебя как курьера. Зайди сейчас в психодинамическую лабораторию, и главный техник тебя проинструктирует.

– Слушаюсь, сэр.

Мастер Ложи встал из-за стола и, обойдя его, подошел ко мне.

– До свидания, Джон. Береги себя, и да поможет тебе Великий Архитектор.

– Спасибо, сэр. А послание, которое я должен доставить, важное?

– Очень важное.

Он больше ничего не сказал и оставил меня в недоумении. Почему не сказать сразу, если я все равно через несколько минут все узнаю? Но я ошибался. В лаборатории меня попросили сесть, расслабиться и подготовиться к сеансу гипноза.

Я вышел из него с приятным ощущением тепла, которое всегда сопровождает сеансы гипноза.

– Вот и все, – сказали мне после окончания сеанса. – Выполняйте приказание.

– А как насчет послания, которое я должен доставить?

– Оно уже в вас.

– Гипнотически? Но если меня арестуют, его вытащит любой следователь-психолог, который будет со мной работать!

– Вы в безопасности. Ключ к посланию в двух условных словах. Вы не сможете вспомнить их, пока кто-нибудь их не произнесет. У того, кто будет вас допрашивать, если вы попадетесь, практически нет шансов произнести оба слова в нужном порядке. Поэтому вы не сможете выдать послание ни во сне, ни наяву.

Я ожидал, что мне дадут какое-нибудь средство покончить жизнь самоубийством, если я попадусь. Правда, я не видел иных вариантов, кроме таблетки с ядом, потому что времени на что-то иное уже не осталось. Этот способ покончить с жизнью практически бесполезен, если полиция знает свое дело. Но когда я выяснил, что послание будет в безопас-

ности, то предпочел не рисковать и не стал просить таблетку. Кстати, я не склонен к самоубийству: когда дьявол придет по мою душу, ему придется тащить меня на тот свет силой.

Ракетодром Нового Иерусалима связан с городом подземной, так что добраться проще, чем в большинстве старых городов. Станция находится прямо напротив универмага, так что я вышел из его дверей, перешел улицу, разыскал туннель с надписью «Ракетодром», подождал, пока подъехала пустая капсула, положил туда багаж, сел и пристегнулся сам. Служитель закрыл колпак, включил ток, и почти мгновенно я оказался в порту.

Я купил билет и встал в хвост очереди к портовому полицейскому участку. Должен признаться, я нервничал. За документы Адама Ривса я не боялся, но знал, что полицейские наверняка имеют приказ задерживать всякого, кто напоминает офицера-ренегата Джона Лайла. Впрочем, они всегда кого-нибудь да разыскивают, и я надеялся, что список подобных лиц слишком длинен, чтобы на некоего Джона Лайла обратили особое внимание.

Очередь продвигалась медленно. Я подумал, что это плохой знак, особенно когда заметил, что нескольких человек вывели из нее и оставили дожидаться у ограды. Нервы мои были на пределе. Но само ожидание позволило мне взять себя в руки. Я протянул сержанту свои документы, посмотрел на свой хроно, потом поднял глаза к станционным часам и снова взглянул на хроно.

Сержант проверял бумаги не спеша. Он взглянул на меня и сказал вполне добродушно:

– Не волнуйтесь, не опоздаете. Пока мы всех не проверим, они не полетят.

Он пододвинул ко мне блестящую дощечку:

– Отпечатки пальцев, пожалуйста.

Я без слов протянул руки. Он сверил эти отпечатки с отпечатками в моем пропуске, потом с отпечатками пальцев, которые Ривс оставил, когда прилетел сюда неделю назад.

– Все в порядке, мистер Ривс. Приятного пути.

Я поблагодарил его и пошел дальше.

Народу в «Комете» было немного. Я выбрал место у окна, в передней части салона, и только успел развернуть свежий номер «Святого города», как почувствовал прикосновение к плечу.

Это был полицейский.

– Прошу вас выйти.

Меня вывели из ракеты вместе с другими четырьмя пассажирами, все они были мужчинами. Сержант был вежлив:

– Боюсь, мне придется попросить всех вас вернуться на станцию для дальнейшей проверки. Багаж будет выгружен, в список пассажиров внесут изменения. Ваши билеты действительны на следующий рейс.

Я возмутился:

– Я обязан быть сегодня вечером в Цинциннати!

– Прошу прощения. – Тут он обернулся ко мне. – А, вы

Ривс! Вроде все сходится. И рост и лицо. Дайте-ка я еще разок посмотрю ваш пропуск. Вы же прилетели в город неделю назад?

– Совершенно правильно.

Он снова внимательно изучил мои документы.

– Ну конечно, теперь я припоминаю. Вы прилетели утром во вторник на «Пилигриме». И вы не могли быть в двух местах одновременно. Так что, я думаю, вас это не касается. – Он вернул мне документы. – Возвращайтесь на борт. Извините за беспокойство. Остальные следуйте за мной.

Я вернулся в салон и снова развернул газету. Через несколько минут ракета взлетела и взяла курс на запад. Я продолжал читать газету, чтобы скрыть волнение и успокоиться, но вскоре заинтересовался. Только что утром, в подполье, я читал свежую канадскую газету. Контраст был поразителен. Я снова оказался в мире, для которого не существовало других стран: «зарубежные новости» состояли из гордых отчетов наших иностранных представительств, миссий и нескольких сообщений о зверствах «неверных». Я подумал: куда уходят все деньги, которые ежегодно выделяются на миссионерскую деятельность? Остальной мир, если верить «их» газетам, и не подозревал, что наши миссионеры существуют.

Потом я начал выбирать из сообщений те, что были явно лживыми. К тому времени, когда я кончил их подсчитывать, мы вышли из ионосферы и приближались к Цинцинна-

ти. Мы обогнали солнце и снова увидели закат.

Очевидно, в моем роду был бродячий торговец. Я не только посетил все пункты, намеченные Ривсом в Цинциннати, но даже добился кое-каких успехов. Мало того, обнаружил что получаю больше удовлетворения, уломав несговорчивого торговца увеличить линейку текстильных товаров, чем от военной службы. Я перестал думать о надежности моей маскировки и полностью углубился в мир текстиля. И знаете, торговля – это не просто способ заработать на хлеб с маслом, это еще и игра, и она захватывает.

В Канзас-Сити я улетел точно по графику, и у меня не было никаких проблем с полицией, когда обратился за очередной визой на переезд. Я решил было, что Новый Иерусалим охраняется особо. А здесь, к западу, уже никто и не разыскивает некоего Джона Лайла, бывшего офицера и джентльмена. Здесь он был одним из тысяч объявленных в розыск и затерявшихся в файлах полиции.

Ракета на Канзас-Сити была переполнена. Мне пришлось сесть рядом с другим пассажиром, крепким мужчиной лет за тридцать. Когда я садился, мы поглядели друг на друга, а потом каждый занялся своим делом. Я выдвинул столик и принялся приводить в порядок бланки заказов и другие бумаги, накопившиеся за дни, проведенные в Цинциннати. Сосед откинулся на сиденье и смотрел новости в стереобоксе ТВ, установленном в передней части салона.

Через десять минут он толкнул меня в бок и, когда я обер-

нулся, показал пальцем на экран. Там была видна площадь, заполненная народом. Люди бежали к ступеням массивного Храма, над которым развевались красно-золотое знамя Пророка и вымпел епископства. Первая волна людей разбилась о нижние ступени Храма.

Взвод храмовой охраны выбежал из боковой двери и быстро установил перед гигантскими дверями наверху лестницы треножники огнеметов. Дальше сцена снималась другой камерой, очевидно установленной на крыше Храма, потому что мы видели лица нападающих, устремленные в нашу сторону.

То, что последовало за этим, заставило меня устыдиться формы, которую я еще недавно носил. Вместо того чтобы быстро расстрелять мятежников, стражники целились огнеметами по ногам. Люди из первой волны нападавших взбежали вверх по ступеням – и в то же мгновение пали, судорожно дергая сожженными культиями ног. Я увидел, как лучи ударили по ногам парня и девушки, которые бежали, взявшись за руки. Они упали, истекая кровью, но парень нашел в себе силы поползти до девушки и дотянуться рукой до ее лица. Камера покинула их и перешла на общий план.

Я схватил наушники, висевшие на спинке кресла, и услышал:

«...аполис, Миннесота. Город находится под контролем местных властей, и дополнительных войск не понадобится. Епископ Дженнингс объявил военное положение. Аген-

ты Сатаны задержаны. Порядок восстановлен. Город переводится на пост и молитву.

Миннесотские гетто будут закрыты, и все парии переводятся в резервации Вайоминга и Монтаны для предотвращения дальнейших вспышек насилия. Да послужит это предупреждением всем нечестивцам, кто осмелится подняться против Божественной власти Воплощенного Пророка.

Передачу вела служба новостей „Крылья ласточки“⁵, наш спонсор – Ассоциация торговцев, которая предлагает лучшие бытовые средства для обретения благодати. Станьте первыми в своем приходе, кто получит статуэтку Пророка, которая чудесным образом *светится в темноте*! Высылайте один доллар наложенным платежом...»

Я снял наушники и повесил их на место. Почему во всем обвинили парий? В этой толпе их не было. Но я помалкивал, предоставив своему соседу заговорить первым. И он заговорил с откровенным возмущением:

– Так им и надо, этим идиотам! Штурмовать укрепленные позиции без всякого оружия. – Он говорил очень тихо, склонившись к моему уху.

– Интересно, почему они взбунтовались? – спросил я.

– Да разве предугадаешь действия еретика. Они же все ненормальные.

⁵ В оригинале «No Sparrow Shall Fall» – отсылка к Мф. 10: 29: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего». – *Примеч. С. В. Голд.*

– Вы могли бы повторить это и в церкви, – согласился я. – Кроме того, даже нормальный еретик – если такие бывают – должен понимать, что правительство очень толково управляет страной. Бизнес процветает. – Я со счастливой улыбкой похлопал по черному портфелю. – По крайней мере, мой бизнес, хвала Господу.

Мы немного поговорили о делах – условиях ведения бизнеса и так далее. Я присматривался к нему, пока шел разговор. На вид он был обычный преуспевающий горожанин, консерватор, но что-то в его облике заставило меня насторожиться. Может, просто нервы не в порядке? Или какое-то шестое чувство человека в бегах?

Взгляд мой упал на его руки, и у меня возникло ощущение, что с ними что-то не так. Но в них не было ничего необычного. Тогда я пригляделся и заметил все-таки одну незначительную деталь – на пальце левой руки мозолистый бугорок, след от кольца. Такой же след был на моем пальце, когда я снял тяжелое кольцо, которое носил много лет в Вест-Пойнте и после него. Конечно, это ничего еще не значило – многие носили тяжелые кольца. На моем пальце, например, сейчас было кольцо – не из Вест-Пойнта; разумеется, это было кольцо с печаткой, принадлежавшее Ривсу.

Но зачем обычному обывателю снимать кольцо, которое он носил много лет? Пустяк, конечно, но этот пустяк меня насторожил: преследуемый поневоле становится внимателен к мелочам. В Вест-Пойнте я никогда не считался хорошим

психологом, но сейчас стоило вспомнить то небольшое, чему меня все-таки научили... Я перебирал в памяти все, что знал о соседе.

Первое, что он заметил, первое, о чем он сказал, увидев сцену подавления восстания, – это безрассудство лобовой атаки по укрепленной позиции. Это могло указывать на военную ориентацию его мыслей. Но это еще не доказывало, что он военный. Наоборот, выпускники академии никогда не снимают кольца, даже в увольнительной или на пенсии, и уносят его с собой в могилу. Если только он не хочет – по какой-то веской причине, – чтобы его узнали.

Мы продолжали вежливую беседу, и я размышлял о том, чем бы мне подкрепить свои рассуждения, когда стюардесса принесла чай. Ракета как раз коснулась атмосферы, начав спуск из безвоздушного пространства с переходом в длинную глиссаду к Канзас-Сити, ее тряхнуло, и стюардесса пролила немного горячего чая на брюки моему соседу. Он вскрикнул и почти неслышно выругался. Сомневаюсь, что стюардесса поняла его слова, но я разобрал – и напряженно размышлял над ними, пока вытирал его носовым платком. «Би джей идиот!» – вот что он сказал, и это был специфический сленг Вест-Пойнта.

Ergo⁶, след от кольца – не случайность. Он – из Вест-Понта, армейский офицер, переодетый в штатское. Вывод: почти несомненно, он выполняет секретное задание. И этим зада-

⁶ Следовательно (лат.). – Примеч. С. В. Голд.

нием мог быть я.

Да ладно, Джон! Он мог отдать кольцо ювелиру для ремонта, он мог переодеться в штатское на время отпуска... Но во время долгого разговора он дал мне понять, что он бизнесмен. Нет. Это был агент под прикрытием.

Но даже если он охотился не за *мной*, он совершил две грубые ошибки в моем присутствии. Даже самый неопытный новичок (как я, например) никогда не допустит таких ошибок, которые могут его раскрыть, а ведь секретная служба состояла не из дураков, у них работали лучшие головы страны. Хорошо, что же из этого следует? Ошибки были не случайны. Предполагалось, что я их замечу и *буду думать*, что они случайны. Зачем?

Вряд ли из-за того, что он сомневался, тот ли я человек, который ему нужен. В таком случае на основании старого проверенного тезиса о том, что каждый человек виновен, пока не доказано, что он невиновен, он просто арестовал бы меня и отправил на допрос.

Тогда почему же?

Вероятнее всего, они хотели оставить меня на свободе, но испугать меня, заставить бросить все, помчавшись в укрытие, – и привести их таким образом к моим коллегам-заговорщикам. Конечно, все это были мои предположения, но они не противоречили фактам.

Когда я понял, что мой сосед – секретный агент, севший мне на хвост, меня охватил холодный страх, выворачиваю-

щий нутро и схожий разве что с морской болезнью. Но когда я решил, что понял их мотивы, я успокоился. Что бы сделал на моем месте Зеб? «Первый принцип интриги – не совершать никаких необычных поступков...» Сиди на месте и изображай идиота. Если он захочет следить за мной, пусть следит; я проведу его сквозь все отделения универмага Канзас-Сити – пускай поглядит, как я всучиваю свои тряпки.

И все-таки мой желудок готов был взбунтоваться, когда мы сошли в Канзас-Сити. Я все время ждал мягкого прикосновения к плечу – прикосновения куда более страшного, чем удар в лицо. Но ничего не произошло. Он бросил мне обычное «храни вас Господь», обогнал меня и направился к лифту, ведущему к стоянке такси, пока я ставил печати на моем пропуске. Правда, это меня не очень успокоило – он мог десять раз передать меня другому агенту. И все-таки я отправился в «Нью-Мюльбах» весьма неспешно.

Я провел хорошую деловую неделю в Канзас-Сити, выполнил все, что от меня ожидалось, и даже неожиданно заключил выгодную, не предусмотренную планом сделку. Я старался узнать, следят ли за мной, но по сей день так и не знаю, был ли у меня «хвост». Если следили, то кто-то провел очень скучную неделю. Но хоть я и пришел к выводу, что инцидент был не чем иным, как плодом моего воображения, я с большим удовольствием сел в ракету, улетающую в Денвер, и отметил, что моего прежнего попутчика нет среди пассажиров.

Мы приземлились на новом аэродроме к востоку от Ав-

роры, в нескольких милях от центра Денвера. Полиция проверила документы, и я уже собирался сунуть бумажник обратно в карман, когда сержант сказал:

– Оголите левую руку, мистер Ривс.

Я закатал рукав, пытаясь выказать при этом должную степень возмущения. Чиновник в белом халате взял кровь на анализ.

– Всего лишь обычная мера предосторожности, – пояснил сержант. – Департамент здравоохранения опасается эпидемии лихорадки.

Это было весьма неправдоподобное объяснение – для человека, прошедшего подготовку по курсу Департамента здравоохранения. Но для торговца текстилем Ривса оно могло показаться достаточным. Объяснение стало еще более неправдоподобным, когда мне велели подождать результатов анализа в заднем помещении вокзала. Я сидел там, ломая голову, какой вред мне могли причинить десять кубиков собственной крови – и что я мог предпринять, если это действительно так.

Времени подумать у меня было достаточно. Положение не из приятных. Мое время явно утекало впустую, но предлог, под которым меня задержали, был настолько тривиальным, что у меня не хватало решимости попытаться убежать. Возможно, именно на это они и рассчитывали. Поэтому я просто сидел и ждал.

Здание было временное, и стенка между комнатой, где я

сидел, и помещением дежурного была из тонкого пластика. Я слышал голоса, но не мог разобрать слов. Я не осмеливался приложить ухо к стене, опасаясь, что кто-нибудь войдет, но в то же время понимал, что это может оказаться полезным. Я подвинул стул к стене и качнулся на нем назад, так что стул держался на двух ножках, а мои плечи и затылок оказались прижаты к стене. Потом загородился развернутой газетой и прижал ухо к стене.

Теперь я мог разобрать каждое слово. Сержант рассказывал клерку историю, которая могла стоить ему месячного наказания, если блюститель морали услышал бы ее, но так как я уже слышал ее во время службы во Дворце, то она меня не шокировала, а беспокоиться о чужой нравственности у меня что-то не было настроения. Я выслушал несколько рутинных докладов по селектору, разговор с каким-то идиотом, который не мог найти мужскую уборную, но ни слова обо мне. От неестественной позы у меня заболела шея.

Напротив было открытое окно, выходившее на ракетодром. В небе появилась небольшая ракета, затормозила носовыми дюзами и красиво зашла на посадку примерно в четверти мили от меня. Пилот выпустил шасси, подогнал ракету к административному зданию и оставил ярдах в двадцати от окна.

Это была курьерская модификация «Ястреба», маршевый прямоточный воздушно-реактивный двигатель и ракетный ускоритель для взлета, самый славный маленький кораблик,

какой когда-либо создавала инженерная мысль. Я хорошо его знал: летал на таком же, когда играл за армию в воздушное поло на второй позиции, – в том году мы обыграли и флот, и Принстон.

Пилот вышел из ракеты и скрылся в здании. Если зажигание не заблокировано – Шеол! А что, если заблокировано? – почему бы не попробовать? Окно было открыто, но оно могло быть оборудовано виброударом, и если что, я даже не успею понять, что меня убило. Но я не видел ни проводов, ни спусковых механизмов, а тонкие стенки здания не позволяли упрятать их внутрь. Возможно, здесь была только контактная сигнализация, вряд ли что-то серьезное вроде фотоэлементов.

Пока я размышлял, до меня снова донеслись голоса из соседней комнаты. Я снова прижал ухо к стене и прислушался:

– Какая группа крови?

– Первая, сержант.

– Совпадает?

– Нет, у Ривса третья.

– Ого! Позвони в главную лабораторию. Отвезем его в город на анализ сетчатки.

Я попался – и знал это. Они уже наверняка поняли, что я не Ривс. Как только они сфотографируют рисунок сосудов на сетчатке глаза, они тут же узнают, кто я на самом деле. Все, что им нужно, – это передать снимок в бюро морали и расследований, а возможно, все выяснится прямо на месте,

если копии снимков были разосланы в Денвер и другие места вместе с ориентировкой на меня.

И я выпрыгнул в окно.

Приземлившись, я перекатился через голову и, как пружина, вскочил на ноги. Я не стал прислушиваться, включилась ли где-то сигнализация, у меня не было на это времени. Дверь в ракету была раскрыта, а зажигание не отключено – дуракам везет!

Я не стал выруливать на полосу, а стартовал с места, не заботясь о том, что факел сожжет кого-то из моих преследователей. Мы с ней, с моей милой, подпрыгнули, пронеслись над землей, потом я поднял ее нос гироскопом, и мы взяли курс на запад.

Я заставил ее подниматься почти вертикально, чтобы побыстрее набрать высоту и скорость, на которой можно запустить главный двигатель. Настроение было отличное: в руках у меня чудесный корабль, а полицейские остались с носом. Но как только я включил основную тягу и выровнял полет, мой глупый оптимизм испарился.

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через считанные минуты или даже секунды поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого – два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения теперь казалось не таким уж чудесным. Или, может быть, *слишком* чудесным? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют задержанного без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение – рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен, – единственное, что могло заставить меня

решиться?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запустить меня? Может, кто-то знал, что мне нравится «Ястреб» в курьерском исполнении? Знал, потому что перед ним на столе лежало мое досье и он был в курсе моих достижений в воздушном поло. Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам. Конечно, оставалась вероятность – только вероятность, – что мне в самом деле повезло, если я сумею воспользоваться этим шансом. В любом случае я не хотел ни попадаться снова, ни привести их к моим товарищам, ни погибнуть. Я нес важное послание (как я предполагал) и не мог доставить врагам такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту воздушной полиции, но услышал лишь спор между вышкой Денвера и каким-то транспортом на подлете. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил спустить с меня штаны. Может, это начнется позже. Я оставил радио включенным и обдумал свое положение.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Денвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Должно быть, в моей крови было столько адреналина, что чувство времени отказало. Баки основного двигателя были почти полные – у меня горючего на десять часов или на шесть тысяч миль в экономном режиме. Но, правда, на такой скорости они меня

могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невыполним, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я сверился с приборами и задал курс на Гавайскую республику; моя ласточка осторожно повернула на юго-восток. Затем я заложил программу в автопилот и столкнулся с проблемой: дальность полета три тысячи сто миль и скорость восемьсот миль в час досуха вычерпают основной бак. У меня будут только остатки топлива в ускорителе и носовые движки, чтобы замедлиться и сесть. Это было рискованно.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, киберанализаторы принялись вычислять и быстро пришли к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут, если меня не перехватят. А перехватить меня было нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Ракеты «земля – воздух» поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя малышка, с полными баками, так что пилотам не нужно экономить топливо, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался. Я *хотел*, чтобы они уничтожили мою

ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Операция «Болван», фаза вторая: как выбраться из дерьма? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, об этом позаботились конструкторы. Вы шлепаете по кнопке катапульты и начинаете молиться, дальше все происходит само. Вокруг вас схлопывается спасательная капсула и герметизирует стыки, а затем она выбрасывается из корабля. В свое время, когда давление и скорость воздуха достигнут нужной величины, появляется вытяжной парашют. Он раскрывает основной парашют, и вы с комфортом опуститесь на Божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть проблема: и корабль, и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигнал бедствия: капсула – точки, корабль – тире, и в довершение всего у капсулы отличный собственный радиомаяк.

Все это так же незаметно, как корова в церкви.

Я смотрел перед собой, грыз большой палец и думал о том, что меня ждет. Грядущее казалось мне все более унылым и безысходным, и в этом, несомненно, сказывалось мое нынешнее настроение. Ведь я помнил, что каждую минуту пролетаю тринадцать миль и что мне давно пора надеть шляпу и отправляться на выход. Конечно, рядом со мной был люк. Я мог бы надеть парашют и выйти наружу – но нельзя открыть люк в ракете с работающим двигателем, и вы не мо-

жете сбросить его – это приведет к тому, что корабль закувыркается, как щенок. Не стоит игнорировать и встречный ветер – при скорости восемьсот миль в час даже на высоте шестьдесят тысяч футов меня просто разрежет о дверную раму, как масло.

Все зависело от того, насколько хорош у моей птички автопилот. Лучшие автопилоты умеют делать все, кроме пения гимнов. Те, что подешевле и попроще, могут поддерживать скорость, высоту и направление полета, но этим их таланты исчерпываются. В данном случае я хотел знать, есть ли у моего автопилота экстренный режим для ситуации «отсечка факела», потому что я намеревался остановить корабль, выйти и заставить его двигаться дальше в направлении Гавайев в автономном полете – если получится.

Прямоточный воздушно-реактивный двигатель может работать только при высокой скорости полета, вот почему на таких кораблях есть реактивный ускоритель – без него они не могли бы взлететь. Если скорость корабля опускается ниже критической для вашего движка, его факел гаснет и вам нужно запустить его снова либо с помощью ракетного ускорителя, либо уходя в пике, чтобы набрать нужную скорость. Это рискованный трюк, и многие пилоты прямоточников получили свой небесный приз из-за внезапной отсечки факела.

Мой опыт полетов на «Ястребе» ничему меня не научил по той простой причине, что пользоваться автопилотом при игре в воздушное поло не приходится. Поверьте мне на сло-

во. Я поискал инструкцию в бардачке, но не нашел ее. Я осмотрел корпус самого автопилота, но информация, выгравированная на табличке, ничего мне не сообщила. Без сомнения, при наличии отвертки и большого запаса времени я мог отвинтить панель автопилота, разобраться в его контурах и сделать вывод, но для этого понадобился бы целый день; в этих автопилотах до черта транзисторов и проволочной лапши.

Так что я вытащил парашют из держателей и принялся его надевать, напевая:

Друг, надеюсь, у тебя
Есть мне нужное устройство.

Автопилот не ответил ни слова, хотя я бы не очень удивился, если бы он ответил. Потом я снова сел в кресло и принялся орудовать с автопилотом. Времени оставалось мало. Я был уже над пустыней и видел, как заходящее солнце отражается в водах Соленого озера.

Сперва я немного снизился. На высоте шестидесяти тысяч футов слишком холодно и неудобно. Да и кислорода маловато для моих легких. Затем начал подъем – очень плавный и неспешный, чтобы не оторвать плоскости и не потерять сознание от перегрузки. Мне нужно было поднять ее достаточно высоко, чтобы в верхней точке кривой отключить ракетный ускоритель и отправить ее в пике, – в падении она вновь

наберет нужную скорость. В начале падения скорость будет мала, что приведет к отключению прямоточника, и в этот момент я должен был выпрыгнуть. По понятным причинам я не хотел, чтобы двигатель включился в то время, когда вылезая из люка.

Я продолжал задирать нос ракеты, пока она не встала вертикально, земля была за спиной, небо впереди. Я потихоньку подтормаживал, собираясь заглушить факел на тридцати тысячах футов, где уже довольно разреженный воздух, но в прыжке можно немного потерпеть, и достаточно высоко, чтобы моя птичка успела отвернуть, не размазавшись о плато Юты. Примерно на двадцати восьми тысячах футов у меня возникло дурацкое ощущение, что пульт управления полностью сдох и не реагирует на мои действия. Вскоре на инструментальной панели замигала красная лампочка – и оба двигателя вырубилась. Пришло время выбираться отсюда.

Я едва не забыл о кислородном баллоне. Одной рукой я пристраивал мундштук между зубами и пытался затянуть маску на лице, а другой пытался открыть люк – и при этом мне страшно мешал тот факт, что мы с кораблем в этот момент находились в свободном падении. Я весил не больше нескольких унций – благодаря торможению о воздух в верхней части траектории.

Люк все не открывался. Потом я сообразил и ударил по кнопке сброса давления. Люк распахнулся, и меня буквально вытянуло наружу. Секунду или две я висел неподвижно, и

земля кружилась над моей головой. Затем люк захлопнулся – и я оттолкнулся от борта. Я не прыгал – мы с «Ястребом» падали бок о бок, и я просто оттолкнулся в сторону.

Должно быть, я ударился головой о крыло. Во всяком случае, вслед за этим в моей памяти есть небольшой пробел, а затем я оказался в пустоте в двадцати пяти ярдах от корабля. Он медленно вращался, а вокруг меня вращались земля и небо. Когда я выбрался наружу, ощутил легкий зябкий ветерок, но пока не чувствовал холода. Мы с моей ласточкой оставались рядом несколько минут – или часов, время будто остановилось. Затем ракета вышла из пике и стала отдаляться.

Я попытался следить за ней и вот тут-то почувствовал ледяной ветер падения. Глаза наполнились болью, я вспомнил, как читал о замороженных глазных яблоках и тут же прикрыл глаза руками. Мне сразу полегчало. Но затем меня охватила паника, я подумал, что слишком промедлил с прыжком, и теперь вот-вот врежусь в землю. На секунду я приоткрыл глаза и обнаружил, что земля еще далеко – милях в двух-трех. Расчеты мои могли быть и неточны, потому что внизу уже стемнело. Я попытался разглядеть корабль, но не смог, а потом внезапно увидел, как вспыхнули его двигатели. Рискуя отморозить глаза, я провожал его взглядом, и восторг пылал в моем сердце. У автопилота действительно нашелся аварийный режим для запуска погасшего двигателя, и все шло по плану. Моя птичка выровнялась, повернула

на запад и пошла набирать заданную высоту. Я помолился, чтобы она все преодолела и мирно упокоилась в водах Тихого океана, а не была сбита перехватчиком.

Продолжая падать, я смотрел на удаляющийся огонек ее выхлопа.

Триумф моего кораблика заставил меня позабыть о том, как я перепуган. Вываливаясь из него, я помнил, что должен совершить затяжной прыжок. Прощаясь с кораблем, тело наверняка оставит второй огонек на экране радара. И я надеялся только на то, что у меня получится обмануть наблюдателей и они решат, что это была настоящая чрезвычайная ситуация с отсечкой факела, и что мне удастся быстро покинуть корабль и не слишком отсвечивать по пути к земле. Чтобы исчезнуть с экрана, я должен как можно скорее выпасть из их поля зрения, а парашют можно будет раскрыть только у самой земли – в полной темноте и вне видимости радаров.

Мне никогда еще не приходилось совершать затяжных прыжков. Я всего-то прыгал два раза: оба прыжка были учебными, под надзором инструктора, что только и требовалось от кадетов перед сдачей выпускных экзаменов. Пока я падал, зажмурив глаза, я чувствовал себя вполне пристойно, если не считать непреодолимого желания дернуть за кольцо. Рука сама отыскивала кольцо, и пальцы вцепились в него. Я приказал пальцам отпустить кольцо, но они почему-то не подчинились. Но открывать парашют нельзя было ни в коем случае – я был еще слишком высоко, и меня мог заметить кто

удобно, стоит мне раскрыть над собой этот огромный вызывающий зонтик.

Я намеревался раскрыть парашют где-то в пятистах – тысяче футов над землей, но мои нервы не выдержали, и я не дождался. Почти прямо подо мной был большой город – Прово, штат Юта, насколько я мог судить, и я сумел убедить себя, что если не дерну кольцо прямо сейчас, то опущусь посреди этого города.

Тут я очень вовремя вспомнил о кислородной маске и сбросил ее – благодаря чему, по-видимому, избежал при приземлении выбитых мундштуком зубов, потому что не удосужился пристегнуть баллон к груди и все время держал его в левой руке. Думаю, у меня оставалось время, чтобы пристроить его как надо, но вместо этого я просто-напросто швырнул его в сторону какой-то фермы, надеясь, что он финиширует на пашне, а не на макушке какого-нибудь честного гражданина. А потом я дернул кольцо.

Я дернул кольцо и в течение двух страшных секунд был уверен, что мне достался неправильно сложенный парашют. Но тут он раскрылся и вышиб из меня дух, – а может, я на секунду потерял сознание от страха. Я пришел в себя, обвиснув в ремнях, подо мной раскачивалась и медленно вращалась земля. Я все еще был слишком высоко и медленно приближался к огням Прово. Я глубоко вздохнул – легкие стосковались по густому воздуху – потянул за стропы и слегка пригасил купол.

Падение ускорилось, и я отпустил стропы как раз вовремя, чтобы развернувшийся купол поддержал меня в момент посадки. В вечерних сумерках я не видел земли, но чувствовал, что она близко. Я согнул колени, как написано в инструкции, последующее было полной неожиданностью: меня ударило, я споткнулся, упал и запутался в парашюте. Считается, что это все равно что прыгнуть с высоты четырнадцати футов, – знаете, по моим ощущениям высота куда больше.

Следующее, что помню: я сижу на поле, засеянном сахарной свеклой, и растираю левую лодыжку.

Шпионы во всех книжках зарывают свои парашюты, так что мне тоже, очевидно, положено было закопать свой. Но, во-первых, я устал, во-вторых, у меня не было с собой лопаты, а в-третьих, мне не хотелось копать землю. Я затолкал его в трубу под дорогой, идущей по краю поля, и пошел по обочине к огням Прово. Из носа и левого уха шла кровь и засыхала на лице. Я был покрыт грязью, разорвал брюки, шляпа моя осталась бог знает где – возможно, в Денвере или над Невадой; к тому же я, видимо, слегка растянул лодыжку, ободрал правую руку и немного намочил штаны. В общем, чувствовал я себя шикарно.

Настолько хорошо, что я едва сдерживался, чтобы не зашвырнуть, пока шел по дороге. Да, прокторы Пророка все еще охотились на меня, но они считают, что я по-прежнему в небе, лечу на Гавайи. По крайней мере, я надеялся, что они так считают. В любом случае в данный момент я был жив,

свободен и более-менее невредим. . . Если уж скрываться где-нибудь, то лучше места, чем штат Юта, не придумаешь. Она являлась центром ереси и раскола с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь, еще во времена Первого Пророка. Если я не попадусь на глаза полицейским, можно надеяться, что местные жители меня не выдадут.

И все-таки я покорно бросался в пыльную канаву каждый раз, когда мимо проносились огни машин, и, прежде чем достичь города, покинул дорогу и пошел напрямик полями. Я вошел в город узкой, слабо освещенной улицей. Время до комендантского часа еще оставалось, и мне надо было выполнить первую часть плана, пока на улицах не появились ночные патрули.

Довольно долго бродил я по темным улочкам, избегая людей, прежде чем нашел то, что нужно, – аэрокар, который я мог украсть. Это был семейный «форд», припаркованный на пустыре у неосвещенного дома.

Укрываясь в тени, я подкрался к нему и сломал перочинный нож, стараясь открыть дверь, и все-таки открыл ее. Зажигание было заблокировано, но я и не надеялся на повторную удачу. На деньги налогоплательщиков я получил чрезвычайно практичное образование, которое включало в себя детальное знакомство с системой зажигания двигателя. Спешить было некуда. Через двадцать минут манипуляций в полной темноте я замкнул цепь.

Быстро оглядев улицу, я сел за руль и включил вспомога-

тельный электродвигатель. Потом не спеша выехал на улицу, завернул за угол и включил фары. Затем открыто проехал через весь город, как фермер, возвращающийся с городского богослужения. Мне не хотелось встречаться с полицейским кордоном у выезда из города, поэтому, как только дома стали мельчать и расстояния между ними увеличиваться, я свернул в поле. Неожиданно переднее колесо провалилось в канаву. Мне ничего не оставалось, как взлететь.

Основной двигатель кашлянул и заурчал. Ротор с громким треском развернул свои плоскости. Во время взлета машину трясло и кренило в сторону, но она сделала это. Земля ушла вниз.

Машина, которую я украл, оказалась той еще развалюхой, старой и неухоженной. В двигателе стучал клапан, и ротор вибрировал так сильно, что мне это не нравилось. Но она летела, и горючего было полбака, его должно было хватить до Феникса. Так что мне грех было жаловаться.

Хуже было полное отсутствие какого-либо навигационного оборудования, если не считать старого разбалансированного робота «Сперри»⁷ и нескольких старых карт, которые раздаются нефтяными компаниями. Радио в аэрокаре не работало.

Ну что ж, у Колумба и этого не было. Я знал, что Феникс лежит на юге и до него пятьсот миль. Я посмотрел по сторонам, оценил дрейф, выставил роботу курс и приказал ему держать высоту пятьсот футов. Чуть выше я мог привлечь внимание киберсети, чуть ниже – и ко мне прицепится дорожная полиция. Я включил габаритные огни – так было безопаснее, чем вообще без света, мне совсем не хотелось нарываться на штраф – но переключил их в режим «слабый». Потом я оглянулся.

Никаких следов погони. Очевидно, мою последнюю кра-

⁷ *Сперри Элмер Эмброуз* (1860–1930) – изобретатель, основатель корпорации «Сперри рэнд», разрабатывал гироскопы и другое навигационное оборудование. – *Примеч. С. В. Голд.*

жу не обнаружили. Что касается первой – ну, видимо, мою птичку либо уже сбили, либо она где-то над Тихим океаном. Мне пришло в голову, что за мной тянется хвост преступлений, слишком длинный для маменькиного сыночка: соучастие в убийстве, ложь Великому Инквизитору, измена присяге, присвоение чужих документов и дважды крупная кража. Конечно, оставались еще поджог, мздоимство (что бы это ни значило) и изнасилование. Я решил, что обойдусь без изнасилования, но могу попробовать себя в мздоимстве, если когда-нибудь узнаю, что это значит. Между тем я все еще чувствовал себя великолепно, несмотря на то что мой нос снова кровоточил.

Тут мне пришло в голову, что женитьба на святой диакониссе согласно закону может рассматриваться как изнасилование – отчего я почувствовал себя совсем хорошо, сейчас я не намерен был пропускать ни одного пункта в этом перечне.

Я не стал передавать управление автопилоту, потому что старался обходить города на почтительном расстоянии. Лишь отлетев на сто миль к югу от Прово, я решил, что могу позволить себе поспать. Отсюда на юг от Великого каньона до самых руин старого родтауна «66» люди попадают очень редко. Так что я приказал автопилоту поддерживать высоту восемьсот футов от поверхности земли, приказал не налетать на деревья и обрывы, перебрался на скамейку для пассажиров и тотчас же уснул.

Мне снилось, что Великий Инквизитор старается сломить

мой дух, пожирая в моем присутствии сочный бифштекс.

— Признавайся! — кричал он, откусывая кусок от бифштекса и смачно пережевывая его. — Признайся, и сразу станет легче. Тебе кусочек из серединки или поджаристый краешек?

Я был готов уже во всем признаться, но, на мое счастье, проснулся.

Ярко светила луна. Мы как раз подлетели к Великому каньону. Я метнулся к пульту и отменил приказ выдерживать высоту, испугавшись, что простоватый автопилот сойдет с ума, стараясь удержать нас в восьмистах футах над этой грандиозной чередой пиков и пропастей.

Открывшийся передо мной вид поразил меня настолько, что я на время забыл о голоде. Если вам не приходилось видеть Великий каньон, то не стоит тратить время, рассказывая вам об этом. Но я могу порекомендовать вам поглядеть на него ночью при свете луны с высоты птичьего полета.

Мы пересекли его примерно за двадцать минут, я снова передал управление автопилоту и принялся обшаривать аэрокар, не пропуская ни одного ящика, ни одного шкафа, ни одного укромного местечка в поисках пищи. В результате я раздобыл шоколадный батончик с миндалем и несколько орешков арахиса. Таким образом, я устроил пышный пир. Считаю, что мне сказочно повезло, потому что я готов уже был обсасывать кожу с сидений. Я устроил себе пышный пир... ведь у меня во рту не было ни крошки с самого Кан-

зас-Сити. Проглотив трофеи, я снова уснул.

Не помню, чтобы я включал будильник, но звон разбудил меня перед самым рассветом. Рассвет над пустыней – не менее потрясающее развлечение для туриста, однако, к сожалению, мне пришлось заняться штурманскими обязанностями, и я мало что увидел. Несколько минут я поворачивал свой летающий гроб под прямыми углами к курсу и замерял величину дрейфа и скорость движения по земле, затем прочертил курс до края карты. После подсчетов я пришел к выводу, что, если мои поправки на ветер были правильными, через полчаса я должен увидеть Феникс.

Мне по-прежнему везло. Я перелетел через гряду холмов, и направо открылась зеленая возделанная равнина, а посреди нее Солнечная долина и Феникс.

Приземлился я в сухом овраге, ведущем к каньону Солт-ривер. Приземление вышло неудачным – я сорвал колесо и разбил ротор. Но это меня не очень расстроило: здесь машину с моими (вернее, Ривса) отпечатками пальцев найдут не скоро.

Полчаса спустя, продравшись сквозь заросли огромных кактусов и не менее огромных красных валунов, я выбрался на шоссе, идущее по долине в сторону Феникса, и побрел вперед. Идти было далеко, нога совсем разболелась, но я не хотел рисковать и проситься на попутную машину. Машин встречалось мало, и я успевал каждый раз сойти с дороги и спрятаться. Через час грузовик поймал меня на открытой

местности. Мне ничего не оставалось, как небрежно кивнуть водителю, отступив на обочину. Но тяжелый грузовик мягко затормозил около меня.

– Подвезти, парень?

– Да, спасибо! – сказал я поспешно.

Водитель выкинул лесенку, и я забрался в кабину. Он поглядел на меня.

– Братишка! – сказал он восхищенно. – Это была пума или медведь?

Я совсем забыл, как я выгляжу. Я осмотрел себя и сказал торжественно:

– Оба. И обоих я задушил голыми руками.

– Я верю.

– В самом же деле, – добавил я, – я ехал на моноцикле и слетел с дороги. К счастью, по склону, но я его все-таки разбил.

– На моноцикле? По *этой* дороге? Прямо от самого Глоуба?⁸

– Правда, мне приходилось иногда слезать и подталкивать его в горку. Вот тут-то склон и застал меня врасплох.

Он покачал головой:

– Давай-ка лучше вернемся к пумо-медвежьему варианту. Мне он больше нравится.

Больше он ни о чем меня не спрашивал, и это меня устраивало. Я понял, что версии, придуманные на ходу, ведут к

⁸ Глоуб, штат Аризона, – городок в 100 км от Феникса. – Примеч. С. В. Голд.

неожиданным осложнением. Никогда в жизни я не видел этой дороги и Глоуба.

А еще я никогда в жизни не катался на огромных грузовиках, и мне было страшно интересно. Внутри он напоминал центральный пост армейского наземного крейсера – такая же универсальная гидравлика коробки передач правого и левого борта, управляющие тяги протекторов, почти такая же приборная панель с тахометрами левого и правого моторов, индикатор крутящего момента и тому подобное. Я мог бы управлять этой штукой.

Но вместо этого я выставил себя деревенщиной и попытался его разговорить:

– Впервые в такой большой машинке. Расскажите, как она работает?

Он ухватил наживку и дальше я слушал его вполуха, думая о том, что буду делать в Фениксе. Он показывал, как добавлять газу и рулить, просто двигая двумя переключателями скорости, по одному в каждой руке, затем пояснил, как экономить топливо, не меняя оборотов дизеля, манипулировать мощностью, подаваемой на обе стороны... Я не мешал ему говорить – но сейчас меня интересовали в первую очередь ванна, бритва и смена одежды, иначе мне грозил арест по подозрению в бродяжничестве.

Внезапно я понял, что он задал мне вопрос.

– Думаю, понял, – ответил я. – «Утерберри» передают тягу на подшипники.

– И да и нет, – пояснил он. – Это дизель-электрическая система. «Утерберри» работают как зубчатая передача, хотя в них нет никаких шестерен, – они гидравлические. Улавливаешь?

Я ответил: «Да, наверное» (я мог бы начертить их схему) – и запомнил на будущее, что, если Каббале когда-нибудь срочно понадобятся пилоты наземного крейсера, она очень быстро может обучить этой работе дальнбойщиков.

Когда мы выехали из каньона, дорога пошла под уклон. Миля наматывалась за милей. Наконец мой хозяин съехал с дороги и остановился у придорожного ресторана.

– Все вверх, – сказал он. – Завтрак для нас, дизель для малыша.

– Хорошая идея, – ответил я.

Мы уплели по яичнице с беконом и по большому сладкому аризонскому грейпфруту. Он не позволил мне заплатить за него и даже сам пытался оплатить мой счет. Когда мы вернулись к грузовику, он остановился на лесенке и посмотрел мне в глаза.

– Через три четверти мили полицейский кордон, – тихо сказал он. – Думаю, для кордона они выбрали неплохое место.

Он отвернулся.

– Да... – сказал я. – Полагаю, что мне лучше пройти пешком. После завтрака очень полезны пешие прогулки. Спасибо, что подвезли.

– Не стоит благодарности. Да, кстати, ярдах в двухстах отсюда, если пройтись назад, начинается проселочная дорога. Она ведет на юг, но потом поворачивает на запад, к городу. Лучше гулять по ней – машин меньше.

– Еще раз спасибо.

Я повернул к проселочной дороге, раздумывая, действительно ли мое криминальное прошлое так очевидно первому же встречному. В любом случае, прежде чем я войду в город, мне надо привести себя в порядок. Проселочная дорога вела мимо ферм, и я миновал несколько, прежде чем решил зайти в маленький дом, в котором обитала испано-индейская семья с обычным набором детей и собак. Я решил рискнуть. Многие испанцы в глубине души остались католиками. И возможно, ненавидели блюстителей морали не меньше, чем я.

Сеньора была дома. Это была толстая, добрая, похожая на индианку женщина. Мы не смогли о многом поговорить из-за моего слабого знакомства с испанским языком, но я попросил «агуа» и получил «агуа» – и для того, чтобы напиться, и для того, чтобы вымыться. Сеньора заштопала мне брюки, в то время как я глупо маячил перед ней в трусах и многочисленные дети весело комментировали это событие. Она почистила мою куртку и даже дала мне бритву мужа, чтобы я побрился. Она долго отказывалась взять деньги, но тут я был непреклонен. Я покинул ферму, выглядя почти прилично.

Как и говорил водитель, дорога повернула к городу, и мне

не встретилось ни одного полицейского. Я нашел на окраине магазин и маленькую портняжную мастерскую. Там я подождал, пока мое возвращение к респектабельности не завершилось вполне благополучно. В свежевыглаженном костюме, в новой рубашке и шляпе я мог смело гулять по улицам и благословлять прокторов, глядя им в глаза. В телефонной книге я нашел адрес скинии Саут-Сайд. Карта на стене портняжной мастерской позволила мне добраться до места, не задавая вопросов прохожим. Она оказалась в нескольких минутах ходьбы.

Я поспешил и прибыл в церковь ровно в одиннадцать, к началу службы. Вздыхнув с облегчением, я уселся в заднем ряду и с удовольствием прослушал начало службы, как любил слушать ее еще мальчишкой, до того как узнал, что в самом деле за ней скрывалось. Я наслаждался чувством покоя и безопасности. Несмотря ни на что, я добрался до цели. Я слушал звуки знакомой музыки, которые наполняли мою душу и готовился к исповеди, после которой кое-кому придется поломать голову над моими проблемами.

Сказать по правде, я вскоре заснул, но проснулся вовремя, и вряд ли кто-нибудь заметил мой проступок. Потом я некоторое время слонялся вокруг, пока не дождался удобного момента, чтобы поговорить со священником и поблагодарить его за редкое удовольствие, которое доставила мне его проповедь. Я пожал ему руку и условным образом надавил пальцем на ладонь.

Но он не ответил. Я был так удивлен и ошеломлен, что даже не сразу понял, что он говорит:

– Спасибо, молодой человек. Всегда приятно новому пастору услышать добрые отзывы о своем труде.

Наверное, меня выдавало выражение лица. Он спросил:

– Что-нибудь случилось?

– О нет, ваше преподобие, – пробормотал я. – Я здесь сам впервые. Так вы не преподобный Бэрд?

Я был в панике. Бэрд – единственный мой контакт с братьями за пределами Нового Иерусалима. Если никто меня не спрячет, меня поймают через пару часов.

Я уже начал прокручивать в голове план, как ночью украсть еще один корабль и попытаться ускользнуть от патрулей на мексиканской границе.

Голос священника донесся как бы издалека:

– Боюсь, что нет, сын мой. А ты хотел бы видеть преподобного Бэрда?

– Как вам сказать, сэр. Это не так уж и важно. Он старый друг моего дяди. И дядя просил зайти к нему и передать привет.

Может быть, та добрая индианка спрячет меня до темноты?

– Ну, его увидеть нетрудно. Он здесь, в городе. Я заменяю его, пока он занемог.

Мое сердце совершило кувырок при двенадцати g. Я постарался не выдать волнения.

– Может быть, если он болен, его лучше не беспокоить?

– Нет, напротив. Он сломал ногу – и с удовольствием примет гостя. Сейчас...

Священник задрал сутану, достал из кармана обрывок бумаги, карандаш и написал адрес.

– Отсюда два квартала, и потом поверните налево. Вы не заблудитесь.

Разумеется, я заблудился, но все-таки нашел в конце концов старый дом, увитый плющом, совсем в духе Новой Англии. Дом был окружен большим неухоженным садом, где росли в живописном беспорядке эвкалипты, пальмы, кусты и цветы. Я нажал сигнал и услышал свист допотопного сканера, в динамике что-то скрипнуло, и голос спросил:

– Да?

– Посетитель к преподобному Бэрду, будьте любезны уделить мне время.

Последовало короткое молчание, пока он рассматривал меня, потом тот же голос сказал:

– Вам придется самому войти. Моя служанка ушла на рынок. Пройдите через дом и найдете меня в саду.

Дверь щелкнула и открылась. Я шагнул за порог, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, затем прошел по центральному коридору и вышел через заднюю дверь в сад. На качалке, положив забинтованную ногу на подушку, полулежал старик. Он опустил книгу, которую читал, и поглядел на меня поверх очков:

– Что нужно тебе, сын мой?

– Мне нужен свет.

Через час я запивал свой последний энчиладас⁹ свежим холодным молоком. К тому времени как я добрался до вазы с мускатным виноградом, отец Бэрд закончил меня инструктировать.

– Итак, ничего не предпринимайте до темноты. Есть вопросы?

– Нет, сэр. Санчес вывезет меня из города и доставит в место, откуда братья проводят меня в Главный штаб. Все довольно просто.

– Да, это будет просто. Но вряд ли комфортно.

Я покинул Феникс в двойном дне маленького фургона зеленщика. Меня упаковали, как груз, нос мой упирался в доски днища. Мы остановились у полицейского кордона на краю города. Я слышал отрывистые приказы полицейских и эмоциональный ответ Санчеса на испанском. Кто-то рылся у меня над головой, и в щели ложного дна проникал свет.

Наконец тот же отрывистый голос сказал:

– В порядке, Эзра. Это работник отца Бэрда. Каждый вечер ездит к нему на ферму.

– Так чего ж он сразу не сказал?

⁹ *Энчиладас* – национальное мексиканское блюдо: обжаренная в печи тонкая лепешка из кукурузной муки с начинкой из мяса или овощей. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Когда он волнуется, забывает английский. Хорошо, езжай дальше, chico¹⁰. Vaya usted con Dios¹¹.

– Gracias, señores. Buenas noches¹².

На ферме отца Бэрда меня посадили в вертолет, на этот раз новый, бесшумный и хорошо оборудованный. Его пилотировал экипаж из двух человек, которые пожали мне руку, велели садиться в пассажирском салоне и оставаться там. Больше я не слышал от них ни слова. Мы сразу взлетели.

Иллюминаторы в салоне были закрыты. Не знаю ни в каком направлении мы летели, ни насколько далеко. Поездка была не из комфортных, потому что пилот, похоже, решил собрать по дороге все полевые ромашки. Разумная предосторожность, если не хочешь, чтобы тебя засек радар, но я молился, что он знает, что делает, – сам я не решился бы сбривать вершины холмов даже при свете дня. Должно быть, он напугал кучу койотов по дороге, – во всяком случае, меня он напугал изрядно.

Я с облегчением слышал зуммер приводного луча. Мы скользнули вдоль него, зависли и мягко ткнулись в грунт. Выйдя из машины, я уперся взглядом в дуло бластера, установленного на треноге. За ним стояли два настороженных неуклюжих человека.

Но пилоты сказали пароль, оба охранника задали мне по-

¹⁰ Малыш (исп.). – Примеч. С. В. Голд.

¹¹ Поезжай с Богом (исп.). – Примеч. С. В. Голд.

¹² Спасибо, сеньоры. Доброй ночи (исп.). – Примеч. С. В. Голд.

ложенные вопросы, и мы обменялись тайными знаками. Мне показалось, что они были немного разочарованы тем, что я оказался своим и они не смогли отличиться, они явно пылали энтузиазмом. Удовлетворившись нашими ответами, они завязали мне глаза и повели. Мы миновали дверь, прошли еще ярдов пятьдесят и забрались в какое-то тесное помещение. Пол ушел из-под ног.

Мой желудок рванулся вверх, я выругался про себя – они могли предупредить, что мы в лифте, но я держал рот на замке. Покинув лифт, мы перешли на какую-то платформу, и мне велели сесть и держаться крепче. Платформа рванула вперед с громадной скоростью. Я чувствовал себя как на американских горках – не самые приятные ощущения, когда ты с завязанными глазами. Теперь я был по-настоящему напуган и начал думать, что издевательство было преднамеренным, потому что они и не подумали предупредить меня.

Потом мы еще раз опустились на лифте, прошли несколько сот шагов, и с меня сняли повязку. И тут я впервые увидел Главный штаб.

Я не ожидал увидеть ничего подобного и потому громко ахнул. Один из стражей чуть усмехнулся.

– Все вы так, – сказал он скучным голосом.

Это была известняковая пещера, настолько большая, что, казалось, ты не в подземелье, а на открытом воздухе. Своей великолепной пышной архитектурой она заставляла вспомнить сказки, дворец короля гномов. После череды спусков,

которые мы проделали, я знал, что мы глубоко под землей, но не ожидал увидеть ничего подобного.

Я помню фотографии Карлсбадских пещер до землетрясения девяносто шестого года, которое их уничтожило. Главный штаб напомнил их, хотя, конечно, Карлсбадские пещеры уступали штабу и в размерах, и в роскоши. С первого взгляда я даже не смог оценить истинных масштабов пещеры: не было привычных наземных ориентиров. На расстояниях больше пятидесяти футов наш встроенный бинокулярный дальномер становится бесполезен, и нам нужно что-то, что могло бы дать ему масштаб, — дом, человек, дерево, да хотя бы просто горизонт. Но в естественной пещере нет ничего обычного, знакомого — и человеческий глаз не способен оценить ее размеры.

Поэтому в первый момент я понял только, что пещера, в которой я оказался, была большой, но я не знал насколько. Мой мозг уменьшил ее размеры, чтобы не тревожить моих предубеждений. Мы стояли возле стены пещеры несколько выше ее основания, и все пространство было залито мягким ровным светом. Я чуть не вывернул шею, вертя головой, потом посмотрел вниз и увидел на некотором расстоянии от нас игрушечную деревню. Домики были высотой в фут.

Потом я заметил, как маленькие человечки ходят между зданиями, и тут же все стало на свои места, приобрело истинные размеры. Игрушечная деревня находилась по крайней мере в четверти мили от нас, а вся пещера была не ме-

нее мили длиной и несколько сот футов от пола до потолка. И вместо страха замкнутого пространства, который люди обычно испытывают в пещерах, я внезапно был охвачен страхом перед огромным открытым пространством – агорафобией. Мне даже захотелось, словно перепуганной мышке, прижаться к стене.

Страж тронул меня за рукав:

– У вас будет достаточно времени оглядеться. Пойдемте.

Они повели меня по тропинке, которая вилась меж сталагмитами размером от детского мизинца до египетской пирамиды, между озерцами черной воды с растущими в них гипсовыми лилиями, мимо влажных куполов, которые были стары, когда человека еще не было на земле, под кремовыми полупрозрачными занавесами из оникса и острыми красно-розовыми и темно-зелеными гроздьями сталактитов. Моя способность удивляться была явно перенасыщена, и вскоре я перестал реагировать на окружающее.

Наконец мы вышли на ровную долину, покрытую пометом летучих мышей, и быстро добрались до поселения. Строения в нем не были строениями в принятом смысле этого слова – они оказались просто системами перегородок из пористого пластика, который используется для звукоизоляции. Большинство зданий стояло без крыш. Мы остановились перед самым большим. Вывеска над дверью гласила: «АДМИНИСТРАЦИЯ».

Мы вошли внутрь, и меня провели в отдел кадров. Вид

комнаты вызвал во мне сентиментальные чувства, настолько она была знакомая, военная, продуманная и скучная. Здесь даже оказался пожилой клерк, который поминутно сморкался. Такие клерки – неизбежная принадлежность этих комнат со времен Цезаря. Табличка на его столе говорила, что он – младший лейтенант Р. И. Джайлс, и он, судя по всему, вернулся в отдел, отработав уже положенные часы, специально для того, чтобы зарегистрировать меня.

– Рад встретиться с вами, мистер Лайл, – сказал он, пожимая мне руку и обмениваясь знаками Ложи.

Потом он почесал нос и чихнул.

– Вы прибыли на неделю раньше, чем мы ожидали, и предназначенное вам помещение еще не готово. Вы не будете возражать, если мы устроим вас на сегодняшнюю ночь в спальном мешке в приемной, а утром что-нибудь подыщем?

Я ответил, что меня это полностью устраивает, и он, похоже, вздохнул с облегчением.

Честно говоря, в глубине души я ожидал, что меня встретят как великого героя, и представлял себе, как мои новые товарищи будут, открыв рты, ловить каждое слово в моем скромном рассказе о приключениях и чудесных побегах и благодарить Великого Архитектора за то, что мне удалось доставить мое чрезвычайно важное послание.

Я ошибался. Начальник отдела кадров вызвал меня к себе на следующий день, не успел я закончить завтрак, но я его даже не увидел: принял меня старый знакомый мистер Джайлс. Я был несколько раздражен, поэтому прервал его и сухо спросил, когда я смогу явиться на официальный доклад к командующему.

Он чихнул и сказал:

– О да. Разумеется, мистер Лайл, я совсем забыл сказать, что командующий поздравляет вас с прибытием и просит вас считать, что визит вежливости был уже нанесен не только ему, но и начальникам отделов. Мы сейчас все очень заняты, и он просил передать, что пригласит вас к себе специально в первую же свободную минуту.

Я отлично понимал, что генерал не посылал мне никакого такого послания и что клерк просто следует установившемуся порядку. Лучше мне от этого не стало.

Ничего не поделаешь. Я уже приступал к службе. К по-

лудню я был официально зарегистрирован и поставлен на довольствие. Меня осмотрел врач, послушал сердце и взял анализы. Потом у меня появился шанс рассказать о своих похождениях – к сожалению, только магнитофону. Люди из плоти и крови получили сообщение, которое я нес, но мне от этого не было никакого удовольствия – я снова находился под гипнозом, как и в тот момент, когда в меня заложили это послание.

Это было уже слишком. Я спросил психотехника, который надо мной трудился, что за послание принес я в Главный штаб. Он ответил коротко:

– Нам запрещено сообщать курьерам содержания посланий.

Его тон указывал, что вопрос мой был крайне неуместен.

Тут я немножко вышел из себя. Не знаю, был ли он старше меня по званию (знаков различия на нем не было), но мне было плевать.

– Ради всего святого! Это что получается, братья мне *не доверяют*? Я тут рискую головой...

Он прервал меня и заговорил мягче, чем раньше:

– Нет-нет. Дело вовсе не в том. Это делается для вашей безопасности.

– Как так?

– Такова доктрина. Чем меньше вы знаете того, что знать не обязательно, тем меньше вы сможете рассказать, если когда-нибудь попадетесь, – так безопаснее и для вас, и для всех

нас. Например, знаете ли вы, где сейчас находитесь? Могли бы указать это место на карте?

– Нет.

– Я тоже. Мне никто не рассказывал об этом, потому что это знание мне в данный момент не необходимо. Однако, – продолжал он, – я думаю, что вам можно сказать в общих чертах, что вы несли в себе обычные сводки и доклады, подтверждающие те данные, что мы получили другими путями. Раз уж вы все равно ехали к нам, то они нагрузили вас всякой всячиной. Я с вас три пленки списал.

– Обычные сводки? А Мастер Ложи сказал мне, что я несу послание особой важности. Старое жирное трепло!

Техник улыбнулся:

– Боюсь, он просто вас слегка простимулировал... О!

– Что такое?

– Я понял, что он имел в виду. Вы действительно несли одно жизненно важное послание – важное для вас. Вы несли в себе гипнотически закодированное собственное удостоверение личности. Если бы его не было, вам бы не позволили проснуться после сеанса.

Мне нечего было на это сказать, и я молча ушел.

Мои путешествия по врачам, психотехникам, квартирмейстерам и так далее позволили мне ощутить масштабы этого места. «Игрушечная деревня» была всего лишь административным центром. Электростанция, компактный атомный реактор, находилась в другом зале, ее отделяли от нас

десятки метров скалы, которые служили дополнительной защитой. Женатые пары устраивались, где им было удобнее. Примерно треть живущих там составляли женщины, и они чаще предпочитали строить свои дома (или, скорее, загончики) подальше от центра. Арсенал и склад боеприпасов находились в боковом туннеле, на безопасной дистанции от офисов и жилых помещений.

Пресной воды было достаточно, хотя она была довольно жесткая, а туннели, в которых бежали подземные ручьи, похоже, обеспечивали вентиляцию, – во всяком случае, воздух всегда оставался свежим. Температура была постоянно около двадцати градусов, а относительная влажность тридцать два процента, зимой и летом, днем и ночью.

К обеду я уже числился в штате, а сразу после обеда трудился на временной работе в арсенале, ремонтировал и настраивал бластеры, пистолеты, автоматы и штурмовые винтовки. Я мог бы и оскорбиться, потому что обычно это работа сержантов, но я понимал, что тут никто не заботится о протоколе (например, каждый сам мыл за собой посуду после еды). Да и разве плохо сидеть на скамейке в арсенале, в тепле и покое, и снова возиться с шомполами, выколоткой и отверткой – полезная привычная работа.

В тот же день перед ужином я вошел в офицерскую гостиную, огляделся в поисках свободного стула и вдруг услышал за спиной знакомый баритон:

– Джонни! Джон Лайл!

Я обернулся и увидел бегущего ко мне Зебадию Джонса, старого доброго Зеба собственной персоной, весьма некрасивое лицо которого украшала улыбка до ушей.

Мы долго хлопали друг друга по спине и плечам и ругались последними словами.

– Когда ты сюда попал? – спросил я наконец.

– Недели две назад.

– Как так? Ты же был еще в Новом Иерусалиме, когда я уезжал? Как ты это провернул?

– Проще простого. Меня перевезли в виде трупа, в глубоком трансе. Запаковали в гроб и написали: «Заразно».

Я рассказал ему о своем путешествии, и мой рассказ явно произвел впечатление на Зеба, что очень поддержало мой дух. Затем я спросил, что он здесь делает.

– Я в бюро психологии пропаганды, – сказал он. – У полковника Новака. Сейчас, например, пишу серию в высшей степени уважительных статей о частной жизни Пророка, его священников и аколитов, о том, сколько у них слуг, сколько стоит содержать Дворец, сколько стоят церемонии, ритуалы и прочая ерунда. Все это, разумеется, абсолютная правда, и подается с безоговорочным одобрением. Но я слегка сгущаю краски и делаю акцент на описании драгоценностей и золотых украшений, на том, сколько это все стоит, и постоянно повторяю неотесанной деревенщине, какое счастье им привалило оплачивать подобную мишуру и что они должны гордиться тем, что наместник Бога на земле позволяет им забо-

титься о нем.

– Не понимаю я тебя, Зеб, – сказал я, нахмурившись. – Ведь люди любят глядеть на эти побрякушки. Вспомни, как туристы в Новом Иерусалиме бьются за билеты на Храмовый праздник.

– Правильно. Но мы не собираемся распространять мои творения среди сытых туристов в Новом Иерусалиме, мы отдадим их в маленькие местные газеты в бедных фермерских общинах долины Миссисипи, Юга и в глубинке Новой Англии – мы распространим их среди самых бедных и самых пуританских слоев населения, среди людей, которые твердо убеждены, что бедность и добродетель – синонимы. Эти статьи слегка подействуют им на нервы. Пусть они начнут сомневаться.

– Вы серьезно думаете, что можно поднять восстание такой чепухой?

– Это не чепуха, потому что она воздействует непосредственно на эмоции, минуя логику. Ты быстрее сдвинешь с места тысячу человек, апеллируя к их предрассудкам, чем убедишь одного с помощью логики. И эти предрассудки даже могут не иметь отношения к по-настоящему важным вещам. Джонни, ты же умеешь использовать индексы коннотации?

– Ну... И да и нет. Я знаю, что они существуют, что они должны измерять эмоциональный отклик на слова.

– Примерно так все и есть. Но индекс слова – не фиксиро-

ванное значение, в футе всегда ровно двенадцать дюймов, а это сложная переменная функция в зависимости от контекста, возраста, пола и рода занятий слушателя, региона и десятка других вещей. Индекс – это конкретное значение переменной, которое показывает нам, будет ли конкретное слово, сказанное определенным образом, воздействовать на конкретного слушателя (или читателя) положительно, отрицательно или оставит его равнодушным. При условии правильного учета всех факторов адресной группы индекс может быть таким же математически точным показателем, как какой-нибудь технический параметр. У нас никогда нет полного набора данных, которые нужны для решения этой формулы, поэтому оперирование индексами остается искусством – но очень точным искусством, особенно потому что мы используем «обратную связь» через выборку на местах. Каждая статья, которую я пишу, раздражает читателя немного больше, чем предыдущая, – и он даже не знает почему.

– Звучит красиво, но я не совсем понимаю, как это делается.

– Я приведу простой пример. Что бы ты предпочел: хороший, толстый, сочный стейк из нежного мяса – или кусок мышечной ткани из трупа незрелого кастрированного быка?

Я только улыбнулся в ответ:

– Ты меня не собьешь. Ты можешь называть его как угодно, но я все равно его сожру, если он не пережарен. Кстати, неплохо было бы сейчас пожевать что-нибудь. Я проголодался.

ся.

– Ты *думаешь*, что мои слова тебя не задели, потому что ты был готов к ним. Но как долго протянет ресторан, если запустит рекламу с такой терминологией? Возьмем другой простой пример: англосаксонские односложные слова, которые озорные мальчишки пишут на заборах. Ты не можешь произнести их в приличном обществе, никого не оскорбив, но для каждого из них есть разные околичности и синонимы, которые употребимы в любой компании.

Я кивнул в знак согласия:

– Полагаю, так и есть. Конечно же, я вижу, как это может сработать на других людях. Но лично у меня, должно быть, иммунитет от подобных вещей. Эти запретные слова ничего для меня не значат – за исключением того, что я должен быть с ними осторожен, чтобы кого-нибудь не обидеть. Я образованный человек, Зеб. «Палки и камни ломают руки...» и так далее¹³. Но я понимаю, как это может сработать на людях невежественных.

Мне следовало помнить, что в присутствии Зеба не стоит расслабляться. Одному Богу известно, сколько раз он меня подлавливал. Он спокойно улыбнулся, глядя мне в глаза, и сделал короткое заявление с участием некоторых из упомянутых запретных слов.

¹³ Начало поговорки «sticks and stones may break my bones but words will never hurt me» – «Палки и камни ломают руки, а слова – это просто звуки». – *Примеч. С. В. Голд*.

– Не смей говорить это о моей маме!

И я прокричал это, и я вскочил со стула, и я готов был броситься на него, как злобный цепной пес. Должно быть, Зеб точно просчитал мою реакцию и заранее сместил свой вес перед тем, как сказал эти слова, потому что мой кулак, вместо того чтобы раздробить его подбородок, внезапно оказался перехвачен за запястье, а вторая его рука зажала меня в клинч, поэтому бой прервался, не успев начаться.

– Полегче, Джонни, – выдохнул он мне в ухо. – Прими мои извинения. Смиренно прошу у тебя прощения. Поверь, я не собирался тебя оскорблять...

– Ну да, как же!

– Потому и говорю: «смиренно». Ты простишь меня?

Когда я немного успокоился, то понял, что скандал не остался незамеченным. Хотя мы выбрали для разговора тихий уголок, в гостиной уже был десяток-другой человек, ожидающих ужин. Я осознал, что в помещении стоит мертвая тишина, и буквально слышал, как в головах людей крутится вопрос: вмешиваться в драку или нет? Я снова ударился в краску, но уже не от гнева, а от смущения.

– Хорошо, – сказал я. – Отпусти меня.

Он разжал руки, и мы снова сели. Я все еще был сердит и отнюдь не собирался так просто спускать Зебу непростибельное нарушение правил приличия, но кризис уже миновал. Зебадия тихо сказал:

– Джонни, поверь, я не намеревался оскорбить ни тебя, ни

кого-либо из членов твоей семьи. Это была всего лишь научная демонстрация динамики коннотационных индексов, и более ничего.

– На мой взгляд, совершенно не обязательно было делать это настолько личным.

– Но мне пришлось это сделать! Мы говорили о психодинамике эмоций, а эмоции – это очень личные, субъективные вещи, которые необходимо пережить, чтобы понять. Ты был уверен, что, как образованный человек, невосприимчив к подобной форме нападения, – поэтому я провел лабораторный тест, чтобы показать тебе, что от нее никто не застрахован. Итак, что я тебе сказал?

– Ты сказал... не важно. Ладно, это был тест, но я не хочу это повторять. Ты высказал свое мнение, мне это не нравится, и точка.

– Но что я все-таки сказал? На самом деле все, что я сказал, – это то, что ты был законным потомком, родившимся в законном браке. Правильно? Что в этом оскорбительного?

– Но... – Я остановился и пробежал в уме дикие оскорбительные и унижительные вещи, которые он произнес, – и, знаете, они действительно складывались именно в то, что он сказал. Я беспомощно улыбнулся. – Но ты об этом *так* сказал!..

– Именно, именно! Если говорить технически, я выбрал термины с высокими отрицательными показателями для данной ситуации и данного слушателя. Именно так мы и го-

товим нашу пропаганду, за исключением того, что ее эмоциональные показатели количественно меньше, чтобы избежать подозрений и не попасть под цензуру, – медленно действующий яд, а не резкий удар в живот. Мы пишем только о Пророке, восхваляя его до небес. Поэтому раздражение, возникшее у читателя, направляется на него. Наша методика воздействует, минуя осознанные мысли читателя, на его табу и фетиши, которые заполняют его подсознание.

Я вспомнил свой собственный внезапный, необоснованный гнев и с неохотой признал:

– Ладно, убедил. Похоже, это очень серьезная наука.

– Именно так, парень, именно так. Есть магия в словах, черная магия – если знаешь, как ее вызвать.

После ужина мы с Зебом отправились в его комнатку и продолжили болтать о том о сем. Мне было спокойно и уютно, и я был очень, очень доволен жизнью. В тот момент меня мало волновало, что мы с ним участвуем в революционном заговоре, который имеет мало шансов на успех и который, вернее всего, закончится тем, что мы или погибнем вскоре в бою, или будем сожжены как отступники. Старый добрый Зеб! Что с того, что он снова обманул и ударил меня по больному? Он был моей семьей – всем, что у меня еще осталось. И сейчас я себя чувствовал как в детстве, когда мать сажала меня на стул в кухне и кормила печеньем с молоком.

Мы болтали о том о сем, и постепенно я многое узнал о нашей организации; в частности, обнаружил – и был этим

весьма удивлен, — что не все наши товарищи были братьями. Я имею в виду братьев по Ложе.

— Разве это не опасно? — спросил я.

— А чего ты, старина, ожидал? Некоторые из самых ценных наших товарищей не могут по религиозным соображениям присоединиться к Ложе. Но нам никто не давал монополии на ненависть к тирании и на любовь к свободе. В нашей борьбе нам нужна поддержка как можно большего числа людей. Любой идущий с нами по одной дороге — наш попутчик и товарищ. Любой.

Я обдумал это. Идея звучала логично, хотя чем-то она мне не понравилась. И я решил смириться с действительностью.

— Наверное, ты прав. Можно допустить, что, когда дело дойдет до сражений, мы используем даже париев, хотя, конечно же, их нельзя принимать в братство.

Зеб уставился на меня уже знакомым мне взглядом:

— Ради бога, Джон! Когда же наконец ты вырастешь из своих пеленок?

— А что?

— Неужели тебе до сих пор не пришло в голову, что самое существование париев является частью пропагандистского трюка тирании, которая всегда ищет козла отпущения?

— Но какое это имеет отношение?..

— Заткнись! И слушай старших! Отберите у людей секс, запретите его, объявите греховным, ограничьте его ритуалом размножения. Затолкайте человеческие инстинкты вглубь,

превратите их в подспудное стремление к садизму. А потом дайте народу козла отпущения, пусть они его ненавидят и время от времени убивают, чтобы дать выход эмоциям. Это очень старый механизм. Он отработан тиранами за многие столетия до того, как было придумано слово «психология». И этот механизм по-прежнему эффективен. Не веришь – погляди на себя.

– Ты меня не так понял, Зеб! Я ничего не имею против париев.

– Вот и молодец! Продолжай в том же духе. Тем более что у тебя есть все шансы встретиться с ними в Высшем совете Ложи. Кстати, забудь это слово – «пария». В нем заключается, как мы говорим, высокий негативный индекс.

Он замолчал. Молчал и я. Мне нужно было время, чтобы разобраться в собственных мыслях. Поймите меня правильно: легко быть свободным, когда тебя воспитали свободным. А если ты воспитан рабом? Тигр, возвращенный в зверинце, убежав, вновь возвращается в покой и безопасность клетки. А если клетку убрать, говорят, он будет ходить вдоль несуществующей решетки, не смея перейти невидимую линию, отделяющую его от свободы. Подозреваю, что я был таким тигром и не мог перейти границу.

Мозг человека невероятно сложен. В нем есть отделения, о которых сам его владелец не подозревает. Мне казалось, что я уже устроил в собственном мозгу уборку и выкинул оттуда все грязные суеверия, которые во мне воспитали. Но

оказывается, моя «уборка» была не более как заметанием со-
ра под коврик. Настоящая же уборка завершится не раньше
чем через годы. Только тогда чистый воздух заполнит все
комнаты моего разума.

Хорошо, сказал я себе, если я встречу одного из этих
пар... нет, одного из этих *товарищей*, я обменяюсь с ним
знаками и буду с ним вежлив до тех пор, пока он сам будет
вежлив со мной!

И в тот момент я не чувствовал ханжества в таком мыс-
ленном условии.

Зеб лежал на койке и курил, предоставив мне возмож-
ность все обдумать. Я знал и раньше, что он курит, и он
знал, что я не одобряю этой греховной привычки. Но это был
незначительный грех, и мне даже в голову не приходило до-
нести на Зеба, когда мы жили с ним в казармах Дворца. Я
даже знал, что его обеспечивал контрабандными сигаретами
один из сержантов.

– А кто тебе здесь достает сигареты? – спросил я, желая
сменить тему.

– Зачем просить других, когда можно купить их в лавке?

Он покрутил в пальцах эту отвратительную штуку, осмо-
трел ее и сказал:

– Эти мексиканские сигареты крепче тех, к которым я
привык. Я подозреваю, что в них кладут настоящий табак
вместо мусора, к которому я привык. Хочешь закурить?

– Что? Нет уж, спасибо!

Он криво усмехнулся:

– Давай прочти мне обычную лекцию. Тебе самому станет легче.

– Послушай, Зеб, я тебя не критикую. Может быть, я и здесь заблуждался.

– Ну уж нет. Это гадкая, грязная привычка, которая разрушает мне зубы, портит дыхание и в конце концов доконает меня раком легких. – Он глубоко затянулся, выпустил клуб дыма и был, по-видимому, очень доволен жизнью. – Но так уж вышло, что мне *нравятся* гадкие грязные привычки. – Он снова затянулся. – Но это не грех, и мое наказание за него приходит здесь и сейчас: мерзкое ощущение во рту каждое утро... И Великий Архитектор не отправит меня за это в Шеол. Усек, старина? Он даже не смотрит на нас.

– Не богохульствуй.

– А я и не богохульствую.

– Да? Ты нападаешь на одно из самых фундаментальных – возможно, единственное фундаментальное положение религии: Господь всегда следит за нами!

– *Кто тебе сказал?*

На секунду я лишился дара речи.

– Это же не требует... это аксиома. Это...

– Я повторяю вопрос: *кто тебе сказал об этом?* Допустим, я заберу назад все, что сказал. Всемогуший видит, что я курю. Допустим, это смертный грех, и я буду гореть за него вечно. Возможно. Но *кто это тебе сказал?* Джонни, ты уже

пришел к тому, что Пророка стоит свергнуть и повесить на высоком-высоком дереве. Но ты все еще готов отстаивать свои религиозные убеждения и опираешься на них, чтобы оценивать мое поведение. Поэтому я еще раз спрашиваю: кто тебе сказал? На каком холме ты стоял, когда молния сошла с небес и просветила тебя? Какой архангел принес тебе эту весть?

Я не нашелся что ответить. Я не мог сразу. Когда слова пришли, я проговорил их, чувствуя холод и пустоту внутри себя:

– Зеб... Я, кажется, наконец-то понял тебя. Ты – атеист. Верно?

Зеб угрюмо посмотрел на меня.

– Не называй меня атеистом, – сказал он медленно, – если только ты не ищешь неприятностей.

– Значит, ты не один из них? – Я почувствовал волну облегчения, хотя по-прежнему его не понимал.

– Нет, я – нет, – сказал он. – И я думаю, что это не твое дело. Моя религиозная вера – это личное дело между мной и моим Богом. О моих внутренних убеждениях тебе придется судить по моим поступкам. Потому что я не давал тебе права расспрашивать о них. Я отказываюсь их объяснять и оправдывать – перед тобой... Да перед кем угодно... перед Мастером Ложи... или Великим Инквизитором, если до этого дойдет.

– Но ты веришь в Бога?

– Я тебе уже говорил, разве нет? Повторю еще раз: я не давал тебе права спрашивать об этом.

– Значит, ты должен верить в другие вещи?

– Ну разумеется! Я верю, что человек обязан быть милосерден к слабым... Терпеливым с глупыми... щедрым с бедными. Я верю, что он обязан отдать жизнь за братьев, если от него это потребуется. Но я не предлагаю ничего из этого доказывать. Эти вещи недоказуемы. И я не требую, чтобы ты верил в то же, во что и я.

Я выдохнул:

– Мне этого достаточно, Зеб.

Но вместо того, чтобы обрадоваться, он раздраженно ответил:

– Это очень мило с твоей стороны, брат, очень мило с твоей стороны! Прости, я, наверное, не должен быть саркастичным? Но я не собирался просить вашего одобрения. Вы подтолкнули меня – случайно, я уверен, – к обсуждению вопросов, которые я не намерен обсуждать. – Он сделал паузу, чтобы зажечь еще одну из своих вонючих сигарет, и продолжил более спокойным тоном: – Джон, я полагаю, что я, в каком-то собственном извращенном смысле, довольно ограниченный человек. Я очень сильно верю в свободу религии – но я считаю, что свобода лучше всего выражается в праве хранить молчание. С моей точки зрения, открытое проявление благочестия слишком часто является проявлением непомерной гордыни.

– Что?!

– Не всегда, разумеется. Я встречался с добрыми, скромными и набожными людьми. Но что насчет человека, который утверждает, что знает помыслы Великого Архитектора? Человека, который утверждает, что был причастен к Его тайным планам? Я вижу в этом кощунственное тщеславие худшего сорта – этот тип, вероятно, никогда не был ближе к Его чертежной доске, чем ты или я. Но ему приятно чувствовать, что он поддерживает дружеские отношения со Всемогущим, это лелеет его эго и позволяет ему устанавливать законы для тебя и меня. Тьфу! Тупица с громким голосом и ай-кью около девяноста, шерсть на ушах, грязное белье и масса амбиций. Он слишком ленив, чтобы работать на ферме, слишком глуп, чтобы стать инженером, слишком ненадежен, чтобы быть банкиром, – но, брат мой, он умеет молиться! Через некоторое время он собирает вокруг себя других придурков, у которых нет такого живого воображения и самоуверенности, но которым нравится идея прямой линии к Всемогущему. И вот этот... персонаж уже не Неемия Скаддер, а Первый Пророк.

Я слушал его слова и испытывал легкий шок, но и удовольствие тоже – до тех пор, пока он не назвал имя Первого Пророка. Возможно, в то время в духовном плане я ничем не отличался от любого «примитивного» последователя Первого Пророка. То есть я уже решил, что Воплощение Пророка был самым дьяволом и все его дела были нечисты, но это ре-

шение никак не повлияло на основы веры, которые я узнал от своей матери. Дело было, по моему разумению, в том, чтобы очистить и реформировать Церковь, но не разрушать ее. Я упоминаю об этом здесь, потому что мой персональный случай был связан с одной очень серьезной военной проблемой, которая возникла позднее.

– Что-то не так? – спросил Зеб, разглядывая с интересом мое лицо. – Я опять тебя чем-то обидел? Я не хотел этого.

– Нисколько, – ответил я тихо и принялся объяснять ему, что греховность нынешней банды дьяволов, захвативших Церковь, никоим образом не умаляет истинной веры. – В конце концов, что бы ты ни думал и как бы ни хотел продемонстрировать свой цинизм, доктрина – это вопрос логической необходимости. Воплощенный Пророк и его клеветы могут ее извратить, но не могут уничтожить – и совершенно не важно, носил ли настоящий Пророк грязное белье или нет, это ничего не меняет.

Зеб вздохнул, будто устал от нашего разговора:

– Повторяю, Джонни, что совсем не собираюсь спорить с тобой о религии. По натуре я не агрессор, ты же знаешь, – вспомни, что даже в Каббалу меня пришлось тащить чуть ли не силой... – Он помолчал. – Так ты говоришь, что доктрина – это вопрос логики?

– Конечно, ты сам объяснял мне логику, это завершенное логическое построение.

– Так и есть. Хорошо, Джонни, дело в том, что фигура Бо-

га в качестве авторитета очень удобна. Ты можешь с ее помощью доказать все, что тебе хочется. Ты просто выбираешь из имеющихся постулатов подходящие, а потом твердишь, что они «священные», – и никто не сможет доказать, что ты не прав.

– Ты хочешь сказать, что Первый Пророк *не был* назначен свыше?

– Я ничего не хочу сказать. К твоему сведению, это *я* – Первый Пророк, вернувшийся, чтобы изгнать святотатцев из Храма моего...

– Не смей... – начал я, но тут раздался стук в дверь. Я осекся, и Зеб сказал: «Войдите!»

Вошла сестра Магдалина.

Она кивнула Зебу, улыбнулась, глядя на мою глупую физиономию, и сказала:

– Привет, Джон Лайл. Добро пожаловать.

Я впервые увидел ее без сутаны и капюшона. Она оказалась удивительно хорошенькой и намного моложе, чем я думал.

– Сестра Магдалина!

– Нет. Сержант Эндрюс. Для друзей – Мэгги.

– Но что случилось? Почему вы здесь?

– Сейчас потому, что узнала за ужином о вашем приезде. Не найдя вас нигде, я решила искать у Зеба. А вообще-то, я не могла вернуться во Дворец – как ты или Зеб, – но наше убежище в Новом Иерусалиме было переполнено, и меня

перевели сюда.

– Очень приятно видеть вас здесь!

– И мне тоже, Джон.

Она потрепала меня по щеке и снова улыбнулась. Потом забралась на кровать Зеба и уселась в позе портного, обнажив в процессе довольно нескромный процент своих конечностей. Зеб зажег еще одну сигарету и протянул ей. Она взяла ее, затянулась и выпустила дым так естественно, будто курила всю жизнь.

Никогда я не видел, чтобы женщина курила. Никогда. Я понимал, что Зеб следит за мной, и тщательно делал вид, что меня это совсем не шокирует. Вместо того чтобы продолжать спор, я улыбнулся и сказал:

– Как здорово, что мы снова все встретились! Вот если бы еще...

– Понимаю, – согласилась Мэгги, – если бы Юдифь была с нами. Вы не получили от нее писем?

– Письма? Разве это возможно?

– Ах да, правильно: вам нельзя. Пока еще нельзя. Но вы можете написать ей сейчас.

– Что?! Как!

– Я не помню номера почтового ящика, но вы оставьте письмо у меня на столе – я в отделе «Джи-два»¹⁴, только не запечатывайте. Вся личная переписка подлежит цензуре и

¹⁴ Кодом «G-2» в Армии США обозначается отдел военной разведки. – *Примеч. С. В. Голд.*

правке. Я сама написала ей на прошлой неделе, но еще не получила ответа.

Я подумал, что надо извиниться и убежать писать письмо, но не сделал этого. Уж очень было в самом деле приятно сидеть с ними обоими, и мне не хотелось, чтобы этот вечер кончался. Я решил, что напишу перед сном, и тут же, к собственному удивлению, подумал, что не удосужился вспомнить о Юдифи с самого... самого Денвера, по крайней мере.

Но я не написал письма в тот вечер. Было уже больше одиннадцати, и Мэгги сказала, что завтра рано вставать, когда вошел ординарец.

– Командующий просит легата Лайла немедленно прийти к нему.

Я быстро причесался гребешком Зеба и поспешил к генералу, жалея, что одет не в форму, а в гражданский костюм не первой свежести.

В святая святых было пусто и темно – только горела лампочка в далекой приемной, и даже мистер Джайлс отсутствовал в этот поздний час. Я нашел дверь в кабинет, постучал, вошел и, щелкнув каблуками, сказал:

– Легат Лайл прибыл по вашему приказанию, сэр.

Пожилой человек, сидевший спиной ко мне за столом, обернулся, и у меня дух перехватило от удивления.

– А, Джон Лайл, – сказал он, встал из-за стола и подошел ко мне, протягивая руку. – Давно не виделись, не так ли?

Это был полковник Хаксли, заведующий кафедрой при-

кладных чудес в Вест-Пойнте и единственный мой друг среди офицеров. Не раз по воскресеньям я отсиживался у него дома, отдыхая от гнета мертвой дисциплины.

– Полковник... – Я пожал ему руку. – Я хотел сказать, генерал, сэр. Я думал, что вы умерли.

– Мертвый полковник становится живым генералом. Неплохо звучит. Нет, Лайл, я только считаюсь мертвым. На самом деле я ушел в подполье. Они всегда так объявляют, если пропал офицер. Так лучше для общественного мнения. Ты тоже мертв, разве не знаешь?

– Нет, не знаю, сэр. Впрочем, это не играет роли. Как хорошо, что вы с нами, сэр!

– Хорошо.

– А как вы... я хочу сказать, вы здесь... – Я смущенно замолчал.

– Как я попал сюда и стал большим начальником? Я состою в братстве с твоего возраста, Лайл. Но я не переходил на нелегальное положение, пока мне не пришлось это сделать, – никто из нас не скрывается в подполье по своей воле. Но они страшно давили на меня, чтобы я стал священником. Суперинтенданта очень тревожило, что мирской офицер знает слишком много о секретных разделах физики и химии. Так что я взял короткий отпуск и умер. Очень печально. – Он улыбнулся и продолжал: – Но ты садись, садись. Я весь день собирался послать за тобой, но день вышел напряженный. Как и все последние дни, впрочем. Только сейчас

выбрал время, чтобы прослушать запись твоего доклада.

Мы сели и поболтали немного. У меня голова шла кругом. Я уважал Хаксли больше, чем любого другого офицера, под началом которого служил. И его присутствие здесь развеяло бы любые сомнения в правоте нашего дела, если бы они у меня еще оставались. Раз уж Каббала хороша для него, то для меня и подавно, и плевать на тонкости доктрины.

В конце беседы Хаксли сказал:

– Как ты понимаешь, Лайл, я тебя вызвал в этот поздний час не только для того, чтобы просто поболтать. У меня есть для тебя работа.

– Да, сэр?

– Без сомнения, ты уже обратил внимание, что среди нас мало профессиональных военных. Одни необученные ополченцы. Но это между нами, и не думай, что я недоволен моими товарищами, – каждый из них посвятил нашему делу жизнь, и для них это был более трудный выбор, чем для тебя или меня. Все они сознательно отдали себя под власть военной дисциплины, что было еще сложнее. Но все-таки нам остро не хватает настоящих кадровых солдат. Они, конечно, стараются, но у меня уходит масса лишних усилий на то, чтобы превратить Главный штаб в успешно функционирующий организм. Я буквально завален административными делами. Ты готов мне помочь?

Я поднялся:

– Я сочту за честь служить генералу в меру своих способ-

ностей.

– Отлично! Назовем тебя пока моим личным адъютантом. На сегодня все. Увидимся утром, капитан.

Я уже был на полпути к двери, когда до меня дошел смысл его последних слов. Но я решил, что генерал оговорился.

Оказалось, нет. На следующее утро я отыскал свой кабинет по табличке «Капитан Лайл», приколотой к двери. С точки зрения профессионального военного, революция имеет большое преимущество – она дает возможность быстрого продвижения по службе... Даже если жалование поступает нерегулярно.

Мой кабинет примыкал к кабинету генерала Хаксли, и теперь я практически жил в кабинете – даже поставил раскладушку в углу, за письменным столом. В первый же день, около десяти вечера, стараясь разобрать груды входящих бумаг, я поклялся себе, что, как только разделаюсь с бумагами, первым делом напишу длинное письмо Юдифи. Но мне пришлось довольствоваться короткой запиской, потому что на самом дне груды я обнаружил меморандум, адресованный не генералу, а лично мне.

На меморандуме было написано: «Легату Лайлу», затем кто-то вычеркнул слово «легат» и написал сверху: «Капитану». Далее следовал текст:

«ДЛЯ СВЕДЕНИЯ ВНОВЬ ЗАЧИСЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА

ТЕМА: отчет о Вашем обращении.

1. От Вас требуется со всеми подробностями описать все события, мысли, соображения, инциденты, приведшие Вас к решению присоединиться к борьбе за свободу. Доклад должен быть подробным и максимально субъективным. Доклад, составленный в спешке, слишком коротко и поверхностно, будет возвращен Вам на предмет корректировки и дополнений, а возможно, с направлением на опрос под гипнозом.

2. Ваш доклад будет рассматриваться как строго конфиденциальный, и Вы можете объявить секретной любую его часть. При желании Вы можете заменить буквами или цифрами имена собственные лиц, о которых идет речь, если это поможет Вам высказываться с полной откровенностью. Вне зависимости от всего, отчет должен быть максимально полным.

3. На время написания доклада Вы не освобождаетесь от повседневных обязанностей, но Вы должны рассматривать написание доклада как предельно приоритетную задачу. Черновик Вашего доклада должен быть представлен не позднее (далее чьей-то рукой была написана дата и время – сорок семь часов от той минуты, когда я закончил чтение; тут я пробормотал под нос парочку выражений, принятых у мирян).

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ КОМАНДУЮЩЕГО
полковник М. Новак,
начальник департамента психологии».

Я был крайне возмущен этими требованиями и решил, что все же сначала я напишу Юдифи. Но письмо не получалось, – как вы прикажете писать любовное послание, когда вы знаете, что его обязательно увидят чужие глаза и будут подозрительно вдумываться в смысл самых ваших нежных слов? Кроме того, пока я писал Юдифи, мои мысли вновь вернулись к той ночи у парапета Дворца Пророка, когда я впервые ее увидел. Мне показалось, что мое «обращение», как его назвал любопытный полковник Новак, началось именно с этого момента, хотя кое-какие сомнения у меня возникали и раньше. Закончив короткое письмо, я решил не ложиться, а заняться этим дурацким докладом.

Через какое-то время я обнаружил, что уже второй час ночи, а я все еще не добрался до момента, когда был принят в Братство. С сожалением я прекратил исповедь, хотя уже начал получать от ее создания определенное удовольствие, и запер рукопись в стол.

На следующее утро за завтраком я отвел Зеба в сторонку, показал ему меморандум и спросил:

– Ты работаешь на этого зануду. Зачем этот допрос? Неужели они нас все еще в чем-то подозревают?

Зеб едва взглянул на меморандум.

– Ничего подобного, – сказал он. – Хотя, конечно же, любой шпион, если он забредет так далеко, попадетсЯ на таком докладе, стоит его подвергнуть семантическому анали-

зу. Никто не сможет лгать так долго и так сложно.

– Но тогда для чего это?

– Не все ли равно? Напиши его как следует и сдай куда надо.

Мне его реакция не понравилась.

– Сомневаюсь, что буду его дописывать. Лучше сначала поговорю об этом с генералом.

– Пожалуйста, если хочешь выглядеть дураком. Но поверь, что психоматематикам, которые будут анализировать эту писанину, твоя персона ни разу не интересна. Им даже не важно, как тебя зовут. Перед началом анализа девица пройдет по всему докладу и заменит все оставшиеся имена, включая твое собственное, на цифры. Ты для них – источник информации, не больше. Наш шеф замыслил какой-то грандиозный проект – я сам не знаю какой, и ему надо набрать для него ворох статистических данных.

Я несколько успокоился.

– Чего ж они прямо об этом не скажут? А то я решил, что этот меморандум – приказ. И естественно, разозлился.

Зеб пожал плечами:

– Все произошло оттого, что меморандум готовил отдел семантики. Если бы над ним поработали пропагандисты, ты бы вскочил с кровати на рассвете и до завтрака закончил работу – так тебе не терпелось бы отличиться.

Он добавил:

– Между прочим, до меня дошли слухи, что тебя повыси-

ли в чине. Прими мои поздравления.

– Спасибо. – Неожиданно для самого себя я смутился. – Каково тебе теперь чувствовать себя младшим по званию, Зеб?

– Как? Неужели ты взлетел так высоко? Я-то решил, что ты всего-навсего капитан?

– Я и есть капитан.

– Извини меня, что я лезу к тебе со всякой чепухой, но я уже майор.

– Ничего себе! Поздравляю.

– Не стоит благодарности. Здесь надо быть, по крайней мере, полковником, чтобы не застилать по утрам свою койку.

По правде сказать, я был слишком занят, чтобы каждый день убирать свою койку. Спал я в основном на раскладушке в моем кабинете, и как-то раз мне пришлось неделю обходиться без душа.

Мне стало ясно, что организация Каббалы была куда больше и сложнее, чем я предполагал раньше. Более того, она все время росла. Я стоял слишком близко к деревьям, чтобы увидеть лес, несмотря на то что все бумаги, кроме сверхсекретных («после прочтения сжечь»), проходили через мои руки.

Я заботился о том, чтобы генерал Хаксли не утонул в ворохах бумаг, и в результате утонул в них сам. Моя задача была решить, что он стал бы делать с той или иной бумагой, если бы у него была свободная минута. Потом делать

это самому. С этим вполне может справиться тот, кто прошел подготовку по основам штабного или доктринального управления: весь фокус в том, чтобы заставить свой мозг работать так же, как работает мозг твоего босса во всех рутинных делах. И в том, чтобы уметь отличить рутинные дела от тех, которые он обязан взять на себя лично. Поначалу я совершил положенное число ошибок, но, очевидно, их было не столь много, чтобы генерал меня уволил, и месяца через три я уже стал майором с приятным для слуха званием: «Помощник начальника Главного штаба». Конечно, в основном я был обязан за это тому, что носил на пальце кольцо Вест-Пойнта; быть профессионалом – это большое преимущество.

Должен добавить, что к тому времени Зеб уже был полковником и исполнял обязанности начальника отдела пропаганды, так как его шефа перевели в региональный штаб, который везде фигурировал под кодовым названием «Иерихон».

Но я забегаю вперед. Я получил письмо от Юдифи недели через две после приезда. Это было приятное письмо, но сильно сокращенное в процессе пересылки. Я собирался ей ответить немедленно, но протянул с ответом неделю – не мог придумать, что ей ответить. Мне нечего было ей написать, кроме того, что я здоров и чертовски занят. Если я напишу три раза подряд, что я ее люблю, то какой-нибудь идиот-шифровальщик обязательно это выкинет, посчитав «сек-

ретным кодом».

Почта достигала Мексики через длинный подземный туннель, частично пробитый, но в основном естественного происхождения, он проходил прямо под границей. Маленькая электрическая железная дорога, наподобие тех, что используют в шахтах, перевозила не только документы и переписку, но также продовольствие и припасы, необходимые для нашего городка. По нашу сторону границы имелся по меньшей мере еще десяток ходов, по которым можно было попасть в Главный штаб, но я так и не узнал, где они проходили, – это не имело отношения к моей работе. Весь этот край лежит на толстом слое палеозойского известняка, и в нем вполне можно было нарыть пещер от Калифорнии до Техаса. Подземелье, известное под названием Главный штаб, использовалось нашими уже лет двадцать. Никто не знал всех переходов и залов подземного мира. Мы просто-напросто освещали и использовали столько места, сколько нам было нужно. Любимым развлечением трогов (нас, постоянных жителей подземелья, называли троглодитами или трогами, а посетители назывались летучими мышами, потому что появлялись по ночам) были прогулки и пикники в не известных никому коридорах и залах, что требовало некоторого знания спелеологии.

Такие путешествия никому не запрещались, но начальство требовало, чтобы мы принимали тщательные меры предосторожности и не ломали ног и рук. Генерал лично

одобрял эти прогулки, потому что они были редким средством размяться и не терять формы, – многие работали здесь месяцами и годами, не видя дневного света.

Мы с Зебом и Мэгги несколько раз выбирались на такие прогулки. Мэгги всегда приглашала с собой какую-нибудь другую девушку. Сначала я протестовал, но она убедила меня, что это необходимо, чтобы избежать сплетен... девушки как бы приглядывали друг за другом. Она уверяла меня, что Юдифь не стала бы возражать против таких пикников, потому что они совершенно невинны. Каждый раз спутницы Мэгги менялись, и похоже было, что Зеб куда больше обращал внимания на этих девушек, оставляя Мэгги на мое попечение. Одно время мне казалось, что Мэгги и Зеб поженятся, но теперь я начал в этом сомневаться. Вроде бы они подходили друг другу, как сыр к маслу, но Мэгги вполне очевидно не питала к Зебу ревности, хотя, с моей точки зрения, он вел себя совершенно бесстыдно – словно полагал, что Мэгги его поведение никак не задает.

Однажды субботним утром Зеб сунул голову в мою келью и сказал:

– Выход в два часа. Захвати с собой полотенце.

Я поднял взор от кипы бумаг:

– Вряд ли я успею. А почему полотенце?

Но он уже исчез.

Через некоторое время ко мне в кабинет зашла Мэгги, чтобы передать еженедельную разведсводку Старику, но я

и не пытался ее ни о чем спрашивать – на службе она идеальный штабной сержант. Днем я попытался перекусить, не поднимаясь из-за стола, все еще надеясь покончить с делами и понимая, что не успеваю. Без четверти два я отправился к генералу Хаксли, чтобы он наложил резолюцию на послание, которое должно уйти вечером с гипнокурьером. Послание следовало немедленно отправить психотехнику, который подготовит его для внушения курьеру. Генерал проглядел послание, завизировал его и произнес:

– Сержант Энди сказал мне, что у вас свидание.

– Сержант ошибается, – ответил я официальным голосом. – Я еще не обработал недельные доклады из Иерихона, Нода и Египта.

– Оставьте их на моем столе и выматывайтесь. Это приказ. Не в моих интересах, чтобы вы свихнулись от переутомления.

Я не стал напоминать генералу, что он сам уже месяц не вылезал из своего кабинета. Я подчинился и вышел.

Я поспешил к нашему обычному месту встречи у женских барачков. Мэгги уже ждала там. С ней рядом стояла блондинка по имени Мариам Бус, которая служила клерком на интендантских складах. Я знал ее в лицо, но не был знаком. Девушки принесли с собой корзину с продуктами. Тут же подошел и Зеб. Он принес одеяло, на котором мы обычно сидели. Оно же служило и скатертью. В другой руке он нес переносной прожектор, который мы зажигали, выбрав место

для пикника.

– Где твоё полотенце? – спросил он.

– Так ты серьёзно говорил? Я решил, что ты шутишь.

– Беги за ним. Мы пойдем Аппиевой дорогой, а ты нас догонишь. Пошли, девочки.

Они отправились в путь, а мне ничего не оставалось, как подчиниться. Схватив в моей комнате полотенце, я поспешил за ними и, только заведя их вдаль, перешел с бега на шаг. Я с трудом отдышался – сидячая работа сказалась на мне катастрофически. Они слышали, как я топаю, и остановились, поджидая меня.

Мы все были одеты одинаково: в штаны, подпоясанные ремнями с прикрепленными к ним фонарями, и куртки, обмотанные страховочным тросом. Хотя мне и не очень нравилось, что женщины в пещерах ходят в мужской одежде, я понимал, что лазить по пещерам в юбках непрактично и довольно нескромно.

Мы покинули освещенный туннель, повернув, казалось бы, к сплошной стене. Но тут же попали в трудно различимый, но вполне проходимый коридор. Как только мы миновали найденные и размеченные тропы, Зеб привязал к камню конец лабиринтного шнура и начал стравливать его, как требовалось по инструкции. Зеб всегда внимательно относился к серьезным вещам.

Мы прошли по коридору с полмили, встречая закопченные стены и другие следы тех, кто бывал здесь до нас. Затем

мы покинули исхоженную тропу и вскоре уперлись в глухую стену.

Зеб опустил на пол прожектор и включил его.

– Убирайте фонарики, здесь придется подниматься, – ска- зал он.

– А куда мы направляемся? – спросил я.

– Мариам там бывала. Она нам покажет. Поможешь мне, Джонни.

Перебраться через стену не стоило особого труда. Я легко подтянул Зеба вверх, девушки вполне были способны по- мочь друг другу, на всякий случай мы страховали девушек тросами. Потом мы подняли наше снаряжение и снова вклю- чили фонарики. Дальше нас повела Мариам. По ту сторону перемычки туннель продолжался. Если не знать о нем, мож- но тысячу лет проходить в метре от туннеля и не догадаться о его существовании. Мы шли быстро и остановились лишь однажды, когда Зеб привязал к лабиринтному шнуру новый клубок. Вскоре Мариам сказала:

– Теперь не спешите. Мне кажется, что мы уже пришли.

Зеб обвел вокруг себя фонарем, установил прожектор, включил его и присвистнул:

– Вот это да!

Мэгги медленно произнесла:

– Как здесь красиво!

Мариам лишь торжествующе улыбнулась.

Я был с ними согласен. Мы оказались в небольшой пеще-

ре с куполообразным сводом шириной около восьмидесяти футов, которая уходила в неизвестность, полого заворачивая направо. Главной достопримечательностью этой пещеры было спокойное, будто налитое тушью озерцо, занимавшее большую ее часть, перед которым расстился маленький песчаный пляж. Думаю, этот песок принесла сюда вода миллион лет назад, если не больше.

Наши голоса возвращались причудливым эхом, искаженным сталактитами и каменными наплывами, свисавшими с потолка пещеры. Зеб подошел к краю озера, присел и попробовал воду пальцами.

– Не очень холодная, – сообщил он. И тут же добавил: – Кто последний, тот стукач!

Я узнал древний призыв к заплыву наперегонки, хотя последний раз слышал его в детстве, и тогда в нем упоминался «грязный пария», но не поверил своим ушам. Зеб уже расстегивал куртку. Я подошел к нему и приглушенным голосом заявил:

– Зеб! *Совместное купание?* Ты шутишь?

– И не собирался шутить, – сказал он, глядя мне в глаза. – А почему нельзя? Что с тобой, мой дружок? Ты боишься, что на тебя наложат епитимью? Не бойся, они не увидят. С наказаниями у нас покончено.

– Но...

– Что «но»?

Я не смог найти ответа. Пользуясь терминами и поняти-

ями, которым меня обучили в Церкви, я мог бы объяснить ему всю греховность его намерений. Но я понимал, что Зеб рассмеется мне в лицо – и девушки услышат, что он смеется. А может быть, и они будут смеяться, потому что они с самого начала знали, что мы будем купаться вместе, а меня никто не предупредил.

– Зеб, послушай, – не сдавался я. – *Я не могу*. Ты меня не предупредил... у меня даже нет купального костюма.

– Я тоже не захватил, – сказал Зеб. – Скажи, а тебе мальчишкой не приходилось купаться нагишом? Тебя пороли за это?

Он не стал ждать моего ответа на свой чудовищный поклеп, а повернулся к девушкам и спросил:

– А вы чего ждете, хрупкие сосуды греха?

– Мы ждем, пока вы кончите спорить, – ответила Мэгги, подходя ближе. – Зеб, ты не возражаешь, если мы с Мариам разденемся по ту сторону большого камня?

– Отлично. Но учти: не нырять, не отвязывать страховочного конца – и на берегу все время дежурит один из нас.

– Глупости! – возмутилась Мариам. – В прошлый раз я здесь ныряла.

– Тогда меня с тобой не было, – ответил Зеб. – Так что я повторяю: не нырять, а то отшлепаю.

Мариам пожала плечами:

– Будь по-твоему, полковник Зануда. Пошли, Маг.

Они обогнули нас и зашли за камень размером с дом. На

полпути Мариам остановилась, посмотрела на меня и погрозила пальцем:

– Чтобы не подглядывать!

Я тут же покраснел до ушей.

Девушки исчезли за камнем, и до нас донеслось их хихиканье. Я быстро сказал:

– Ты делай как хочешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Но я останусь здесь, на берегу, побуду спасателем.

– Как пожелаешь. Я собирался подежурить в первую смену, но тебя за язык никто не тянул. Тогда достань и приготовь веревки. Без нужды не суетись – обе девушки отлично плавают.

В отчаянии я прошептал:

– Зеб, я уверен, что генерал категорически запрещает купание в подземных озерах.

– Поэтому мы ему и не будем докладывать, – ответил Зеб. – Никогда не беспокойте командующего без нужды – цитирую по уставу армии царя Иосифа, тысяча четырехсотый год до нашей эры.

И он продолжал раздеваться.

Не знаю, зачем Мариам понадобилось предупреждать, чтобы я не подглядывал – я и не собирался! – потому что, раздевшись, она тут же вышла из-за валуна. Она не подходила к нам, а сразу двинулась к воде, но прожектор освещал ее всю, и она даже на мгновение повернулась к нам, а потом крикнула:

– Выходи, Мэгги! Если ты поспешишь, то Зеб будет последним!

Я не хотел смотреть на Мариам, но не мог отвести от нее глаз. Я в жизни не видел ничего похожего на зрелище, представшее моим глазам. Только раз мне удалось взглянуть на картинку, которую мне показал мальчик в нашей приходской школе. Но я успел лишь взглянуть и тут же на него донес.

Я сгорал со стыда, но смотрел на Мариам не отрываясь.

Зеб вошел в воду раньше Мэгги, – правда, я думаю, что ей было все равно. Он почти нырнул – таким образом, чуть не нарушил собственный запрет. Он прыгнул в воду, но не скрылся под ее поверхностью, а сразу поплыл и вскоре уже догнал Мариам, которая плыла к дальнему берегу.

Затем из-за камня вышла Мэгги и тоже вошла в воду. Она не преподнесла свое появление как торжественное событие, подобно Мариам, – быстро и грациозно она скользнула в воду. Войдя в озеро по пояс, Мэгги сделала несколько легких движений, потом сильными гребками поплыла в темноту. Вскоре она догнала остальных – мне было слышно, как они переговариваются, хотя я не видел их в темноте.

Пока она не скрылась из глаз, я был бессилен оторвать от нее взгляд, даже если бы от этого зависело бессмертие моей души. Что же такое заключено в теле женщины, превращающее его в самое соблазнительное и манящее зрелище на свете? Истинно ли утверждение некоторых людей, что все дело лишь в инстинкте, который заставляет нас покоряться воле

Господа, дабы плодиться и размножаться? А может быть, за этим скрывается нечто более загадочное и чудесное?

Я поймал себя на том, что губы мои шепчут:

– «Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!

Этот стан твой похож на пальму, и груди твои – на виноградные кисти»¹⁵.

Затем, устыдившись, я замолчал, ибо вспомнил, что Песнь Песней Соломона – чистая и священная аллегория, не имеющая ничего общего с подобным зрелищем.

Я уселся на песок и постарался успокоить свою смятенную душу. Через некоторое время я почувствовал себя лучше, и мое сердце перестало столь часто биться. И когда они возникли из темноты, Зеб лидировал, Мариам догоняла, мне удалось даже выдавить из себя улыбку. Происходящее уже не казалось мне столь ужасным, и до тех пор, пока тела девушек были скрыты под водой, ничего страшного я не видел. Возможно, зло и вправду в глазах смотрящего – в таком случае моя задача заключалась в том, чтобы не допустить его в мои глаза.

– Тебя подменить? – спросил Зеб.

– Нет, – твердо ответил я. – Продолжайте купаться и поселиться.

– Хорошо, – согласился Зеб, перевернулся в воде подобно дельфину и поплыл назад. Мариам за ним. Мэгги подплыла

¹⁵ Песн. 7: 7–8. – *Примеч. С. В. Голд.*

на мелкое место, замерла там, касаясь дна кончиками пальцев, и глядела на меня. Ее голова и плечи, будто выточенные из слоновой кости, поднимались над черной водой, а длинные густые волосы окружали ее, струились по воде, как водоросли.

– Бедный Джон, – мягко произнесла она. – Хочешь, я выйду и побуду с тобой?

– Нет, спасибо, не стоит.

– Ты уверен?

– Абсолютно уверен.

– Как хочешь. – Она также повернулась и поплыла прочь. Пока она разворачивалась, на какое-то чудесное мгновение моим глазам предстало все ее прекрасное тело.

Минут десять спустя Мэгги снова появилась на моей стороне озера.

– Я замерзла, – сказала она, вылезла из воды и прошла под покрытие камня. Я подумал, что она не кажется голой – просто она не покрыта одеждой, подобно нашей праматери Еве. В этом заключалось различие между ней и Мариам – та была голой.

Когда Мэгги вылезла из воды и мы с ней оба молчали, я вдруг осознал, что в пещере нет никаких других звуков. Нет на свете ничего более безмолвного, чем безмолвие пещеры. На поверхности земли вы всегда можете уловить какой-нибудь шум – но совершенно особенная тишина достижима лишь под землей. Если под землей ты затаишь дыха-

ние, то ощутишь бесконечную тишину.

Я понял, что не слышу звуков от плывущих Зеба и Мариам. А эти звуки обязательно должны были до меня донестись. Я поднялся и сделал два шага по берегу озера, но остановился, потому что не хотел вторгаться в «кабинку для переодевания» Мэгги, а это произошло бы, сделай я еще десяток шагов.

Я в самом деле был обеспокоен и не знал, что предпринять. Кинуть им веревку? Но куда? Прыгнуть в воду и искать их в глубине? Но есть ли в этом необходимость? Я тихо позвал:

– Мэгги!

– Что случилось, Джон?

– Мэгги, я волнуюсь.

Она сразу же вышла из-за камня. Она успела надеть брюки и прижимала к груди полотенце. Мне показалось, что она только что сушила полотенцем волосы.

– Почему ты волнуешься?

– Молчи и слушай.

Она замолчала. Через некоторое время она сказала:

– Я ничего не слышу.

– Вот именно. А ты должна слышать. Я слышал, как вы плыли, даже когда вы были у дальнего берега озера. А сейчас ни звука, ни всплеска. Как думаешь, не могло случиться, что они одновременно нырнули и ударились головами о камни?

– О, не беспокойся, Джон, с ними все в порядке.

– Но я, честное слово, обеспокоен.

– Я уверена, что они просто отдыхают. На той стороне тоже есть маленький пляж, вдвое меньше этого. Они там. Я тоже вылезала на песок, но замерзла и потому вернулась.

Но я уже принял решение. Я понял, что моя проклятая стеснительность мешает мне выполнить свой долг.

– Отвернись. Нет, уйди за камень. Мне нужно раздеться.

– Зачем? Я же сказала, что в этом нет нужды. – Она не сдвинулась с места.

Я открыл рот, чтобы закричать, но не успел издать ни звука, потому что Мэгги закрыла мне рот ладонью. От этого движения полотенце упало, что заставило нас обоих смутиться.

– Боже мой! – воскликнула она. – Пожалуйста, не кричи.

Она отвернулась от меня, нагнулась и подняла полотенце. А когда она обернулась вновь, полотенце было надежно обмотано вокруг ее груди.

– Джон Лайл, – произнесла она, – подойди сюда и сядь. Сядь рядом со мной.

Она села и хлопнула ладонью по песку – и в голосе ее звучала такая уверенность, что я послушно уселся рядом с ней.

– Подвинься ближе ко мне, – сказала она. – Я не хочу кричать.

Я осторожно подвинулся к ней так, что мой рукав касался ее обнаженной руки.

– Так-то лучше, – сказала она совсем тихо, стараясь, что-

бы ее голос не разносился по пещере. – А теперь слушай внимательно: там находятся два человека, которые хотят побыть вдвоем. Они находятся в полной безопасности – я их видела. К тому же оба – отличные пловцы. Ты же, Джон Лайл, должен умерить свой пыл и научиться не вмешиваться в чужие дела.

– Боюсь, что я тебя не понял, – искренне сказал я. Но по правде сказать, я уже боялся, что понимаю.

– Ну что ты за человек! Скажи мне, Мариам что-нибудь для тебя значит?

– Значит? Нет, пожалуй, не значит.

– Мне тоже так казалось. По крайней мере, за все время ты и двух слов с ней не сказал. Значит, у тебя нет оснований ее ревновать. А если так, то оставь их в покое и не суй нос в чужие дела. Теперь ты меня понял?

– Наверное, да...

– Тогда просто помолчи.

Я замолчал. Она не двигалась. Я остро ощущал ее обнаженность. Потому что она была обнаженной, хоть и была прикрыта и казалась необнаженной – и я так надеялся, что она не догадывается о моем смущении... К тому же я остро ощущал себя участником... участником не знаю чего. Я мысленно заявил себе, что у меня нет оснований подозревать самое худшее, будто я какой-то инспектор морали.

Наконец я выговорил:

– Мэгги...

– Что, Джон...

– Я тебя не понимаю.

– Почему, Джон? Впрочем, а так ли надо все понимать?

– Мне кажется, что тебя совершенно не тревожит, что Мариам осталась совсем наедине с Зебом...

– А что я должна по этому поводу предпринять?

Ну что ты будешь делать с этой женщиной! Она нарочно делала вид, что меня не понимает.

– Ну как тебе сказать... понимаешь, у меня создалось впечатление, что ты с Зебом... я хотел сказать, что вы собираетесь пожениться, когда можно будет...

Она тихо рассмеялась, но без особого веселья.

– Полагаю, что у тебя и в самом деле могло сложиться такое впечатление. Но поверь мне, что эта проблема решена и забыта, ко всеобщему удовлетворению.

– Да?

– Не пойми меня неправильно. Мне очень нравится Зебадия, и я знаю, что ему тоже нравлюсь. Но психологически мы с ним оба доминантные типы – ты можешь проверить по нашим психологическим таблицам. Мой психопрофиль похож на скалистые горы! Такие люди, как мы, не должны вступать в брак. Подобные браки совершаются *не* на небесах, поверь мне. К счастью, мы поняли это вовремя.

– Ага.

– Вот именно, что ага.

А вот как случилось то, что случилось в следующую ми-

нута, я не понимаю. Я подумал было, что она такая одинокая... и оказалось, что я ее целую. Она прижалась ко мне, откинувшись назад и ответила на поцелуй с таким жаром, какого я в ней и не подозревал. Что же касается меня, то в голове у меня гудело, глаза, кажется, вылезли из орбит, и я никак не мог сообразить, то ли я провалился на тысячу футов под землю, то ли я шагаю на параде.

Потом все закончилось. Она заглянула мне в глаза и прошептала:

– Дорогой мой Джон...

Затем она неожиданно вскочила на ноги, склонилась надо мной, забыв о том, что полотенце может упасть, и погладила меня по щеке.

– Юдифи сказочно повезло, – сказала она, – интересно, она об этом догадывается?

– Мэгги! – взмолился я.

Она отвернулась от меня и сказала, глядя перед собой:

– Мне действительно нужно одеться. Я совсем закоченела.

А мне она совсем не показалась закоченевшей.

Вскоре она вернулась. Она была одета и яростно вытирала полотенцем свою пышную гриву. Я взял мое сухое полотенце и помог ей. Я не думаю, что я предложил ей помощь, – просто подошел и помог. У нее были такие густые и пышные волосы, что даже дотронуться до них – наслаждение. По мне мурашки бегали.

За этим занятием нас и застали Зеб с Мариам, когда они медленно подплыли к берегу. Мы слышали их смех и голоса задолго до того, как увидели их. Мариам вылезла из воды, обнаженная и бесстыжая, как какая-нибудь блудница из Гоморры, но я на нее почти не обратил внимания.

Зеб поглядел мне в глаза и спросил:

– Ты готов купаться, старик?

Я хотел было ответить, что и не собираюсь купаться, намереваясь в качестве оправдания заявить, что мое полотенце уже мокрое и мне нечем будет вытираться, – и тут я понял, что Мэгги наблюдает за мной... Она и слова не произнесла, просто смотрела на меня.

– Конечно я выкупаюсь! – заявил я. – Я вас заждался.

Затем я крикнул:

– Мариам, скорей вылезай из-за камня! Мне негде раздеться.

Мариам захихикала и выскочила из-за камня, на ходу оправляя одежду. Я с достоинством проследовал в раздевалку.

Надеюсь, что, покинув это убежище, я сохранял остатки достоинства. По крайней мере, я стиснул зубы и зашагал к воде. В первый момент вода обожгла меня холодом – но я чувствовал холод лишь в первые секунды. Я никогда не был хорошим пловцом, но выступал за мой класс и как-то даже купался в Гудзоне на Новый год. В общем, купаться в черном озере мне понравилось.

Я переплыл озеро. На той его стороне тоже был маленький песчаный пляж. Я не стал на него вылезать.

На обратном пути я нырнул и постарался достичь дна, но мне это не удалось. Видно, озеро было глубже двадцати футов. В глубине было совершенно темно и совершенно тихо. Мне там понравилось. Если бы у меня были жабры, то, наверное, стоило бы остаться в нем навсегда, подальше от Пророков, от Каббалы, от бесконечных входящих, исходящих бумаг, от забот и проблем, слишком сложных и тонких для меня.

Я вынырнул и с трудом восстановил дыхание. И быстро поплыл к нашему пляжу. Девушки уже разложили на одеяле обед, и Зеб закричал мне, чтобы я поторопился. Зеб и Мэгги даже не обернулись, когда я вылез из воды, но я заметил, что Мариам беззастенчиво разглядывает меня. Не думаю, что я покраснел. Кстати, я никогда не любил блондинок. Я убежден, что Лилит была блондинкой.

Высший совет, состоявший из начальников отделов, генерала Хаксли и еще нескольких человек, собирался примерно раз в неделю. Совет давал рекомендации генералу, обменивался мнениями и рассматривал доклады с мест. Примерно через месяц после нашей довольно глупой эскапады в подземном бассейне я сидел в комнате заседаний, но не как участник, а просто вел протокол. Моя девушка-секретарь заболела, и я одолжил Мэгги у «Джи-2» для работы на диктографе, потому что у нее был допуск. Нам остро не хватало компетентных кадров. Моим номинальным начальником, например, был генерал Пенойер, носивший звание начальника Генштаба. Но я видел его только раза два, потому что еще он числился начальником отдела вооружений и большую часть времени уделял второй специальности. Поэтому Хаксли приходилось быть собственным Генштабом, а я стал при нем идеальным адъютантом – и жнец, и швец и на дуде игрец. Я даже умудрялся следить, принимает ли он вовремя желудочные таблетки.

Совещание было шире обычного. На него лично прибыли руководители «Гата», «Ханаана», «Иерихона», «Вавилона» и «Египта»; «Нод» и «Дамаск» были представлены заместителями – все районы Соединенных Штатов, охваченные деятельностью Каббалы, за исключением «Эдема», но для связи

с Луисвиллем мы использовали цепочку телепатов, сообщения были закодированы образами, так что сами экстрасенсы не могли бы их понять. Я чувствовал напряжение приближающихся важных событий, хотя Хаксли ничего не говорил мне заранее. Зал заседаний охранялся так, что и мышь не могла бы в него проникнуть.

Сначала мы выслушали обычные доклады. Было отмечено, что в организации состоят восемь тысяч семьсот девять членов, все либо братья Ложи, либо проверенные члены параллельной боевой организации. Кроме них, мы насчитывали примерно вдесятеро больше завербованных и обученных сочувствующих, на которых мы могли рассчитывать во время восстания против Пророка, хотя они и не были посвящены в детали заговора.

Эти цифры не очень обнадеживали. Мы оказались в тисках дилеммы: сто тысяч человек – жалкая кучка, для того чтобы поднять восстание в громадной стране, занимающей целый континент, но каждый принятый человек увеличивал опасность разоблачения. Мы опирались на старинную систему ячеек, при которой каждый знал не больше, чем ему положено было знать, и не мог выдать на допросе многих людей, даже если он оказывался провокатором. Но и при такой системе, при такой многочисленной организации мы еженедельно теряли людей и целые группы. Четыре дня назад вся Ложа в Сиэтле была застигнута во время заседания и арестована. Это был тяжелый удар, но, к счастью, только трое из

арестованных знали важные секреты, и все они успели покончить с собой. О них будут молиться братья на вечернем собрании, но сейчас известие прозвучало как обычный доклад. На прошедшей неделе мы потеряли четырех ассасинов, но было совершено двадцать три убийства, одно из них – Старшего инквизитора нижней долины Миссисипи.

Начальник связи доложил, что его люди могут вывести из строя девяносто процентов (в отношении охвата населения) радио- и телевизионных станций в стране и что с помощью штурмовых групп мы можем надеяться обезвредить и остальные, за исключением станции «Глас Божий» в Новом Иерусалиме, что являлось особой проблемой.

Начальник инженерной службы доложил, что он готов прекратить доступ энергии в сорок шесть крупнейших городов, опять же за исключением Нового Иерусалима, снабжение которого было автономным, оно поступало от реактора, расположенного под Храмом. Но и в этом случае можно было устроить диверсии на распределительных станциях, если задействовать в операции достаточное количество людей. Основной наземный транспорт и грузовые линии могли быть саботированы в соответствии с текущими планами и имеющимся персоналом так, чтобы сократить объем трафика до двенадцати процентов от обычного.

Доклады продолжались – газеты, боевые студенческие группы, захваты или диверсии на ракетододрогах, чудеса, распространение слухов, водоснабжение, подстрекательство к

инцидентам, контрразведка, долгосрочные метеопрогнозы, распределение оружия. Война по сравнению с революцией проста. Военное дело – прикладная наука с четко определенными, проверенными историей принципами и методами. Для применения баллист и водородных бомб существуют сходные стратегии. Но каждая революция – непредвиденная мутация, она никогда не будет повторена, и проводят ее не кадровые военные, а дилетанты и ярые индивидуалисты.

Мэгги приводила в порядок записи докладов, и я передавал их аналитикам, которые готовили данные для вычислителя. Я был настолько занят, что даже не пытался представить себе общую картину. Когда сообщения кончились, наступила пауза – аналитики заканчивали программирование и вводили последние данные в «мозг». Потом подключенный к нему принтер ожил, коротко прожужжал и остановился. Опередив меня, Хаксли потянулся и оторвал ленту.

Он просмотрел ее, откашлялся и подождал, пока наступит тишина.

– Братья! – начал он. – Товарищи, мы давно уже договорились, что, когда сумма всех необходимых факторов с учетом возможных ошибок покажет, что ситуация сложилась с балансом риска два – один в нашу пользу, мы начнем восстание. Сегодня расчет уравнения вероятностей с подстановкой в качестве параметров данных прошедшей недели достиг значения в две целых тринадцать сотых. Я предлагаю назначить время восстания. Ваше мнение?

Никто не сказал ни слова, так поражены были присутствующие. Надежда, затянувшаяся на долгие годы, превращает реальность в нечто, чему трудно поверить. А все эти люди ждали годами, некоторые – большую часть своей жизни. Потом пауза завершилась взрывом. Они вскочили, смеясь, плача, крича, ругаясь, хлопая друг друга по плечам, обнимаясь...

Хаксли сидел неподвижно со странной улыбкой на лице, пока остальные немного не успокоились. Тогда он поднялся и тихо сказал:

– Я думаю, голосовать не нужно. Час я назначу после того, как...

– Генерал, одну минуту. Я не согласен. – Это был начальник Зеба, генерал Новак, начальник управления психологической войны.

Хаксли замолчал. Наступила гробовая тишина. Я был поражен, как и все.

Затем Хаксли сказал, не повышая голоса:

– Наш совет обычно принимает решения по общему согласию. Мы давно уже договорились, каким образом и когда мы установим день восстания... Но я знаю, что вы не стали бы возражать, если бы у вас не было к тому веских оснований. Мы вас слушаем, брат Новак.

Новак медленно вышел вперед и обернулся к Совету.

– Братья, – сказал он, оглядывая удивленные и даже сердитые лица. – Вы знаете меня, и знаете, что я хочу этого так

же сильно, как и вы. Последние семнадцать лет я отдаю все, что у меня есть, нашему общему делу – из-за этого я потерял семью, дом... Но я не могу позволить вам принять решение и начать восстание, не предупредив, что я уверен: время еще не настало. Я думаю... нет, я *знаю*, с математической уверенностью, что мы не готовы к революции.

Он был вынужден переждать несколько минут и поднять руки, призывая к тишине, – его не хотели слушать.

– Да выслушайте меня, в конце концов! Я согласен, что с военной точки зрения все готово. Я даже склоняюсь к тому, что если мы ударим сегодня же, то у нас есть возможность захватить страну. И все-таки мы не готовы...

– Почему?

– Потому что большинство населения все еще верит в установленную религию, верит в божественную власть Пророка. Мы можем захватить власть, но мы не сможем ее удержать.

– Еще как сможем!

– *Послушайте меня!* Никто и никогда не находился в подчинении долгое время иначе как по собственной воле. В течение трех поколений американский народ воспитывается от колыбели до могилы самыми умными и дотошными психотехниками в мире. И люди *верят!* Если освободить их сейчас, без соответствующей психологической подготовки, они вернутся к своим цепям... как лошадь, которая возвращается в горящий сарай. Мы можем выиграть революцию, но за

ней последует длинная и кровавая гражданская война, которую мы проиграем! – Он замолчал, провел трясущейся рукой по глазам и произнес, обращаясь к Хаксли: – У меня все.

Несколько человек тут же поднялись с мест. Хаксли постучал по столу, призывая к порядку, потом предоставил слово генералу Пенoyerу.

– Я хотел бы задать брату Новаку несколько вопросов, – сказал он.

– Задавайте.

– Может ли ваше управление сказать нам, какой процент населения, по вашим расчетам, искренне набожен?

Зеб, присутствующий на совете в качестве помощника Новака, поднял голову. Новак кивнул ему, и Зеб сказал:

– Шестьдесят два плюс-минус три процента.

– А каков процент тех, кто тайно противостоит правительству, независимо от того, с нами они или нет?

– Двадцать один процент, с соответствующей поправкой. Оставшаяся часть населения – это конформисты, которые не набожны, но довольны сложившимся порядком вещей.

– Как вы получили эти данные?

– Выборочными опросами под гипнозом типичных представителей населения.

– Вы можете сказать, как изменяется ситуация?

– Да, сэр. Правительство потеряло много сторонников в первые годы нынешней депрессии, но постепенно ему удалось выровнять положение. Новый закон о церковной де-

сятине и в какой-то степени декреты против бродяжничества оказались непопулярны и снова подорвали рейтинг правительства. Ситуация стабилизировалась – но уже на более низком уровне. Потом деловая активность несколько ожи-вилась, но в этот момент мы начали нашу жесткую пропагандистскую кампанию. В результате всего последние пятна-дцать месяцев правительство медленно, но неуклонно теря-ет свои позиции.

– А что показывает первая производная?

Зеб заколебался, и слово взял Новак.

– Здесь надо принять в расчет вторую производную, – ска-зал он напряженным голосом. – Скорость изменений растет.

– А точнее?

Начальник психологического управления ответил с замет-ной неохотой, но твердо:

– По нашим расчетам, понадобится три года и восемь ме-сяцев, прежде чем мы можем рискнуть.

Пенойер повернулся к Хаксли:

– У меня сложилось другое мнение, сэр. Думаю, что, несмотря на мое глубокое уважение к генералу Новаку и проделанной им работе, я должен сказать: побеждай, когда можешь победить! Может быть, у нас больше не будет такого шанса.

Почти все присутствующие поддержали его:

– Пенойер прав! Если мы будем ждать, нас кто-нибудь вы-даст!

– Мы не сможем столько времени хранить в тайне такую организацию.

– Я уже десять лет в подполье. Я не хочу, чтобы меня здесь похоронили!

– Давайте победим, а потом уж будем думать, как найти сторонников, – когда все средства связи будут у нас.

– Ударим сейчас! Ударим сейчас!

Хаксли молчал, давая остальным выпустить пар. Его лицо оставалось бесстрастным. Я сам помалкивал хотя бы потому, что мое положение не позволяло мне вмешиваться в дискуссию, но я был согласен с Пеннойером: невозможно ждать еще почти четыре года.

Я увидел, что Зеб что-то горячо обсуждает с Новаком. Они настолько углубились в спор, что не обращали внимания на то, что творилось вокруг. Но когда Хаксли наконец поднял руку, требуя тишины, Новак покинул свое место и поспешил к нему. Генерал выслушал Новака, и мне показалось, что он сдерживает раздражение, которое вскоре сменилось неуверенностью. Новак поманил к себе пальцем Зеба, который поспешил к своему шефу. Вся эта троица шепталась несколько минут, а Совет покорно ждал, пока они придут к решению.

Наконец Хаксли вновь обратился к залу:

– Генерал Новак предложил схему, которая может изменить всю ситуацию. Совет прервет заседание до завтра.

План Новака (или Зеба, хотя он никогда и не признавал-

ся в авторстве) требовал передышки по крайней мере на два месяца, до ежегодного праздника Чуда Воплощения. Идея ни много ни мало заключалась в том, чтобы вмешаться в само Чудо. Теперь-то понятно, что это была очевидная и, вероятно, единственная возможная стратегия. Потому что начальник отдела психологии был прав: по сути, власть диктаторов всегда опиралась не столько на оружие, сколько на веру людей. Так было с Цезарем, Наполеоном, Гитлером, Сталиным. Нужно было нанести удар в самое основание власти Пророка: нужно было разрушить всеобщее убеждение, что он правит по Божьему соизволению.

Будущие поколения вряд ли смогут поверить в важность, в исключительную важность как с точки зрения религиозной веры, так и с точки зрения политической власти Чуда Воплощения. Для осознания этого надо понять, что люди буквально верили в ежегодное возвращение Первого Пророка с небес. Верили, что он приходит, чтобы проверить, как живет его земное царство и насколько хорошо его преемники справляются со своими обязанностями. Люди в это *верили*, а меньшинство сомневавшихся не смело и рта раскрыть, опасаясь, что им за это голову оторвут... и я имею в виду не какую-то фигуру речи, а то, что оставляет кровь на асфальте. Плевать на американский флаг было куда более безопасным занятием.

Я сам в это верил всю свою жизнь, мне и в голову не приходило ставить под сомнение эту основу основ веры, а меня

можно было назвать образованным человеком, человеком, посвященным в секреты производства меньших по рангу чудес. Но в это чудо я верил.

Последующие два месяца прошли в бесконечном напряженном ожидании, словно мы давно вошли в зону поражения и все ждали и ждали команды «Огонь!» – но мы были так заняты, что не хватало ни дней, ни часов. В дополнение к подготовке нашего чудесного вмешательства в Чудо Воплощения мы работали над нашим обычным оружием, доводя его эффективность до предела. Зеб и его шеф, начальник отдела генерал Новак, почти немедленно после совещания выехали в Бюлаленд для проведения операции «Краеугольный камень». Так было написано в приказе. Я сам вручал ему этот приказ, не доверив его клерку, но, хоть убейте, не знаю, где и на какой карте искать этот Бюлаленд.

Хаксли сам отсутствовал почти неделю, перепоручив дела генералу Пенюйеру. Он мне не говорил, куда направляется, но я мог догадаться. Операция «Краеугольный камень» была психологическим маневром, но средства для его исполнения были вполне физическими – а мой шеф был в свое время преподавателем прикладных чудес в Вест-Пойнте. Возможно, он был лучшим физиком во всей Каббале, и я уверен, что он как минимум захочет лично убедиться, что все технические средства отвечают своему назначению, а методы надежны и безопасны. Я вполне допускаю, что в эти дни его можно было бы увидеть и с паяльником в руках, и с отверткой

или электронным микрометром, – генерал никогда не боялся испачкать руки.

Я скучал без генерала Хаксли. Пенкой иногда был склонен отменять мои решения по мелким вопросам, совать нос в детали и тратить как свое, так и чужое время по пустякам, которыми ему и не следовало бы заниматься. Но его тоже не было большую часть времени, и мне не раз приходилось гоняться за исполняющим обязанности начальника отдела, объяснять ему, что делать, и заставлять его подписать подготовленные мной решения. В конце концов я начал сам подписывать обычные бумаги как «и. о. Я. Я. Деббил, генерал ВВС США». Не думаю, что хоть кто-то это обнаружил.

В эти же дни, еще до отъезда Зеба, произошло еще одно событие, которое не имело прямого отношения к судьбе народа Соединенных Штатов и его борьбе за свободу, но мои личные дела к тому времени настолько перепутались с общественными, что я позволю себе о нем упомянуть. Может быть, личная сторона тоже важна. Разумеется, когда я начал писать этот отчет, от меня и требовалось, чтобы он был максимально «личным» и «субъективным», но я сохранил вторую копию для себя и продолжал писать, потому что обнаружил, что это помогает мне распутать мои запутавшиеся мысли и провести их через метаморфозы наподобие тех, что превращают гусениц в мотыльков. Я типичный представитель большинства, человек, которого сначала надо хорошенько ткнуть носом, и только после этого он поймет, что

к чему, тогда как Мэгги, Зеб и генерал Хаксли с рождения принадлежат к элитному меньшинству свободных духом людей – из них получаются мыслители и вожди.

Я сидел за столом, стараясь разбирать бумаги скорее, чем они прибывали, когда получил приглашение заглянуть в удобное для меня время к шефу Зеба. Поскольку у него были такие полномочия, я оставил записку для Хаксли и поспешил к генералу.

Новак не стал выслушивать формальных приветствий.

– Майор, у меня для вас письмо, которое я только что получил от шифровальщиков. Мы должны были решить, стоит ли его отредактировать или просто уничтожить. Однако по настоятельной рекомендации одного из начальников моих отделов я взял на себя ответственность позволить вам прочитать его в исходном виде. Вам придется его прочитать прямо здесь.

– Слушаюсь, сэр, – сказал я несколько растерянно.

Он вручил мне конверт. Письмо оказалось довольно длинным, в нем поместилась бы дюжина закодированных сообщений, с которыми не справится обычная редактура, и я не помню большей его части. Помню только, что я почувствовал, его прочитав. Письмо было от Юдифи.

Мой дорогой Джон... я всегда буду вспоминать о тебе с теплотой и благодарностью, никогда не забуду всего, что ты для меня сделал... мы не были предназначены друг для

друга... Сеньор Мендоса был очень внимателен... я знаю, что ты простишь меня... но я нужна ему: должно быть, нас свела сама судьба... если ты когда-нибудь будешь в Мехико, считай наш дом своим... я всегда буду думать о тебе как о моем сильном и мудром старшем брате и останусь твоей сестрой...

Там еще много всего было такого же. Я думаю, что все эти письма подходят под категорию «мягкого расставания».

Новак протянул руку и взял у меня письмо:

– Я дал его вам не для того, чтобы вы заучивали его наизусть, – сказал он сухо и выбросил письмо в свой настольный мусоросжигатель. Затем посмотрел на меня. – Может, вам лучше присесть, майор. Вы курите?

Я не присел, но голова у меня кружилась; я взял предложенную сигарету и даже позволил ему зажечь ее. Потом я закашлялся от сигаретного дыма, и противное ощущение в горле вернуло меня к действительности. Я сдержанно поблагодарил генерала, вышел из кабинета, прошел к себе и позвонил заместителю, сказав, где меня найти, если я срочно понадоблюсь генералу. Я объяснил, что неожиданно заболел и прошу по возможности меня не беспокоить.

Я провел в одиночестве больше часа, лежа на койке лицом вниз, не двигаясь и даже не думая ни о чем. Раздался тихий стук в дверь. Она открылась. Это был Зеб.

– Ну как ты? – спросил он.

– Никак, – ответил я. В то время мне не пришло в голову, что начальник отдела, который попросил Новака показать мне письмо в исходном виде, был Зеб.

Он вошел, сел на стул и посмотрел на меня. Я перевернулся, лег на бок и сел на край кровати.

– Не давай выбить себя из колеи, Джонни, – сказал он. – Мужчины умирают иногда и достаются на обед червям – но умирают не от любви¹⁶.

– Ты ничего не понимаешь!

– Нет, не понимаю, – согласился он. – Каждый человек – свой собственный пленник, в одиночном заключении до самой смерти. И тем не менее в этом конкретном вопросе статистика достаточно надежна. Знаешь что, сделай мне одолжение, постарайся мысленно представить себе Юдифь. Постарайся увидеть ее лицо, услышать голос.

– Зачем?

– Постарайся.

Я старался. Я в самом деле старался – и, вы знаете, не смог. У меня не было ее фотографии, и теперь лицо ее от меня ускользало.

Зеб наблюдал за мной.

– Ты выздоровеешь, – сказал он уверенно. – Теперь послушай, Джонни... Мне надо было сказать тебе раньше. Юдифь *очень* женственная, одни гонады без мозгов. При этом довольно привлекательная. Оказавшись на свободе, она неиз-

¹⁶ У. Шекспир. Как вам это понравится. Акт IV, сцена 1. – *Примеч. С. В. Голд.*

бежно должна была встретить подходящего мужчину – это так же неизбежно, как атомы кислорода соединяются в молекулу. Впрочем, что толку объяснять все это влюбленному?

Он поднялся.

– Джонни, мне надо идти. Мне очень не хочется оставлять тебя одного в таком состоянии, но я уже получил приказ, и дедуля Новак ждет меня, мы уезжаем. Он меня живьем съест за то, что я заставил себя ждать. Но разреши дать тебе еще один совет, прежде чем я уйду...

Я ждал.

– Я советую, – сказал он, – почаще общаться с Мэгги, пока меня не будет. Она для тебя сейчас лучшее лекарство.

Он уже выходил из комнаты, когда я остановил его вопросом:

– Зеб, а что случилось между тобой и Мэгги? Что-то похожее?

Он оглянулся и сказал резко:

– Нет. Совсем не то. Это не было... не было то же самое.

– Я тебя не понимаю, я просто не понимаю людей. Ты советуешь мне почаще видеться с Мэгги... и я подумал, что она... ну, твоя девушка. Разве ты не будешь ревновать?

Он посмотрел на меня, захохотал и похлопал по плечу:

– Она – свободный гражданин, поверь мне, Джонни. Если бы ты когда-нибудь сделал ей что-то плохое, я собственными руками оторвал бы тебе голову и избил ею до полусмерти. Но думаю, ты ничего плохого не сделаешь. А ревновать?

Нет, мне такое и в голову не придет. Я думаю, что она самая замечательная девушка в мире, но я лучше женюсь на пуме, чем на ней.

Он ушел, оставив меня опять в полном недоумении. Но все же я последовал его совету. Или, может быть, Мэгги последовала. Мэгги все знала – о Юдифи, я имею в виду; я думал, что ей рассказал Зеб, но оказалось, что Юдифь написала ей тоже. Как бы то ни было, мне не пришлось ее разыскивать. Она сама пришла ко мне после ужина. Мы поговорили с ней обо всем, и я почувствовал себя куда лучше, настолько, что вернулся в кабинет и полночи работал, наверстывая упущенное днем время.

После этого у нас с Мэгги вошло в привычку вместе гулять после ужина. Мы больше не забирались в пещеры – в последние дни у нас не было на это времени, да и не хотелось собирать новую компанию без Зеба. Иногда я мог уделить прогулке минут двадцать, не больше, – надо было возвращаться к работе, но это были лучшие минуты дня, и я с нетерпением ждал их.

Даже не покидая основную пещеру, оставаясь на размеченных дорожках, можно было найти чудесные места для прогулок. Если мне удавалось выкроить хотя бы час свободного времени, неподалеку от города, примерно в полмили к северу от ближайших зданий, было одно место, где мы любили гулять. Тропинка вилась среди застывших известковых грибов громадных каменных колонн, куполов и про-

чих совершенно фантастических форм, которым было трудно придумать название и в которых можно было с одинаковым успехом увидеть и мающиеся души грешников, и огромные экзотические цветы – в зависимости от настроения. На высоте примерно в сотню футов от уровня основной пещеры, в нескольких шагах от тропинки, мы нашли место, где природа сотворила из камня настоящую скамейку. Здесь мы могли сидеть, смотреть на нашу игрушечную деревню, разговаривать, а Мэгги могла не спеша покурить. Я привык зажигать ей сигареты, как в свое время делал Зеб. Она любила, когда я оказывал этот маленький знак внимания, а я уже научился не задыхаться от дыма.

Месяца через полтора после того, как Зеб уехал, и за несколько дней до часа «Ч» мы сидели там и рассуждали, что будет после победы революции и чем мы тогда займемся. Я сказал, что, наверное, останусь в армии, если армия сохранится и мне разрешат.

– А что будешь делать ты, Мэгги?

Она медленно выдохнула дым:

– Так далеко в будущее я не заглядывала, Джон. У меня нет никакой специальности. Другими словами, мы же с тобой боремся за то, чтобы профессия, к которой я принадлежала, исчезла навсегда. – Она сухо усмехнулась и продолжила: – Меня не учили ничему полезному. Правда, я могу готовить, шить и следить за домом. Постараюсь найти работу экономки или служанки – ведь хорошие служанки очень

редко попадают, на них большой спрос.

Мысль о том, что отважный и умный сержант Эндрюс, умеющая обращаться, если нужно, с виброкинжалом, будет таскаться по бюро трудоустройства в поисках низкооплачиваемой работы, чтобы прокормить себя, была для меня совершенно неприемлема. «Требуется горничная на все услуги с понедельника по четверг, воскресенье через одно, нужны рекомендации» – и вот это для Мэгги? Мэгги, которая спасла мою не такую уж ценную жизнь, по крайней мере, дважды и никогда не задумывалась, чего это может ей стоить. Нет, только не Мэгги!

Я выпалил:

– Послушай, тебе не нужно *этим* заниматься!

– Это все, что я умею.

– Да, но... ну почему бы тебе тогда не готовить и не вести хозяйство *для меня*? Я надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы нас обоих прокормить, даже если меня после революции понизят до моего прежнего звания. Это будет не очень жирно, но все-таки...

Она взглянула на меня:

– Ну что ж, Джонни, ты очень любезен. – Она раздавила сигарету и кинула ее вниз. – Я очень тебе благодарна, но ничего из этого не выйдет. Даже после победы люди будут чешать языками и шептаться за спиной. Твоему начальству это не понравится.

Я покраснел и почти прокричал:

– Я совсем не то имел в виду!

– Да? А что ты имел в виду?

До того как у меня вырвалась последняя фраза, я и сам не знал, что имею в виду. А теперь я знал, но никак не мог подобрать подходящие слова.

– Я имел в виду... Послушай, Мэгги, мы с тобой друг друга хорошо знаем, я тебе не противен... и нам неплохо вместе... Поэтому почему бы нам...

Тут я запнулся и потерял голос.

Она поднялась на ноги и обернулась ко мне:

– Джон, ты предлагаешь мне выйти замуж? *Мне?*

Я сказал смущенно:

– Ну, в общем... идея была в этом...

Мне было неудобно, что она стоит передо мной, и я тоже встал.

Она внимательно смотрела на меня, как будто увидела впервые, потом сказала печально:

– Я польщена... и благодарна... и глубоко тронута. Но *нет, Джонни, нет!*

Из глаз ее покатались слезы, и она зарыдала. Но тут же взяла себя в руки, вытерла глаза рукавом и отрывисто сказала:

– Ну вот, ты заставил меня разреветься. Я много лет не плакала.

Я хотел обнять ее, но она оттолкнула мои руки и отступила на шаг:

– Нет, Джон! Сначала выслушай меня. Я готова работать у тебя экономкой, служанкой, но замуж за тебя я не выйду.

– Почему нет?

– Почему нет? Дорогой мой, очень дорогой мой мальчик, потому что я старая, усталая женщина, вот почему.

– Старая? Ты старше меня не больше чем на год или два. Ну три, самое большее. И это не играет роли.

– Я старше тебя на тысячу лет. Подумай, кем я была, где я была, что я знаю. Сначала я была «невестой», если так можно выразиться, Пророка.

– Ты не виновата.

– Может быть. Но затем я была любовницей твоего друга Зеба. Ты знал об этом?

– Ну... в общем, почти не сомневался.

– Но это не все. У меня были и другие мужчины. Некоторые – потому что была необходимость, а женщина мало что может предложить в качестве взятки. Некоторые – от одиночества или просто от скуки. После того как Пророку надоела очередная «невеста», она теряет цену даже в собственных глазах.

– Мне все равно! Мне все равно! Это не имеет значения!

– Ты это сейчас так говоришь. А потом это *будет* иметь для тебя значение, и очень большое. Я думаю, что знаю тебя, милый.

– Значит, ты меня не знаешь. Мы начнем все с нуля.

Она глубоко вздохнула:

– Ты думаешь, что любишь меня, Джон?

– Думаю, да.

– Ты любил Юдифь. Теперь, когда ты обижен ею, тебе кажется, что ты любишь меня.

– Но... ой, я не знаю, что такое любовь! Я знаю одно: я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы мы всегда были вместе.

– И я не знаю, – сказала она так тихо, что я еле услышал ее слова. Она подошла ко мне, и я обнял ее так естественно и просто, будто мы всю жизнь только и делали, что обнимались.

Мы поцеловались, и я спросил:

– Ну, теперь ты согласна выйти за меня замуж?

Она откинула голову и посмотрела на меня почти испуганно:

– О нет!

– Нет? А я думал...

– Нет, дорогой, нет! Я буду содержать твой дом, вести хозяйство, стирать белье, спать с тобой, если ты этого захочешь, но не надо тебе жениться на мне.

– Но... ах, Шеол, Мэгги! Я так не хочу!

– Не хочешь? Увидим. – Она выскользнула из моих рук. – Сегодня вечером. Около часу – после того, как все уснут. Оставь дверь открытой.

– Мэгги! – крикнул я.

Но она уже бежала по тропинке, будто летела по воздуху.

Я хотел догнать ее, споткнулся о сталагмит и упал. Когда я поднялся, ее уже не было видно.

И удивительное дело: я всегда считал Мэгги высокой, статной, почти с меня ростом. Но когда я обнимал ее, оказалось, она совсем маленькая. Мне пришлось наклониться, чтобы ее поцеловать.

В ночь Чуда все, кто оставался в Главном штабе, собрались в центре связи – я, мой начальник, начальник отдела связи, его технический персонал и несколько штабных офицеров. Горстка мужчин и несколько десятков женщин, которые не поместились в центре, остались в главном холле, где для них был установлен параллельный экран. Наш подземный город превратился в город-призрак, от его команды остался лишь костяк для поддержания связи с главнокомандующим, все остальные разъехались по боевым постам. У немногих оставшихся на данном этапе операции еще не было боевых постов. Стратегия была оговорена, и час восстания приурочен к часу Чуда. Тактические решения для всей страны невозможно было принимать в Главном штабе, и Хаксли был достаточно хороший генерал, чтобы и не пытаться сделать это. Войска были на исходных позициях, и их командиры должны были сами принимать решения. И ему оставалось только ждать и молиться. Нам оставалось лишь последовать его примеру. К часу «Ч» у меня на руках не осталось ногтей, которые еще можно было обгрызть.

На главном экране светилось объемное цветное изображение внутренней части Храма. Служба шла уже весь день. Процессии, гимны, молитвы, еще молитвы, жертвоприношения, преклонение коленей, песнопения – бесконечная моно-

тонность красочного ритуала. Мой старый полк стоял двумя окаменевшими рядами – блестели шлемы, и копья стояли ровно, так что казались зубьями гребенки. Я разглядел Питера ван Эйка, Мастера моей Ложи, стоявшего впереди взвода, живот его был закован в сверкающие латы. Я знал из донесений, что Мастер ван Эйк выкрал копию нужного нам кинофильма, и его присутствие на церемонии было хорошим знаком, – значит, его не подозревают и нашим планам ничто не угрожает.

На трех остальных стенах центра связи находились многочисленные экраны поменьше. На них шла трансляция из различных крупных городов – толпы на площади Риттенхаус, битком набитый Голливуд-Болл, толпы в местных храмах. И повсюду люди не отрывали глаз от огромных телевизионных экранов, показывающих ту же сцену, что мы наблюдали, – внутренность Большого Храма.

По всей Америке царилло ожидание, все, кто мог, каждая смертная душа, уставились в ближайший телевизионный экран в ожидании Чуда. Чуда Воплощения.

За нашей спиной психооператор склонился над телепаткой, находившейся под гипнозом. Телепатка, девушка лет девятнадцати, вздрогнула и что-то пробормотала. Психооператор наклонился ближе, вслушался и обернулся к генералу Хаксли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.